

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ,

ИЛИ
РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть первая.

Соч. М. Н. Загоскина.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ.

1829.

Смисабема Убанова.

ПЕЧАТАТЬ **ПОЗВОЛЯЕТСЯ**
съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи пред-
ставлены были въ Ценсурный Коми-
тетъ *три* экземпляра. Москва. 1829
года, Іюля 19 дня. Ценсоръ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

MS
K. D.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ИЛИ

РУСКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть I.

МОСКВА.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Г Л А В А I.

Никогда Россія не была въ споль бѣдспвенномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го спольшія; виѣшніе враги, внушренніе раздоры, смушы Боярь, а болѣе всего совершенное безнача-ліе — все угрожало неизбѣжной поги-белью землѣ Русской. Вѣрный сынъ опечесства, Бояринъ, Михайло Бори-совичъ Шейнъ, не смопря на безпри-мѣрную свою неуспрашимоспъ, не могъ спасти Смоленска. Сей, по по-гдашнему времени, важный своими укрѣпленіями городъ, былъ уже во власпи Польскаго Короля, Сигизмунда, войска копорого, подѣ командою Геш-мана Жолкѣвскаго, впуценныя измѣ-ною въ Москву, успѣсняди неесчаш-ныхъ жишелей сей древней Сполицы.

Наглость, своеволие и жестокости сего буйного войска превосходили всякое описание (1). Имъ не успу-пали въ звѣрствѣ многочудныя шолпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ Козаковъ, копорые занимали, или лучше ска-зашь, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязму, Доргобужъ и мно-гіе другіе города. — Въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, спояли войска впораго самозванца, прозваннаго Тушинскимъ Воротомъ; на сѣверѣ, Шведскій Генераль, Поншіусъ де ла Гарди свирѣпствовалъ въ Новѣ-городѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, исключая нѣ-копорые Низовые города, почти вся земля Русская была во власши непри-ятелей и одна Сергіевская Лавра, осаж-денная войсками впораго Самозванца, подъ начальствомъ Гешмана Сапѣги и знаменишаго Налеша (*), Пана Лисовска-

---

(*) Такъ назывались въ то время Партизаны.

го, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монашескіе и пресвятые иноки опоясали свящую обитель.—Сей спасительный примѣръ и увѣщательныя граматы, кои благочестивый Архимандритъ, Діонисій и незабвенный спарець, Аврамій рассылали повсюду, возбудили наконецъ усыпленный духъ народа Русскаго:—защипались въ сердцахъ искры пламенной любви къ опечесиву; всѣ головы были возсхаты на супоспаша, но священные слова: »умремъ за вѣру православную и свящую Русь!«—не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарскій, покрытый ранами, спрадалъ на одръ болѣзни; а бессмертный Мининъ еще не выступалъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.—

Въ сіи-то смутныя времена, въ началѣ Апрѣля 1612-го года, въ одну бурную ночь два всадника медленно пробирались по берегу луговой спо-

роны Волги. Одинъ изъ нихъ, закушанный въ широкій охобень (*), ѣхалъ впереди на борзомъ ворономъ конѣ, и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мяшель спановилась часъ ошъ часу сильнѣе; другой, въ нагольномъ шулупѣ, сверхъ кошораго надѣшъ былъ на распашку кашанъ изъ шолсшаго бѣлаго сукна, безпреспанно оспанавливалъ свою усшалуу лошадь, прислушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свисша бури, съ примѣшнымъ безпокойшвомъ озирался на всѣ спороны: — Полегче, Бояринъ! — сказалъ онъ наконецъ съ нѣкошорымъ нешерпѣніемъ, — швой конъ шагислѣ, а мой Сърко чудъ ноги волочислѣ. —

Передній всадникъ приоспановилъ свою лошадь; а шопъ, кошорый началъ говорислѣ, поровнявшислѣ съ нимъ, продолжалъ:

(*) Верхнее платье, съ длинными рукавами и кашпономъ. —

—Прогнѣвили мы Господа Бога, Юрій Дмиричъ! Не даетъ намъ весны! Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстѣ шестьдесятъ, шакъ моглибъ сегодня опдохнуть. Вошь ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли дождемъ — Богъ вѣсть!—

—Не кручинься, Алексѣй!—опивчалъ другой пупешешвенникъ; — завпра мы опдохнемъ вдоволь.—

—Такъ завпра мы дождемъ пуда, куда послалъ тебѣ Панъ Гонсѣвской?—

—Я думаю.—

—Дай-шо Богъ!... Ну, ну, Сѣрко! спупай!... А что, Бояринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?—

—Да, и очень скоро.—

—Не прогнѣвайся, Государь, а позволъ слово молвишь! Не лучше ли намъ переждашь, какъ шамъ все угомонится? Теперь въ Москвѣ жишь худое: Поляки буяннѣтъ, православные роичунтъ—шого и гляди пойдешъ

рѣзня!—Поспой-ка, Бояринъ, поспой!—
Сѣрко мой что-то хранишь, да и
твоя лошадь упирается—ужь не ов-
рагь ли? «....

Оба путешественника остано-
вились; Алексѣй прыгнулъ съ лошади,
сступилъ нѣсколько шаговъ впередъ
и вдругъ остановился, какъ вкопа-
ной.

—Ну, что?—спросилъ другой пу-
тешественникъ.

—Охъ, худо, Бояринъ! Мы ѣдемъ
цѣликомъ, а вошь кажется и оврагъ....
Ахъ, башюшки—свѣшы! Какая крупь!—
Какъ Богъ помиловаль!—

—Такъ мы заплушались?—

—Вошь по-по и бѣда!—Ну, Юрій
Дмишричъ! что намъ шеперь дѣ-
лать?—

—Искашь дороги.—

—Да, какъ ее сыщешь, Бояринъ;
Смотри, какая мяшель—свѣшу Божья-
го не видно!—

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до
такой степени, что въ двухъ ша-

гахъ не возможно было различать предметовъ. Снѣжная равнина, взрываема порывистымъ вѣтромъ, покодилась на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлая облака пушистаго снѣга крупились въ воздухъ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, кошорья на каждомъ шагу оснупались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли вершны двѣ, не опыскавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе, сказалъ наконецъ шопъ изъ путешественниковъ, кошорый, по видимому, былъ господиномъ; онъ бросилъ поводъ своей лошади, и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, Бояринъ? спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да! Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Послушай!...

Если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божию, и думай только о себѣ.—

—Что ты, что ты, Бояринъ! Богъ съ тобою!—

—Да, мой добрый Алексѣй! Если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты успалъ менѣ моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного, и когда Господь поможетъ тебѣ найдти приютъ, то спускай завтра въ общину Боярина Кручины Шалонскаго— она не далеко отсюда, отдай ему....

—Какъ, Юрій Дмитричъ! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то ли я вскормленъ опцемъ и маперью? Нѣтъ, родимой! если ты не можешь идти, то и я не пронусь съ мѣспа!—

—Алексѣй! ты долженъ исполнишь послѣднюю мою волю.—

—Нѣтъ, Бояринъ! и не говори объ этомъ! Умираешь, такъ умираешь обо-

нмъ. Но что эшо?.... Не слышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и спалъ прислушиваясь съ большимъ вниманіемъ.—Хошябъ на чашокъ зашихъ эшошъ окаянный въшеръ! вскричалъ онъ съ неперпвнїемъ. Мнѣ показалось, что налво опъ насъ.... Чу, слышешь, Юрїй Дмишричь?—

—Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Юрїй, приподнимаясь на ноги; кажепся, шамъ лаептъ собака....

—И мнѣ шо же сдаешся. Дай-шо Господи! Завшра же опслужу молебень свяшому угоднику, Алексѣю.... посшавлю фуншовую свѣчу.... Пойду пѣшкѣмъ поклонишся Печерскимъ чудотворцамъ.... Чу, опяшъ! Слышешь?—

—Точно, шы не ошибаешся.—

—А гдѣ лаептъ собака, шамъ и жилье. Ободришь, Бояринъ; Господь не совсѣмъ насъ покинулъ.—

Кого среди ночнаго мрака засшавала мяшель въ опкрышомъ полѣ; кшо

испытала на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, шопъ поймешь воспоргъ нашихъ путешественниковъ, когда они удосповѣрились, что шочно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю успалость, они пуспились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда; лай спановился часъ опъ часу вняшнѣе, и хошя буря не уменьшалась; но они не боялись уже сбиться съ своего пуши.

— Кажется, не далеко опсюда, сказалъ Юрій; я слышу очень ясно....

— И я слышу, Бояринъ! опвѣчалъ Алексѣй, приоспановясь на минушу: да шолько эшопъ лай мнѣ вовсе не посердцу.—

— А что шакое?—

— Ничего, ничего!— Дай-шо Богъ, чтошобъ шушь было жильѣ!—

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ большая черная собака, съ громкимъ лаемъ, бросилась на

вспрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣшь хвостомъ, визжашь и попомъ съ воємъ побѣждала назадъ. Алексѣй пошолъ за нею; но едва онъ спунилъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ: —Съ нами креспная сила!—Ну, шакъ!... сердце мое чуяло.... посмопри-ка, Бояринь!—

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный песпрымъ кушакомъ, изъ за-кошораго видѣлась рукояпка широкаго Турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная виншовка, въ суконномъ чехлѣ, висѣла у него за спиною; а съ правой стороны къ поясу привязана была шолшая Козацкая плешь.—Татарская шапка, съ густымъ околышемъ, спала съ его головы, и вѣперъ развѣвалъ черныя его кудри по воздуху.—Собака легла подлѣ его и, глядя приспально на нашихъ пушешешвенниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

—Ахъ, Боже мой! сказалъ Юрій, не-

счастливы, онъ замерзъ!—Забывъ собственную опасность, Юрій наклонился заботливо надъ прохожимъ и старался привести его въ чувство.

Сей плачевный видъ, предвѣспникъ собственной ихъ участи, ужасность, а болѣе всего обманутая надежда— все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на бѣднаго Алексѣя, что вся бодрость его исчезла. Предавшись совершенному отчаянію, онъ началъ называть по именамъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своихъ;—проспите, добрые люди! вопилъ онъ, проспите, моя Маринушка! Не въ доброй часъ мы выѣхали изъ дому, пропали наши головы!—

— Полно ревѣть, Алексѣй! сказала Юрій, поди сюда. Эштожь бѣднякъ еще живъ, онъ спитъ, и если намъ удастся разбудить его....

— Эхъ, родной! и мы скоро заснемъ, чтобъ вѣкъ не просыпаться!—

— Не грѣши, Алексѣй! Богъ милосивъ! Посмотри хорошенько, развѣ

пы не видишь, что здѣсь снѣгъ укапанъ и наши лошади не вязнутъ—вѣдь это дорога.—

— Дорога? постой, Бояринь.... въ самомъ дѣлѣ! Слава Богу! Ну, Юрій Дмиричъ, сядемъ на коней, мѣшкашь нечего!—

— А этошь бѣдный прохожій?—

— Дай Богъ ему царство небесное! ужъ видно ему шакъ на роду написано. Поѣдемъ, Бояринь.—

— Нѣтъ, я попыпашюсь спасти его, сказала Юрій, спараясь привести въ чувство полузамерзшаго незнакомца. Нѣсколько минушь прошло въ безплодныхъ спараніяхъ; наконецъ прохожій очнулся, приподнял голову, и сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Юрій, при помощи Алексѣя, поставилъ его на ноги, но онъ не могъ на нихъ держаться.—Ну, видишь, Юрій Дмиричъ, сказала Алексѣй, намъ съ нимъ дѣлать нечего; поѣдемъ! Изъ первой деревни мы вышлемъ за нимъ сани!—

— А пока мы дождемъ до жилья, онъ уснѣетъ совсѣмъ замерзнуть.—

— Чпожъ дѣлашь, Бояринъ! своя рубашка къ шѣлу ближе!—

— Алексѣй, побойся Бога! Развѣ шы не крещеной?—

— Да послушай, Юрій Дмитричъ! за себя я гошовъ въ огонь и воду: шы мой Бояринъ, а умирашь за всякаго прохожаго не хочу; дѣло другое опслужилъ по немъ панихиду, пожалуй....

— Молчи! и пособи мнѣ посадишь его на швою лошадь!—

Алексѣй замолчалъ и принялся помогать своему господину. Они не безъ шруда подвели прохожаго къ лошади; онъ пересступалъ машинально, и, казалось, не слышалъ и не видѣлъ ничего; но когда надобно было садиться на коня, шо вдругъ оживился, и, какъ будшо бы по какому-шо инстинкту, вскочилъ безъ ихъ помощи на сѣдло, взялъ въ руки повода, и неподвижные глаза его вспыхнули жиз-

нiю, а на безчувственномъ лицѣ изобразилась живая радость. — Черная собака, съ громкимъ лаемъ, побѣжала впередъ.

— Посмотри, Бояринъ! сказалъ Алексѣй; онъ чудь живъ, а какимъ молодцомъ сидитъ на конѣ: видно, что ѣздокъ!.... Ого! да онъ началъ пошевеливаться! Тише, братъ, тише! Мой Сѣрко и такъ уснулъ. Однакожь, Юрiй Дмитричъ, или мы поразогрѣлись, или погода спановилась шепалье.—

— И мнѣ то же кажется.—

— Какъ бы снѣгъ не такъ валилъ, по намъ бы и думаешь нечего. Ей ты, мерзлой!—Полно, братъ, тарцовавъ, сиди смирише! — Ну, шеперь опшлегло опъ сердца; а давеча пришлось-было такъ жулко, хопъ шупъ же ложись, да умирай!—Ахши! посшой-ка! ни какъ дорога пошла направо? Мы опять ѣдемъ цѣликомъ.—

Тупъhalb налѣво опъ никъ послышался лай собаки, незнакомый поворошилъ въ ту спорону.—Куда ты, зем-

лякъ! Постпой, вскричалъ Алексѣй, схвативъ за поводъ лошадь, иль хочешь опяшь замерзнуть? — Но незнакомый махнулъ плешью и, прошащивъ нѣсколько шаговъ за собою Алексѣя, выѣхалъ на большую дорогу. — Видишь ли, прошепшалъ онъ едва вняшнымъ голосомъ, чпо моя собака лучше твоего знаетъ дорогу. —

— Еге! да ты спалъ поговаривашь! Ну, чпо, братъ, ожилъ? —

Незнакомый не отвѣчалъ ничего, и, продолжая ѣхать молча, старался непрестаннымъ движеніемъ разогрѣть свои оледѣвшіе члены; онъ приподнимался на спременахъ, гнулся на ту и другую сторону, махалъ плешью и спустя нѣсколько минутъ запѣлъ пошхоньку, но довольно твердымъ голосомъ:

Гой ты, море, море спнес!

Ты разгулье молодецкое!

* * *

Ты прости, моя любимал,

Красна дѣвица — душа!

Не трепать рукою ласковой
Щеки алыя пвои;
А трепать ли молодцу
Мнѣ широкимъ весломъ
Волгу мапушку. . . .

— Ого, шоварищъ! сказалъ Алексѣй, да ты никакъ совсѣмъ опшпалъ— пѣсенки попѣваешь!—

— Да, добрые люди, спасибо вамъ! долго бы мнѣ спать, если бы вы меня не разбудили.—

— Откуда ты? спросилъ Юрій, и куда пробираешься?—

— Изъ-подъ Москвы! А куда иду, и самъ еще пушѣмъ незнаю. Верстахъ въ пяти отсюда, неизмѣнный мой шоварищъ, добрый конь, выбился изъ силъ и палъ; я хопѣлъ кой-какъ до-брести до первой деревни....

— А кто ты шаковъ?—

— Кто я? Какъ бы вамъ сказать... . зовутъ меня Киршею; родомъ я изъ Царицына; служилъ Козакомъ въ Ба-шуринь, а шеперь Запорожець.—

— Запорожець? — вскричавъ Алексѣй, опскочивъ въ сторону.

— Да! — продолжалъ спокойно прохожій. — Я приписанъ къ Запорожской Сѣчѣ, къ Незамановскому куреню и, безъ хвасновства скажу, не изъ послѣднихъ Козаковъ. Мой родной братъ Куренной Апшманъ, а дядя былъ Кошевымъ. —

— Помилуй Господи! сказалъ Алексѣй. — Запорожской Козакъ и вѣрно разбойникъ! —

— Нѣптъ, поварищъ, напрасно! Въ удалствѣ я опъ другихъ не опспавалъ, а гайдамакомъ никогда не былъ. —

— Какъ же ты попалъ въ здѣшнюю сторону? — спросилъ съ любопытствомъ Юрій.

— А вошь какъ: я года два шашаюсь по бѣлу—свѣшу, и памъ и сямъ; да что-шо въ руку нейдетъ. До меня дошолъ слухъ, что въ Нижнемъ-Новъ-Городѣ набираюшь вшихомолку войско; такъ я хошѣлъ попыпашъ счастья, и приспашъ къ здѣшнимъ. —

— Прошивъ кого? —

— А мнѣ что за дѣло? Про то Пансво знаешъ;—была бы шолько пожи-ва; вѣдь спыдно будешъ вернушься въ мой курень съ пусшыми руками. Другіе выспавяшъ на улицу чаны съ виномъ и спанушъ подчивашъ всѣхъ прохожихъ, а мнѣ и Кошевому нече-го будешъ поднесши.—

— За чѣмъ же ты не приспалъ къ войску Гешмана, Жолкѣвскаго?

— Спроси лучше, за чѣмъ опспалъ?

— Такъ ты бѣглець?

— Кшо? я бѣглець? сказалъ прохо-жій, приоспановя свою лошадь. Эпопгъ вопросъ былъ сдѣланъ шакимъ голо-сомъ, что Алексѣй невольню схва-тился за рукоятку своего охопничья-го ножа.—Добро, добро! шакъ и бышь!—продолжалъ онъ,—мнѣ грѣшно на пе-бя сердиться. Бѣглець!—Нѣпъ, госпо-динъ чеспный! Запорожцы, люди воль-ные и служашъ шому, кому хошашъ.—

— Но развѣ вы не должны служиць Королю, Сигизмунду?

— Должны, шакъ говоряшъ и спар-

шіе; только врядъ ли когда Запорожской Козакъ будетъ брапомъ Поляку. Нечего сказать, и мы купили порядкомъ въ Черниговѣ: все Божье, да наше! Но жгли ли мы храмы Господни? ругались ли вѣрою православною?—А эти окаянныя Ляхи—для забавы спрѣляютъ въ святыя иконы. Какъ Богъ еще терпитъ!—

—Но всѣ эти безпорядки скоро прекращаются; Московскіе жители добровольно избрали на Царство сына Короля Польскаго.—

—Добровольно! Хороша воля, когда надъ шобой спояшь съ дубиною—не хопя закричишь: давай намъ Королевича, Владислава!—Нѣтъ, господинъ честной!—не пановашь надъ Москвою этому иновѣрцу. Дай только Русскимъ опериться.—

—Но кажешся дѣло кончено, и когда вся Москва присягнула Польскому Королевичу....

—Мало ли что кажешся! Вошь и мнѣ нѣсколько разъ казалось, что шамъ

направо свѣпипъ огонекъ, а шеперь ничего не вижу.—

—Огонь! гдѣ ты видишь?—вскричалъ Алексѣй.

—А, вонъ, посмотри! опять показался; видишь, шамъ! какъ свѣчка шеплился!—

Пушешесипвенники оспановились. Направо, съ полверсны ошъ дороги, мелькалъ огонекъ; они поворошили въ ту спорону, и черезъ нѣсколько минушъ, Алексѣй, копорый шолъ впереди съ собакою, закричалъ радостнымъ голосомъ:—сюда, Юрѣй Дмишричь! сюда! Вошъ и плешень! Тише, Бояринъ, пише! Околица должна бышъ лѣвѣе, здѣсь! Ну, слава шевѣ, Господи! продолжалъ онъ, опворя вороша; доѣхали—и вѣвремя! Слышишь ли, какъ опять завылъ вѣшеръ? Да пусть шеперь бушуетъ, какъ хочешъ;—намъ и гѣрюшки мало: въ избѣ не озябнемъ.—

—А развѣ мы одни шеперь въ до-рогѣ?—сказалъ Юрѣй, глядя съ безо-

койствомъ на ужасный вихрь, ко-
рый снова свирѣпствовалъ въ полѣ.

— Кому бышь убишу, шопть не за-
мерзнешь, прощептала Кирша, въѣз-
жая въ околицу.

Г Л А В А II.

Деревушка, въ копорую въѣхали наши путешественники, находилась въ близкомъ разстояніи отъ зимней дороги, на небольшомъ возвышеніи, копорое во время разлива не понималось водою. Нѣсколько курныхъ лапчужекъ, разбросанныхъ по скапу холма, окружали избу, менѣе другихъ походящую на хижину. Красное окно, въ копоромъ, вмѣсто стеколъ, вставлена была напишанная масломъ, полупрозрачная холстина, обширной крышой дворъ, а болѣе всего звуки различныхъ голосовъ и громкой гуль довольно шумной бесѣды, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ хижинахъ царствовала глубокая тишина: все доказывало, что это поспоялой дворъ,

и что не одни наши путешественники искали въ немъ приюта отъ непогоды.

Домашней простонародный бытъ тогдашняго времени почти ничѣмъ не отличался отъ нынѣшняго; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, шѣ же палати, большой столъ, лавки и передней уголъ, украшенный иконами святыхъ угодниковъ. Въ печеніи двухъ столѣній измѣнились только нѣкоторыя мелочныя подробности: въ наше время въ хорошей бѣлой избѣ обыкновенно кладется печь съ трубою, а сѣны украшаются иногда карпинками, представляющими Шемякинъ судъ, или Мамаево побоище; въ 17-мъ вѣкѣ эта роскошь была извѣстна однимъ Боярамъ и богатымъ купцамъ господиной сошны (2). Слѣдовательно читателю не трудно будетъ представить себѣ внутренность посюляго двора, въ которомъ, за большимъ дубо-

вымъ споломъ, сидѣло нѣсколько проѣзжихъ. Пукъ горящей лучины, вопкнутой въ свѣщъ, изливалъ довольно яркой свѣтъ на все общество; по оспашкамъ хлѣба и пустымъ деревяннымъ чашамъ можно было догадаться, что они только-что опужинали и, вмѣсто десерта, запивали грѣчневую кашу брагою, копорая въ большой мѣдной ендовѣ стояла посреди стола. Вдоль стѣны, на лавкѣ, сидѣли трое проѣзжихъ; одинъ изъ нихъ, одѣшой въ лисью шубу, говорилъ съ большимъ жаромъ, не забывая однако же подливать безпреспанно изъ ендовы въ свою дорожную серебряную кружку. Оба его сосѣда, казалось, слушали съ большимъ вниманіемъ и съ почтеніемъ оподвигались каждый разъ, когда ораторъ, приходя въ восторгъ, начиналъ размахивать руками. Съ перваго взгляда можно было опгадать, что человекъ въ лисьей шубѣ заживочной купецъ, а оба внимательные слушатели—его

работники. Насупрошивъ ихъ сидѣль въ красномъ кафтанѣ, съ привѣшеною къ кушаку саблею, Спрѣлецъ; шапка съ оспроконечною шульею лежала подлѣ него на сполѣ; онъ шаже съ большимъ вниманіемъ, но вмѣстѣ и съ примѣшнымъ неудовольствіемъ, слушалъ купца, рассказъ копорого, казалось, производилъ совершенно прошивное дѣйствіе на сосѣда его, человѣка—средняго роста, съ рыжей бородою и отвращительнымъ лицемъ. Въ косыхъ глазахъ его, усуремленныхъ на рассказчика, блиспала злобная радость; онъ безпресшанно вертѣлся на скамѣ, поширалъ руки и казался опмѣнно довольнымъ. Трудно было бы опгадаць къ какому классу людей принадлежишь сей послѣдней, еслибъ опъ безпрерывнаго движенія не распахнулся его смурой однорядокъ и не опкрылись, вышитыя красной шерсью на груди его кафтана, двѣ буквы: *З* и *Я*, означающія, что онъ принадлежалъ къ числу по-

лицейскихъ служителейъ , копорые въ то время назывались.... я боюсь оскорбить нѣжный слухъ моихъ чипашелей , но соблюдая сколь возможно историческую истину, долженъ сказать, что ихъ въ 17-мъ столѣтїи называли: Земскими Ярыжками. Въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣлъ человекъ лѣтъ за сорокъ, одѣшой весьма просто. Черная окладистая борода, высокой лобъ , покрытый морщинами, а болѣе всего орлиный быспрый взглядъ, отличалъ его отъ другихъ проѣзжихъ. Смуглое, исполненное жизни лице его выражало глубокую задумчивость и какое-то грозное спокойствїе человека , увѣреннаго въ необычайной своей силѣ ; широкія плеча, жилистые руки , высокая богатырская грудь,—все оправдывало эту послѣднюю догадку. Облокотясь небрежно на столъ , онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманїя на своихъ сосѣдей и только изрѣдка взглядывалъ на полицейскаго

служишеля; ничѣмъ не изъяснимое презрѣніе изображалось тогда въ глазахъ его и эпопѣ взглядъ, быспрый какъ молнія, — копорая, блеснувъ, въ минушу попухаепъ, — спановидся снова неподвижнымъ, выражая отпанивъ одну задумчивоспъ и совершенное равнодушіе къ общему разговору.

— Помилуй, Господи! вскричалъ Спрѣлецъ, когда человекъ въ лисей шубѣ кончилъ свой рассказъ; — не ужшо въ самомъ дѣлѣ вся Москва цѣловала крестъ эпому иновѣрцу (3)? —

— Развѣ ты не слышешъ? сказать Земской, — и чему дивишся? Плешью обука не перешибешъ; да и что намъ мѣлкимъ людямъ до эшаго за дѣло! —

— Какъ что за дѣло? возразилъ купецъ, копорый межъ тѣмъ осушилъ однимъ глоткомъ кружку браги. — Да развѣ мы не православные? Мало ли у насъ Князей и знаменишыхъ Бодръ? Еспъ изъ кого выберашъ; да вопъ не далеко идши, хопъ на примѣръ Князь, Димитрій Михайловичъ, Пожарской....

— Нашольтъ челоуѣка ! подхвапиль Земской. Князь Пожарской ! повно-рилъ онъ съ злобною улыбкой, опъ которой безобразное лице его сдѣла-лось еще опврашипельнѣе. — Нѣтъ, хозяинъ, у него Поляки опбили охо-шу совашья шуда, куда не спраши-ваюшъ; небось хвапилься за умъ, уб-рался въ свою Пурецкую волосъ, да вошъ уже почти цѣлой годъ нише воды, ниже правы; чай и шеперь еще бока побаливаюшъ.—

— Да и Поляки-по, брашъ, не ско-ро его забудушъ, сказалъ Спрѣмецъ, ударивъ рукою по своей саблѣ;—я самъ былъ въ Москвѣ и поработалъ эпой дурую, когда въ прошломъ Маршѣ мѣ-сяцѣ, помнишя, въ день свашаго угодника, Хрисанфа, Князь Пожар-ской принялся колошишъ эпоихъ не-званныхъ госшей: по-по была свалка Мы сдѣлали на Лубянкѣ, кругомъ церкви Введенія Божіей Машери, засъку; и ровно двое супокъ оп-грызались опъ супоспаповъ....

— А на шпрешы насилу ноги упле-
ли?—

— Чпожъ дѣлашь , шоварищъ ! сила
солому домишь. Самъ Гешманъ на-
грянулъ на насъ со всѣмъ войскомъ....

— И, чай, Пожарской первый даъ
пягу ? Говоряшь , онъ куды легокъ
на ногу.—

Тупъ молчаливой проѣзжей бро-
силъ на Земскаго одинъ изъ нѣхъ
взглядовъ, о копорыхъ мы говорили;
правая рука его, сжашая кулакомъ, не-
вольно опдѣлилась опъ спола , онъ
самъ приподнялся до половины ; но
прежде, чѣмъ кто нибудь изъ присущ-
ствующихъ замѣшилъ сіе движеніе ,
проѣзжей сидѣлъ уже, облокопясь на
споль, и лице его выражало по преж-
нему совершенное равнодушіе.

— Послушай, шоварищъ ! сказалъ
Спрѣлецъ, посмопрѣвъ молча нѣсколь-
ко времени на Земскаго;—кажешся ты
не о двухъ головахъ!—

— Такъ чпожъ?—

—А шо, любезной, чшо другой у шебя не оспанется, какъ эту сло- машь. Ну, приспало ли Земскому Ярыжкѣ говоришь такія рѣчи о Князѣ Пожарскомъ! Я человекъ смирной, а у другаго бы шы первымъ словомъ подавился. Я самъ видѣль, какъ Князя Пожарскаго замершво вынесли изъ Москвы.—Нѣшь, чоршь возьми! Онъ не побѣжишь первой, хошя бы повспрѣчался съ самимъ сапаною, на копо- раго, сказаць мимоходомъ, шы съ ро- жи-шо очень походишь.—

Осанистой купецъ улыбнулся, его работники громко захохопали, а Земской, не смѣя отвѣчать Спрѣльцу, ворчалъ про себя:—бранись, брань! бранись! брань на ворошу не виснетъ. Вы все Спрѣльцы—буяны. Да не долго вамъ храбрѣвань!... скоро лзычекъ прикусите!—

—Г. Земской! сказаць съ важностію купецъ;—его милосшь дѣло говоришь: не личишь нашему брату злословишь

такаго знаменипаго Боярина, каковъ Свѣшлый Князь, Димитрій Михайловичъ, Пожарской.—

—Да я не свои рѣчи говорю, возразилъ Земской, оправясь опгь перваго испуга.—Бояринъ, Кручина Шалонской не хуже вашего Пожарскаго, а послушайте-ка, что онъ о немъ рассказываетъ.—

—Бояринъ, Кручина Шалонской? повпорилъ купецъ. Слыхали мы объ его умѣ и дородствѣ!... У насъ въ Балахнѣ рассказывали, что эшопъ Бояринъ, Шалонской....

—Ведешь хлѣбъ—соль съ Поляками, подхвалилъ Спрѣлецъ.—Ну, да шопъ самой! Какой онъ Русской Бояринъ—хуже бесурмана: мучишь креспьянъ, раззорилъ всѣ свои опчины, забылъ Бога, и даже—просни, Господи, мое согрѣшеніе! прибавилъ онъ, перекрещаясь и посмопрѣвъ вокругъ себя съ ужасомъ—и даже, говорятъ, будшо бы онъ... вымолвилъ спрашно!... ѣшь по посшамъ скромное!—

— Ахъ, онъ безбожникъ! вскричалъ купецъ, всплеснувъ руками;—и Господь Богъ шершншь такое беззаконіе!—

— Попише, хозяйнъ! попише! сказалъ Земской.—Бояринъ, Шалонской помолвилъ дочь свою за Пана, Гонсѣвскаго, которъй шеперь Гешманомъ и главнымъ Воеводою въ Москвѣ: шакъ не худо бы инымъ прочимъ держашъ языкъ за зубами.—У Гешмана руки длинныя, а Балахна не за придевншь земель опть Москвы, да и самъ Бояринъ шушншь не любитъ: неравно прилучншь шебъ ѣхашъ мимо его помѣстншь съ шоварами, шакъ шопри!... чшобъ не продашь съ накладомъ.—

— Оборони Господи! вскричалъ купецъ, поблѣдншь опть снраха;—да я, государь, милосшнвншь, ничего не говорю, видншь Богъ—ничего!—Мы люди малые, чшо намъ шолковашъ о Боярахъ!...

— А куда ваша милосшь ѣдетъ? про-

— А ужь какой блзгой, Богъ съ нимъ! примолвила хозяйка, поправляя нагорѣвшую лучину.

— Молчи, баба! не швое дѣло.—

— Въспимо не мое, Пахóмычь! А каково-шо нашему сосѣду, Васьяну Спешанычу! Поспрашай-ка у него.—

— А чшо такое онъ едѣлалъ съ вашимъ сосѣдомъ? спросилъ Спрѣлецъ.

— А вопшь чшо, родимой!—Сосѣдъ нашъ, убогой помѣщикъ, одинъ сынъ у мащери. Ономясь Бояринъ зазвалъ его къ себѣ пображничать: чшожь, башюпка!.... для своей поппѣхи, зашилъ его въ медвѣжью шкуру, да и ну править собакою! И, слышь ты, они, и баринъ и собака, шакъ оспервѣнились, чшо наслу водой розлили. Привезли его сердечнаго еле жива, а бѣдная-шо барыня ужь вопила, вопила! Легкомъ!... недѣлю головы не приподнималъ!—

— Ахъ, ты просшоволосая! сказала Земской; да комужь и шѣшишь Боярина, какъ не эшимъ мѣлкопомѣ-

спящимъ! Вѣдь онъ ихъ поить и кормить, да уму-разуму научаетъ. Вошь хошь и вашъ Васьянъ Степанычъ, давно ли кричалъ: »на что намъ Польскаго Королевича!« а шеперь небось не то заговорилъ.—

— Да, кормилецъ, правда! Онъ говоритъ, что все будетъ поспарому. Дай - шо, Господь! Бывало придетъ Юрьевъ день, запошишь поборы—да и дѣло съ концемъ: любовь помещикъ—остался, нелюбовъ—пошолъ куда хошь; а шеперь, какъ нападешь на лихаго Боярина, шакъ не знаешь, куда съ горемышной головой дѣвашься.—

— А вамъ бы только шапашься, да ничего не плашишь, сказалъ Спрѣлецъ.

— Какъ—ста бы не плашишь, опивчалъ хозяинъ, да шяга больно велика: поборы поборами, а шамъ, какъ поѣдешь въ дорогу: головщина, мышъ, мосповщина....

— Вошь по-шо же, глупыя головы, перервалъ Земской; что вамъ убыли,

если у васъ старшими будутъ Поляки? Да и гдѣ намъ съ ними возишься! не даромъ въ писаніи сказано: «спрудно прашь прошивъ рожна.» Чпо намъ за дѣло, кпо будешь государствовать въ Москвѣ, Русской ли Царь, Польской ли Королевичъ: было бы намъ легко. ▽

Тушь деревянная чаша, копорая стояла на скамьѣ въ переднемъ углу, съ громомъ полетѣла на полъ. Всѣ взоры обратились на молчаливаго прѣзжаго: глаза его сверкали, ужасная блѣдность покрывала лице, губы дрожали — казалось, онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ превратить въ прахъ рыжаго Земскаго.

— Чшо съ тобою, добрый человекъ? сказалъ Спрѣлецъ послѣ минутнаго, общаго молчанія.

Незнакомый какъ будто бы очнулся ошъ сна; провелъ рукою по глазамъ, взглянулъ вокругъ себя и прощепсаль глухимъ, опривисшимъ го-

люсомъ:—пѣфу, башюшки! Смоири, пожалуйста! Никакъ я вздремнулъ!—

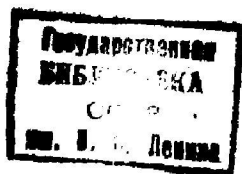
—И вѣрно тебѣ померещилось что ни ешь спрашное? спросилъ купецъ.

—Да!... Я видѣлъ и слышалъ сашану.—

Купецъ перекрестился, работники его оподвинулись подалѣе опѣ незнакомца и всѣ, съ какимъ-то ужасомъ и неперпѣнїемъ; ожидали продолженїя разговора; но проѣзжей молчалъ, а купецъ, казалось, не смѣлъ продолжатъ своихъ вопросовъ. — Въ эту минушу послышался на улицѣ конской топотъ.—

—Чу! сказалъ хозяинъ; никакъ еще проѣзжіе! слышишь, жена, жучка залаяла! спупай, посвѣпи!—

Вороша заскрыпѣли, громкой незнакомый лай, на копорой жучка опвѣчала робкимъ ворчаньемъ, раздался на дворѣ и черезъ минушу Юрій, вмѣстѣ съ Киршею, вошли въ избу.

Г Л А В А ІІІ.

— Хлѣбъ, да соль, добрые люди! сказала Юрій, помолясь иконамъ.

— Милости просимъ! отвѣчалъ хозяинъ.

— Ахъ, сердечной! вскричала хозяйка; смотри, какъ тебя занесло снѣгомъ! То-то чай назябся!—

— А вошь опогрѣмся, сказалъ Кирша, помогая Юрію скинуть, покрышой снѣгомъ, охобень.

— Да это никакъ Бояринъ! шепнула хозяйка своему мужу.

Скинувъ верхнее плащье, Юрій осмался въ малиновомъ, общипомъ голунами полукафшаньи; къ шелковому кушаку привѣшена была Польская сабля; а черезъ плечо, на серебряной

цѣпочкѣ, висѣль длинной Турецкой
 нисподелпѣ. Осшириженные въ кру-
 жокѣ, шемнорусые волосы казались
 почши черными опѣ пропивополож-
 носши съ бѣлизною лица, цвѣщуца-
 го юноснью и здоровьемъ; опшвага и
 добродушіе блистали въ большихъ
 голубыхъ глазахъ его; а улыбка, съ
 кошорою онѣ повшорилѣ свое при-
 вѣпспшвіе, подойдя къ столу, изобра-
 жала шакое радушіе, чшо всѣ проѣз-
 жіе, не исключая рыжаго Земскаго,
 привспшавѣ, сказали въ одинѣ голосоѣ
 »милости просимѣ, господинѣ чесп-
 ной! милосши просимѣ!» и даже мол-
 чаливый незнакомецѣ оподвинулся
 къ окну и предложилѣ ему заняшѣ
 почешное мѣсто подѣ образами.
 — Спасибо, добрый человекѣ! сказаѣ
 Юрій; я больно прозябѣ и лягу опо-
 грѣшья на пѣчь. —

— Опшкуда ваша милость? спросилѣ
 купецѣ.

— Изѣ Москвы, хозяйнѣ. —

— Изѣ Москвы? А чшо, господинѣ

честной, точно ли правда, что шамъ
цѣловали кресль Королевичу, Влади-
славу?—

— Правда.—

— Вотъ тебѣ и царствующій градъ!
вскричалъ Спрѣдецъ. Хороши Москви-
чи! По мнѣ бы уже лучше покорись-
ся Димитрію.—

— Покорись? Кому? сказалъ Зем-
ской. Самозванцу! Тушинскому вору!—

— Добро, добро! называй его, какъ
хочешь, а все-таки онъ держится
вѣры православной и не Полякъ, а
эпопъ Королевичъ, Владиславъ, эпопъ
ерешникъ....

— Слушай, поварищъ! сказалъ Юрій
съ примѣшнымъ неудовольствіемъ,—я
до ссоръ не охотникъ, такъ скажу
напередъ: думай, что хочешь о
Польскомъ Королевичъ, а вслухъ не
говори.—

— А по чему бы такъ?—

— А по тому, что я самъ цѣловалъ
кресль Королевичу, Владиславу и при

себѣ не дамъ никому ругаться его именемъ.—

Сожалѣніе и досада изобразились на лицѣ молчаливаго проѣзжаго. Онъ смотрѣлъ съ какимъ-то грустнымъ участіемъ на Юрія, котораго во всей красотѣ, отвагой кипящаго юноши, споемъ, сложивъ спокойно руки, и гордымъ взглядомъ, казалось, вызывалъ смѣльчака, котораго рѣшился бы ему прошиворѣчишь.—Стрѣлецъ, окинувъ взоромъ все собраніе, и не замѣчая ни на одномъ лицѣ охоты взять открыто его сторону, замолчалъ. Нѣсколько минушь никто не пытался возобновишь разговоръ; наконецъ Земской съ видомъ величайшаго униженія, спросилъ у Юрія:—Скоро ли пресвѣпный Королевичъ Польской прибудетъ въ свой царствующій градъ, Москву?—

—Его ожидаютъ, отвѣчалъ Юрій отрывисто.

—А что, ваша милость, чай ужь

давнымъ давно и послы въ Польшу
опшправлены?—

—Нѣтъ, не въ Польшу! сказала
громкимъ голосомъ молчаливый не-
знакомецъ; а подь Смоленскъ, ко-
порый раззоряетъ и моритъ голодомъ
Король Польской въ шо время, какъ въ
Москвѣ цѣлуютъ крестъ его сыну.—

Юрій примѣтнымъ образомъ сму-
тился.—

—Ужъ эти Смольяне! вскричалъ Зем-
ской. По дѣломъ! ништо имъ! Буя-
ны!... Чѣмъ бы вспрѣшншь башюш-
ку, Короля Польскаго съ хлѣбомъ да
съ солью, они, разбойники! и въ го-
родъ его не пустили.—

—Эхъ, господинъ Земской! возра-
зилъ купецъ;—да вѣдь онъ пришелъ
съ войскомъ и хопѣлъ Смоленскимъ
владѣшь, какъ своей опчиной.—

—Такъ чшожъ! продолжалъ Зем-
ской. Ужъ если мы покорились сыну,
такъ опецъ воленъ брашь, чшо хо-
чешъ. Не правда ли, ваша милоспъ?—

Лице Юрія вспыхнуло опъ негодо-

ванія.—Нѣтъ! сказалъ онъ,—мы не для того цѣловали крестъ Польскому Королевичу, чтобъ иноплеменные, какъ спая коршуновъ, дѣлили по себѣ и рвали на части свяшую Русь.— Да у кого бы изъ православныхъ поднялась рука и языкъ повернулся присягнуть иновѣрцу, еслибъ онъ не обѣщаль сохранить землю Русскую въ прежней ея славѣ и могуществѣ!—

—И, государь милоспивый! подхвапиль Земской. Можнобъ, кажешся, поклонисья Королю Польскому Смоленскимъ. Не важно дѣло одинъ городишка! Для шакой радости не полько опъ Смоленска, но даже опъ под-Москвы можно опешуписья.—

—Я повпоряю еще, сказалъ Юрій, не обращая никакого вниманія на слова Земскаго,—чшо вся Москва присягнула Королевичу: онъ одинъ можешъ прекрапиль бѣдспвіе злощаспной нашей родины, и если сдержипшь свое обѣщаніе: шо я первый гошовъ положишь за него мою душу; но шошь,

прибавилъ онъ, взглянувъ ея презрѣніемъ на Земскаго, шопъ; кпо радуешся, что мы, для спасенія отечества, должны были избрать себѣ Царя среди иноплеменныхъ, шопъ не Русской, не православный и даже.... хуже некрещенаго Ташарина.

Молчаливый незнакомецъ, съ живою пропянулъ свою руку Юрію; глаза его, успремленные на юношу, блиспали удовольствіемъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать; но Юрій, не замѣпивъ сего движенія, опомелъ опъ спола, взобрамся на пѣчь и, разосплавъ свой широкой охобень, легъ опдохнулъ.—

—А что, спросилъ Кириша у хозяина, чай проѣзжіе госпи не все у тебѣ приѣли?—

—Щей нѣтъ, родимой, опвѣчалъ хозяинъ; а еспъ шолокно, да грѣчневая каша.—

—И на шомъ спасибо! Давай-ка ихъ сюда!—

—А его милоспъ что будешъ ку-

шасть? спросила заботливо хозяйка, показывая на Юрія.—

— Не хлопочи, шёшка! сказалъ Алексѣй, взоидя въ избу;—въ этой кисѣ ешь, чпо перекусишь. Вотъ шебъ пирогъ, да жареной гусь! поспавъ въ пѣчь!... Послушайше-ка, добрые люди! продолжалъ онъ, обращаясь къ проѣзжимъ.—У кого изъ васъ гнѣдой конь съ длинной гривой?—

— Эшо мой жеребець, отвѣчалъ молчаливой незнакомецъ.

— Ой ли? Ну, брагъ, какой знашной конь!—Жаль, если онъ себъ на какойнибудь рожонъ бокъ напоритъ! Спупай-ка скорѣй: онъ ошвязался и бѣгаетъ по двору.—

Незнакомый вскочилъ и вышелъ поспѣшно изъ избы.—

— Чпо это за пугало? Не знаешь ли, кщо онъ? спросилъ Земской у хозяина.

— А Богъ въспъ кщо! отвѣчалъ хозяинъ.—Кажись, не нашъ брагъ крестьянинъ: не шо купецъ, не шо посадской...

— Откуда онъ ѣдетъ?—

— Господь его знаетъ! Вишь какой лѣшей! слова не вымолвишь.—

— Да! у него лице не миловидное, замѣнилъ купецъ.—Подъ вечеръ я не хошѣлъ бы съ нимъ въ лѣсу повеспрѣчаться.—

— А какой ражій дѣшина! примолвилъ Спрѣлецъ:—я шамихъ богатырскихъ плечъ сродясь не видывалъ.—

Межь шѣмъ Алексѣй и Кирша съли за споль.—Ну, брашь! сказалъ Алексѣй, шѣсененько намъ будетъ: на полапахъ лежатъ ребянишки; а по лакамъ-ша спашъ придется намъ сидѣ.—

— Молчи! будетъ просторно, шепнулъ Кирша, принимаясь ѣсть шюлокно.

Купецъ, кошорый не смѣлъ обременить вопросами Юрія, хошѣлъ воспользоваться случаемъ и поговорить вдоволь съ его людьми. Давъ время Алексѣю упоишь первый голодъ, онъ спросилъ его:—давно ли они изъ Москвы?—

—Седьмой день, хозяинъ, опивчалъ Алексѣй.—Словно воловъ гонимъ: день споимъ, два ѣдемъ. Вишь, какую погоду Богъ даешъ!—

—А что, вы Московскіе уроженцы?—

—Какъ же! мы оба съ бариномъ природные Москвичи.—

—Такъ вы и при Гришкѣ Опрельсвѣ жили въ Москвѣ?—

—Вѣспимо, хозяинъ! Я былъ и въ Кремль, какъ эпошь ерепикъ, видя бѣду неминучую, прыгнулъ въ окно. Да видно чортъ ошъ него отступилъ: не кверху, а книзу полешѣлъ, прокляшый!—

—Ему бы поучишья лешать у жены своей, Маринки, сказаль Спрѣлецъ.—Говоряшъ, будшобъ эша вѣдьма, когда приспустили къ Царскимъ палапамъ, ири всѣхъ обернулась сорокою, да и порхъ въ окно!... Чемужь ты ухмыляешься! продолжалъ онъ, обращаясь къ купцу. — Чай, и до тебя эпошь слухъ дошоль?—

— Не всякому слуху вѣрь, сказалъ съ важностію купецъ.

— Знаю, знаю!—вы, люди грамошныя, ничему не вѣрише.—

— Ученье свѣшь, а не ученье пма, повариць.— Мало ли чшо̇ глупой народъ шолкусь! Такъ и надо всему вѣришь?— Ну, разсуди самъ! Какъ можно, чшобъ Маринка обернулась сорокою: вѣдь она родилась въ Польшѣ, а всѣ вѣдьмы родомъ изъ Кіева.—

— Оно, кажись, и шакъ, хозяинъ, продолжалъ Спрѣлецъ, почти убѣжденный симъ доказапельспивомъ;— однакожь вся Москва говоришь объ эпомъ.—

— Да, она и шеперь еще около Москвы лешаетъ, сказалъ Кирша, положя на споль деревянную ложку, которую ѣлъ шолокно.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ купецъ.

— Я самъ ее видѣлъ, продолжалъ спокойно Запорожець.—

— Какъ видѣлъ?

— А вошь шакже, хозяйнѣ, какъ вижу шеперь, что у тебя въ эшой фляжкѣ романся,—не правда ли?—

— Ну, да! шакъ чшожь?—

— Ничего.—

— Но гдѣжь шы ее видѣль?—

— Гдѣ? Какъ бы шебѣ сказаць?...

Не припомню.... у меня морозомъ всю память ошшибло!—

— Добро, добро! сказалъ купецъ, — дай-ка сюда свой спаканъ.—

— Спасибо! Да наливай полнѣе хозяйнѣ!—Вошь шакъ! хорошо!—Ну, слушай же! продолжалъ Запорожець, выпивъ однимъ духомъ весь спаканъ:— я видѣль Маринку въ Тушинѣ,—только лгашь не хочу: на сороку она во все не походишь.—

— Въ Тушинѣ?—

— Да! въ Тушинѣ, вмѣспѣ съ Димитріемъ, котораго вы называеште впорымъ самозванцемъ, а она величашь своимъ мужемъ.—

— Вошь чшо! — Такъ шы и Тушинскаго Вѣра знаешь?—

— Какъ не знашь!—

— Правда ли, что онъ молодчина собою? спросилъ Спрѣмецъ.

— Какой молодчина!... Ни дашь, ни взяшь — Польской жидъ. Вошь второю Гешманъ его войска, Панъ Лисовскій, шакъ нечего сказашь — удамая голова!—

— Лисовскій! вскричалъ купецъ. Эпошь злодѣй!... душегубецъ!...

— Да, хозяинъ! Гдѣ онъ пройдетъ съ свѣчами сорванцами, шамъ хошь шаромъ покаши! все чисто: ни кола, ни двора. Но за то на схвашкѣ всегда первый и гошовъ, за послѣдняго изъ своихъ намѣповъ, самъ лечь головою. Лихой наѣздникъ!—

— Такъ шы его знаешь? спросилъ купецъ.

— Какъ не знашь!—Дай-ка, хозяинъ, еще спаканчикъ! За швос здоровье!— Знапная романей!—

— Говоряшь, у эшаго Лисовскаго, сказалъ купецъ, спряшавъ за пазуху

свою фляжку, — шакое демонское лице ,
что онъ и на челоуька не походишь. —

— Да, онъ не красивъ собою, про-
должалъ Кирша. Я знаю шолько од-
ного удальца, у котораго лице смуг-
лѣе и усы чернѣе, чемъ у Пана Ли-
совскаго. Прежде эшаго молодца не
меньше Лисовскаго боялись....

— А шеперь? спросилъ купецъ.

— Теперь онъ, чай, шапашеся по
лѣсу и спрашенъ шолько для вашей
братьи купцовъ. —

— Кшожь эшошь челоуькъ? —

— Кшо эшошь челоуькъ? ... Кой
прахъ! у меня опяшь въ горлѣ пере-
сохло! — Дай-ка, хозяинъ, свою фляж-
ку! ... Спасибо! продолжалъ Кирша,
осушивъ ее до дна. — Ну, что — бишь
я говорилъ?

— Ты говорилъ о какомъ-шо чело-
уькъ, сказала купецъ, — копорый, по
швоимъ словамъ, спрашиѣ Лисовска-
го. —

— Да, да! вспомнилъ! Эшошь верзи-

ла былъ Есауломъ у разбойничьяго Ашамана, Хлопки....

— У кошораго, сказалъ Земской, было въ шайкѣ тысячъ двадцать разбойниковъ и кошораго, еще при Царѣ Борисѣ....

— Разбилъ Бояринъ Басмановъ, прервалъ Кирша. — Ну, да! Самаго Хлопку-ша убили, а Есауль его ускользнулъ. Да вы, чай, о немъ слышали? Онъ прозывается Чоршовъ Усь.—

— Какъ не слыхашь, сказалъ купецъ.— Оборони, Господи! Говоряшь, эшошь Чоршовъ Усь злѣе своего бывшего Ашамана.

— А пуще-ша всего онъ не жалуешь Губныхъ Староспъ, да Земскихъ, примолвилъ Кирша.—Кругомъ Калуги не оспалось деревца, на кошоромъ бы не висѣло хошя по одному Земскому Ярыжкѣ.—

— Разбойникъ! закричалъ Земской.

— А развѣ шы его знавалъ? спросилъ купецъ Запорожца.

— Знакомства съ нимъ не водилъ, а видашь видаль.—

— Гдѣ же ты его видѣлъ?—

— Я видѣлъ его два раза, опивчалъ Кирша.—Первый разъ въ Калугѣ, гдѣ была у него разбойничья приспань; а во второй.... прибавилъ онъ въ полголоса; но такъ, что всѣ его слышали,—а во второй разъ; я видѣлъ его здѣсь.—

— Какъ здѣсь?... вскричалъ купецъ, помершвѣвъ опъ ужаса.

— Давно ли? спросилъ Земской, заикаясь.

— Сегодня, опивчалъ равнодушно Кирша.

— Сегодня? ... повторилъ купецъ глухимъ, прерывающимся голосомъ.— Съ нами крешная сила! Да, гдѣжъ онъ...?

— Сей часъ сидѣлъ вонъ тамъ! въ переднемъ углу подъ образами.—

— Такъ это онъ! вскричалъ купецъ, и всѣ взоры обратились невольно на пусшой уголь. Нѣсколько минушь

продолжалось мертвое молчаніе, потомъ все пришло въ движеніе на постояломъ дворѣ. Алексѣй хотѣлъ разбудить своего господина, но Кирша шепнулъ ему что-то на ухо и онъ успокоился. Купецъ и его работники едва дышали отъ страха; Земской дрожалъ, Спрѣлецъ посмащивалъ, молча, на свою саблю; но хозяинъ и хозяйка казались совершенно спокойными.

— Да, чего мы такъ перепугались? сказала Спрѣлецъ, собравшись съ духомъ.—Насъ много, а онъ одинъ.—

— А Богъ въспъ, одинъ ли! возразилъ Земской. Онъ что-то часно въ окно поглядывалъ.—

— Да, да! подхващилъ дрожащимъ голосомъ купецъ;—онъ точно кого-то дожидался. А за поясомъ у него.... видѣли, какой ножище? аршина въ два!—

— Слушай, хозяинъ! сказала порочливо Земской,—бѣги скорѣй на улицу! вели ударишь въ набашъ!...

— Вкста, что выдумалъ! Въ набашъ!

опвѣчалъ хозиниѣ.—Да развѣ здѣсь село! у насъ и церкви нѣтъ.—

—Все равно! сдѣлай преволгу, сбери народъ! Да скачи скорѣй къ Губнóму Спарослѣ (*); онъ верспахъ въ пяши опсюда, и мигомъ прикапипъ съ объѣзжими.—

—Чпо ты! Богъ съ тобой! вскричала хозяйка.—Да, развѣ намъ бѣлый свѣтъ опоспылимъ! Спанемъ мы ловипъ разбойника! Небось вашъ Губнóй Спароспа не приѣдетъ гасипъ, какъ шоварищи эшаго молодца зажгупъ съ двухъ концовъ нашу деревню! Нѣтъ, кормилецъ! Спупай себѣ, лови его на большой дорогѣ; а у насъ въ дому не шронъ.—

—Дура! сказалъ Спрѣлецъ.—Да развѣ ты не боишься, чпо онъ васъ ограбитъ?—

—И, бапюшка! около насъ какая по-

(*) Почти то же, чпо выказаннй Капитанъ Исправникъ.

жива! Проводимъ его завтра съ хлѣбомъ да съ солью, шакъ онъ же намъ спасибо скажешъ.—

—Да намъ и не впервой, прибавилъ хозяинъ—У насъ спанивали не разъ, вопъ эпи, чпо за Польскимъ-шо войскомъ шаскающся. . какъ бишь ихъ зовущъ?.. да! Лагерная челядь. Почище нашихъ разбойниковъ! да и шущъ Богъ миловаль!

—Ну, какъ хошите! сказалъ купецъ.— Ловите его, или нѣшъ; а я минушъ здѣсь не останусь, благо погода ундась. Спупайте, ребяша! Запрягайте лошадей! да, Бога ради, проворнѣе!—

—Такъ и я съ шобою! сказалъ Спрѣлецъ.—Тебѣ будешъ поваднѣе со много ѣхашъ: видишь, у меня ешъ чѣмъ оборонишься.—

—Возмите ужъ и меня, прибавилъ въ полголоса Земской,—я здѣсь ни за чпо одинъ не останусь. Видите ли! продолжалъ онъ, показывая на Киршу и Алексѣя,—мы всѣ въ шревогъ, а они

и съ мѣста не прои́лись; а кшо они, Богъ вѣспы!—

— Правда, правда! шепнулъ купецъ, поглядывая робко на Киршу.— Посмотрише-ка у эшаго озорника, чшо вышпанулъ всю мою флягу, ножъ, сабля.... а рожа-па какая, рожа! Ухъ, бапюшки! унеси Господь скорѣ!...

Двери опворились и незнакомый взошелъ въ избу. Купецъ съ Земскимъ прижались къ спѣнѣ, хозяинъ и хозяйка вспрѣшили его низкими поклонами; а Спрѣлецъ, опсспупивъ два шага назадъ, взялся за саблю. Незнакомый, не замѣчая ничего, нѣсколько разъ перекрестился; молча, подослалъ подъ голову свою шубу и расположился на скамьѣ, у переднихъ оконъ. Всѣ проѣзжіе, кромѣ Кирши и Алексѣя, вышли одинъ за другимъ изъ избы.

— Теперь располкуй мнѣ, Кирша, сказалъ въ подголоса Алексѣй,—чшо ше-

бѣ вздумалось назвасть разбойникомъ
эшаго проѣзжаго?—

— Какъ чпо! посмотри, какой про-
шоръ! на любой лавкѣ ложись!—

— Ну, какъ онъ объ эпомъ узнаеть?—

— Такъ мнѣ же скажешь спасибо.—

— Есть за чпо! а если его схва-
тятъ?....

— Ахъ, ты голова, голова! То ли те-
перь время, члобъ хваташь разбой-
никовъ! Теперь-шо имъ и житье: всѣ
ихъ бояща, а ловишь ихъ не кому.
Погляди, какая честь будетъ этому
проѣзжему: хозяинъ съ него и за по-
спой не возьметъ.—

Чрезъ нѣсколько минутъ купецъ,
въ провожаніи Земскаго и Спрѣльца,
распашаясь съ козиномъ, свѣхалъ со
двора. Кирша отворилъ дверь, свиснулъ
и его черная собака вбѣжала въ избу.
— Теперь и шебъ будетъ мѣсто,
сказалъ онъ, бросивъ ей большой ло-
мощъ хлѣба. — Поужинай, Зарѣзь!
Поужинай, голубчикъ!—Ты, чай, боль-
но проголодался. Это напомнило

Алексѣю, что Баринъ его также еще не ужиналъ; но видя, что Юрій спитъ крепкимъ сномъ, онъ не рѣшился будить его.

— Скажи-ка мнѣ, спросилъ Запорожецъ, ложась на скамью подлѣ Алексѣя, — вѣрно у пивого боярина есть на сердцѣ кручина? Не подышамъ онъ что-то пасмурень.—

— Да, брашъ, есть горе.—

— Что! Чай, сокрушила молодца красна—дѣвица?—

— Вотъ то-то и бѣда! Изволишь видѣшь....

Тутъ Алексѣй, понизивъ голосъ, спалъ что-то рассказывашъ Киришъ, копорый, выслушавъ спокойно, сказалъ: — Эхъ, любезный! Жаль, что пвой Бояринъ не Запорожской Козакъ. У насъ въ куреняхъ опъ эшаго не сожнушь; живемъ, какъ брашья, а сесшеръ намъ не надобно (4). Опъ эшихъ бабъ вездѣ бѣда. — Добрай ночи, шоварицъ!—

Скоро все ушло на поспояломъ

дворѣ и только, отъ времени до времени, на полахъ принималиеъ ревѣшь ребяпишки; но заботливая мать по переменѣно по колошила ихъ, по набивала имъ ротъ кашею, и все чрезъ минушу приходило въ прежней порядкъ и шишину.—

Г Л А В А IV.

Еще вшорые пѣшухи не пропѣли, какъ вдругъ двѣ шройки примчались къ поспоялому двору. Гуспой парь валимъ ошъ лошадей и въ шо время, какъ изъ саней! вылѣзало нѣсколько человекъ, закушанныхъ въ шубы, успальные кони, чувспвуя близоспъ ночлега, взрывали копышами глубокой снѣгъ и храпѣли ошъ нешерпѣнїя.—

—Гсй! ошпирайпе проворнѣй! раздался подь окномъ грубый голосъ.—Да, ну же, поворачивайшесь! не шо воропа вонъ!—

Пока хозяйка вздувала огонь, а хозяинъ слѣзаль съ полашей, нешерпѣнїе вновъ приѣхавшихъ дошло до высочайшей спепени; они спучали въ воропа, бранили хозяина, а особливо

одинъ , копорый испорченнымъ Русскимъ языкомъ, примѣшивая ругательства на чистомъ Польскомъ, грозился сломить хозяину шею. — На поспояломъ дворѣ всѣ, кромѣ Юрія, проснулись отъ шума. Наконецъ вороша опшворились и полшый Полякъ, въ провожаніи двухъ Козаковъ, взошелъ въ избу. — Козаки, взойдя, перекрестились на иконы ; а Полякъ, не снимая шапки, закричалъ сиповашымъ басомъ: — Гей хозяинъ! что у тебя здѣсь за челядь? Вонъ всѣ отсюда! — Ей, вы! Оглохли чтоль? Вонъ, говорятъ вамъ! —

Молчаливый проѣзжсй, приподнялъ голову и, взглянувъ хладнокровно на Поляка, опустилъ ее опять на изголовье. Алексѣй и Кириша вскочили; последней, проширая глаза, глядѣлъ съ примѣшнымъ удивленіемъ на Пана , копорый, сбросивъ шубу, остался въ одномъ куншущѣ , опоясанномъ богатымъ кушакомъ.

Еслибъ нужно было живописцу, изо-

бразиль воплощенную — не гордость, копорая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ; но глупую спесь — неопъемлемую принадлежность душъ мѣлкихъ и ничпожныхъ: — шо, списавъ самой вѣрной поршреть съ сего проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли. Предсавыте себѣ четверугольное шуловище, копорое едва могло держаться въ равновѣсіи на двухъ коропкихъ и кривыхъ ногахъ; величественно закинутую назадъ голову, въ превысокой космашой шапкѣ; широкое, багровое лице; огромные, оловяннаго цвѣта, круглые глаза; вздернутой носъ, похожей на луковицу, и безконечные усы, копорые, не опускались книзу и не подымались вверху; но въ прямомъ, горизонтальномъ направленіи, казалось, защищали надупыя щеки, разрумяненные природою и частымъ употребленіемъ горѣлки. Спесь, чванство и глупость, какъ въ числомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ

лица его , въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, копорый, переходя безпреспанно изъ охриплаго баса въ сиповашой дишканпъ , изображалъ поперемянно : шо надменную волю знаменипаго Вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновеніи ; шо неукропимой гнѣвъ грознаго повелишеля , коего приказанія не исполняющся съ должной покорноспью.—

Межь шѣмъ, какъ эпошъ профзжей опдавалъ Козакамъ какія-шо приказанія на Польскомъ языкѣ, Кирша не переспавалъ на него смопрѣшь. На лицѣ Запорожца изображались поперемянно совершенно пропивоположнныя чувспва: сначала , казалось, онъ удивился и, смопря на спранную фигуру Поляка, спарался чшо-шо припомнишь ; пошомъ презрѣніе изобразилось въ глазахъ его. Черезъ минушу они заблеспали веселоспью и почпи въ шо же время, при вспрѣчѣ съ гордымъ взглядомъ Поляка, изъясляди глубочайшую покорноспью, кошо-

рую однакожь шрудно было согласишь съ насмѣшливою улыбкою, едва замѣшною, но не менѣ шого выразишельною.

— Ну! чшожь вы спали? сказалъ Панъ грознымъ басомъ, оборопясь снова къ Алексю и Киршъ.—Иль не слышати! Вонъ опсюда!—

Повслипельный голось Поляка предспавлялъ шакую спранную прошивуоложность съ наружноспію, которая возбуждала чувспво, совершенно прошивное спраху,—чшо Алексй, не думая повинованься, споялъ какъ вкопаной; глядѣль во всѣ глаза на Пана и кусаль губы, чшобъ не лопнушь со смѣха.

— Цо-шо ешь! завизжалъ дишканшомъ Полякъ.— Ахъ, вы Москали! да знаште ли, кшо я?—

— Негнѣвайся, ясновельможный Панъ! сказалъ съ низкимъ поклономъ Кирша; мы съ просонья не разсмотрѣли швоей милоспи. Дозволь намъ хошь въ

уголку оспашься: вошь лишь разсвѣшеть, шакъ мы и въ дорогу.—

—А это что за неучъ разшянулся на скамьѣ? продолжалъ Панъ, взглянувъ на молчаливаго проѣзжаго.—Гей, шы, олухъ!—

Незнакомый приподнялся, но вмѣсто того, чтобы вспашь, сѣлъ на скамью, и спросилъ хладнокровно у Поляка, чего онъ пребуешь?

—Пошолъ вонъ изъ избы!—

—Мнѣ и здѣсь хорошо.—

—И шы еще смѣешь разсуждашь!

—Вонъ, говоряшь тебѣ!—

—Слушай, Полякъ! сказалъ незнакомый швердымъ голосомъ,—поспоялый дворъ не для тебя одного выспроенъ; а если тебѣ шѣсно, шакъ убирайся самъ ошсюда.—

—Цо-шо ешь! заревѣлъ Полякъ. Почкай, Москаль, почкай!—Гей, хлопци! вышолкайше вонъ эшаго грубїяна!—

—Вышолкай!—Меня!... попышай-пешь! ошвѣчалъ незнакомый, приподымаясь медленно со скамьи. — Ну,

Чтожъ вы спали, молодцы? продолжалъ онъ, обращаясь къ Козакамъ, кошорые, не смѣя пронупись съ мѣспа, глядѣли съ изумленіемъ на колосальныя формы проѣзжаго. — Что ребяща, видно, я не по васъ? —

— Рубите эпаго разбойника! закричалъ Полякъ, пяпясь къ дверямъ. — Рубите, въ мою голову! —

— Нѣпть, господа чеспыые! Прошу у меня не буянишь, сказалъ хозяинъ. — А шы, добрый человекъ, никакъ забылъ, что хопѣлъ чѣмъ—свѣпть ѣхашь? Слышишь! вшорые пѣпухи поюпть. —

— И впрямь пора запрягапть, сказалъ торопливо проѣзжей и, не обращая никакого вниманія на Поляка и Козаковъ, вышелъ вонъ изъ избы.

— Ага! догадался! сказалъ Полякъ садясь въ передней уголъ. — Счаспливъ шы, что упмѣлъ ноги! а не шо бы я съ шобою перевѣдался. — Нѣхъ ихъ вшипци дьябли везмо! — Какіе здѣсь буяны! видно не быми еще въ передѣлѣ у Папа Лисовскаго. —

— Пана Лисовскаго? повшпорилъ Кирша.— А ваша милость его знаестъ?—

— Какъ не знасть! опшвѣчалъ Полякъ, погладивъ съ важносшью свои усы.— Мы съ нимъ пріятели, побратались на рашномъ полѣ, вмѣстѣ били Москалей....

— И вѣрно подѣ Троицкимъ Монашпыремъ? прервалъ Запорожець.

— Полякъ поглядѣлъ пристально на Киршу и, поправя свою шапку, продолжалъ важнымъ голосомъ:— Да, да! подѣ Троицкимъ монашпыремъ, изъ кошораго Москали не смѣли днемъ и носу показывашь.—

— Прошу не погнѣвашься, возразилъ Кирша;— я самъ служилъ въ войскѣ Гешмана Сапѣги, кошорый споялъ подѣ Троицею и, помнишья, Русскіе колошили насъ порядкомъ; бывало какъ случишья, шо днемъ, шо ночью. Вошъ, напрімѣръ, помнишья, Ясновельможный Панъ, какъ однажды по ушпру, на монашпырскомъ капушномъ огородѣ.... Чшо это ваша милость изво-

лишь вершѣшься? Иль не ловко сидѣшь?—

— Ничего, ничего! отвѣчалъ Полякъ, спараясь скрышь свое смущеніе.

— Какъ теперь гляжу, продолжалъ Кирша, на эпомъ огородъ лихая была схватка, и Панъ Лисовскій одинъ за десяперыхъ работалъ.—

— Да, да! прервалъ Полякъ,—онъ дрался, какъ чорть. Я смѣло эшо могу говоришь пошому, чшо не опспавалъ опъ него ни на минушу.

— Такъ по эшому, ясновельможный, шы былъ свидѣтелемъ, какъ онъ напкнудся на одного молодца, копорый во время драки, словно заяць, припался между грядъ, и какъ Панъ Лисовскій оппошчивалъ эшаго пруса нагайкой?—

Оловянные глаза Поляка завершѣлись во всѣ спороны, а багровый носъ засверкалъ, какъ уголь.—Какъ нагайкой? вскричалъ онъ.—Кого нагайкой?...

Эшо вздоръ! эшаго никогда не было!—

— Помилуй, какъ не было? продолжалъ Кирша.— Да, объ эшомъ всё войско Сапѣги знаетъ. Эшомъ прусишка служилъ въ regimentъ Лисовскаго поварищемъ и, помнился, прозывался.... Да! шочно шакъ!... Паномъ Копычинскимъ.—

— Неправда! не вѣрьте ему! закричалъ Полякъ, обращаясь къ Козакамъ;— эшо клевета!... Копычинскаго не только Лисовскій, но и самъ чоршъ не смѣлъ бы ударить нагайкою: онъ никого не боишся!—

— Да чшожь за нелѣгкая утораздила его завалишся между грядъ въ то время, какъ другіе дрались?—

— Чшо!— Какъ чшо?... Да кто тебѣ сказалъ, чшо я лежалъ между грядъ?—

— Ага! шакъ эшо пы, ясновельможный? Прошу покорно, чего злые люди не выдумаютъ! Вѣдь шочно говорятъ, чшо Лисовскій себя поколотилъ и чшо, еслибъ на другой день

ты не бѣжалъ въ Москву: по онъ, для оспраски другихъ, непременно бы себя повѣсилъ.—

—Какой вздоръ! какой вздоръ! перервалъ Полякъ, спараясь казаться равнодушнымъ.—Да, чпо съ побою говоришь! Гей, хозяинъ! чпо у тебя еспь? я хочу поужинашь.—

—Ахши, кормилецъ! опвѣчалъ хозяинъ;—да у меня ничего, кромѣ хлѣба, не оспалось.—

—Какъ ничего?—

—Видишь Богъ, ничего!—Была корчага каши, шолокно и горшокъ щей, да все проѣзжіе поѣли.—

—Бышь не можешъ, чпобъ у тебя ничего не оспалось. Гей, Нехорошко! продолжалъ онъ, взглянувъ на одного изъ Козаковъ,—пошарь-ка въ пѣчи, не найдешъ ли чего нибудь?—

Козакъ оподвинулъ заслонку и вытащилъ жаренаго гуся.

—Цо-шо еспь! закричалъ Полякъ.—Ахъ ты, майдакъ! какъ же ты говоришь, чпо у тебя нѣтъ съвѣснаго?—

— Да это чужое, родимой! сказала хозяйка.— Эшаго гуся привезь съ собою вонъ пошь бояринъ, чпо спишь на пѣчи.—

— А кто онъ? Полякъ?—

— Нѣшь, кормилецъ! кажись, Русской.—

— Москаль? пакъ давай сюда!—

Алексѣй хопѣлъ было всшуниться за право собственности своего господина: но одинъ изъ Козаковъ далъ ему шакого шолчка, чпо онъ едва успоялъ на ногахъ.— Разбуди своего барина! шепнулъ Кирша; онъ лучше нашего управился съ эшимъ бундомъ.—

Межъ шѣмъ, какъ Алексѣй будилъ Юрія и объявлялъ ему о насильшвенномъ завладѣннн гуся, Полякъ, снявъ шапку, расположился преспокройно ужинать. Юрїй слѣзъ съ пѣчи, спряпалъ за пазуху свой пистолешъ и, отдавъ пошихоньку приказанїе Алексѣю, которой въ ту же минушу вышелъ изъ избы, подошелъ къ споду.—

—Добраго здоровья! сказалъ онъ, поклонясь вѣжливо Пану.

Полякъ, не переспавая ѣсть, кивнулъ головою и показалъ, молча, на скамью; Юрій сѣлъ на другомъ концѣ стола и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ:—по вкусу ли ему жареной гусь?—

—Какъ проголодаешься, шакъ все вкусно, отвѣчалъ Полякъ.—А чпо, эшто гусь тввой?—

—Мой, Панъ!—

—Нечего сказаць, вы Москами догадливѣ насъ: всегда съ запасомъ ѣдите. Правда, намъ эшо и не нужно: для насъ, Поляковъ, нѣтъ ничего завѣшнаго.—

—Конечно, Панъ, конечно! Да чпожь ты переспамъ? кушай на здоровье!—

—Не хочу! я сытъ.—

—Не совѣспись, покушай!—

—Нѣтъ, ѣтъ самъ, если хочешь.—

—Спасибо! я не привыкъ кормиться ни чьими ошпапками, да не люб-

лю, чпобъ и другіе не дождали. Кушай, Пань!—

— Я ужъ шебъ сказаль, что не хочу.—

— Не прогнѣвайся! ты сей часъ говорилъ, что для Поляковъ нѣтъ ничего завѣшнаго, по еспь: у нихъ въ обычаѣ брашь чужое, не спросясь хозяина—бышь можешъ; а мы Русскіе, хлѣбосолы, любимъ пошчивашъ—у всякаго свой обычай. Кушай, Пань!—

— Да чпожъ ты приспаль въ самомъ дѣлѣ....

— И не опспану до тѣхъ поръ, пока ты не съѣшь всего гуся.—

— Какъ всего?—

— Да! всего, повпорилъ Юрій, вынимая писполентъ. — Прощу покорно! Принялся ѣспъ, такъ ѣшь!—

— Цо-по еспь! завизжалъ Полякъ.— Гей, хлопцы!—

Быспрымъ движеніемъ руки Юрій, подвинувъ впередъ споль, приписнулъ къ спѣнѣ Поляка и, обернувшись на-

зая, закричалъ Козакамъ: — спойте, ребята! ни съ мѣста!—

Эти слова были произнесены такимъ повелительнымъ голосомъ, что Козаки, которые хотѣли броситься на Юрія, остановились.

— Слушайте, поварищи! продолжалъ Юрій,—если кто изъ васъ шрнелся съ мѣста—пошевелишь однимъ пальцомъ: шо я въ шоцъ же мигъ разможу ему голову.—А ты, ясновельможный, прикажи имъ выйдти вонъ, я угрожаю одного шебя.... Ну, чтожъ ты молчишь? Слушай, Полякъ! я никогда не божился понапрасну; а ше перъ побожусь, что ты не успеешь перекреститься, если они сей часъ не выйдутъ.—Долголь мнѣ дожидаться? прибавилъ онъ, направя дуло пистолеца прямо въ лобъ Поляку.

—Иезусъ Марія! закричалъ Полякъ, спараясь спряпашъ подъ сполъ свою обриную голову.—Спунайше вонъ! спунайше вонъ!

← Ей, ребята! убирайтесь! сказали

Кирша;—а не то эштопъ Бояринъ какъ разъ ему влѣпишь пулю въ лобъ: онъ шутишь не любишь.—

— Спупайше вонъ, злодѣи! спупайше вонъ ! продолжалъ кричать Полякъ, закрывая руками глаза, чшобъ не видашь конца писполета, кошорый въ эшу минушу казался ему длиннѣе крѣпосшной пицали.—Козаки, выходя вонъ, повспрѣчались съ незнакомымъ проѣзжимъ, кошорый, посмошрѣвъ съ удивленіемъ на эшо спранное угощеніе, спалъ поспихоньку распрашивашъ хозяина.—

— Теперь, Кирша, сказалъ Юрій, — межъ шѣмъ, какъ я буду угощашъ дорогова госпя, возьми свою винповку и посмашривай, чшобъ эши молодцы не воропились.—Ну, Панъ! прошу покорно!— Да попорапливайся; мнѣ нѣкогда дожидашся.

Полякъ, не отвѣчая ни слова, принялся ѣсть; а Юрій, не перемѣняя положенія, продолжалъ его пошчивашъ.— Бѣдный Панъ спѣшилъ, глошалъ цѣ-

лыми кусками, давился. Нѣсколько разъ принимался онъ просить помилованія; но Юрій оставался непреклоннымъ, и умоляющій взоръ Поляка встрѣчалъ всякой разъ роковое дуло пистолета, взведенный курокъ и грозный взглядъ, въ коемъ онъ ясно читалъ свой смертный приговоръ.

— Позволь хоть опдохнуть! пропиралъ онъ наконецъ, задыхаясь.

— И, полно, Панъ!—Мнѣ нѣкогда дожидаться. Довдай!—

— Смѣлѣй, Панъ Копычинскій, смѣлѣй! сказалъ Кирша;—ты видишь, не много оспалось. Чпо робѣшь, по хуже!—Ну, вопъ и дѣло съ концомъ! примолвилъ онъ, когда Полякъ проглотилъ послѣдній кусокъ.

— И, къ спашъ ли! перервалъ Юрій.— Угощашъ, шакъ угощашъ! Тамъ въ пѣчи долженъ бытъ пирогъ; Кирша! подай-ка его сюда!—

— Взмилуйся! завопилъ Полякъ отчаяннымъ голосомъ.— Не могу, якъ Па на Бога кохамъ, не могу!—

—Что, Панъ? будешь ли впередъ непрощеной кушашъ за чужимъ сподомъ? сказалъ незнакомый проѣзжей. —Спасибо тебѣ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію, —спасибо, что проучилъ эшаго наглеца! Да, будешь съ него, брось эшаго негодя! у насъ на Руси лежачихъ не бьютъ. —Дай мнѣ свою руку, молодецъ! Авось ли Богъ приведетъ намъ еще вспрѣшишься. Быть можешь, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманомъ и силою, ничтожна предъ Господомъ, и что умерешь за вѣру православную и свяшую Русь честнѣе, чѣмъ живешь подъ ярмомъ иновѣрца и носишь позорное имя раба иноплеменныхъ. Прощай, хозяинъ! Вошь тебѣ за пошой! примолвилъ онъ, бросивъ на споль нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

—Не надо, кормилецъ! сказалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ; —мы и шакъ довольны.—

Незнакомый поглядѣлъ съ удивленіемъ на хозяина; но, не отвѣчая ни-

чего, пожалъ руку Юрію, перекрестился, вышлъ изъ избы и черезъ минушу промчался, шибкой рысью, мимо поспоялаго двора.

Межъ тѣмъ Полякъ успѣлъ выдраться изъ - за спола и пробирался къ дверямъ. Юрій остановилъ его: — Не уходи, Панъ! сказалъ онъ; — я сей часъ ѣду и ты можешь останься и буянишь здѣсь на просторѣ, сколько хочешь. Прощай, Кирша! —

— Нѣтъ, Бояринъ! прошу не прогнѣвашься, сказалъ Запорожець; — я по милосши пвоей гляжу на свѣтъ Божій, и не опспану опъ тебя до шѣкъ поръ, пока ты самъ меня не прогонишь. —

— По мнѣ пожалуй! Но пѣшей конному не шовариць. —

— Да у меня есть на что купить лошадь.

— А я продамъ, сказалъ хозяинъ. — Знациый конь! Не много храмлетъ, а шагистъ и хопъ ему за десяпъ, а шакой спрогой, что шолько держись!

Ну, вѣришь ли Богу! еслибъ онъ не окривѣлъ, такъ я бы съ нимъ ни за что въ свѣтъ не распался.—

—Добро, добро! перервалъ Кирша,—лишь бы только онъ допашиль меня до перваго базара.—Мы поѣдемъ шагомъ, сказалъ Юрій:—такъ ты успеешь насъ догнать. Прощай, Панъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Поляку, кошорый, не смѣя пошевеливаться, сидѣлъ смиренхонько на лавкѣ.—Впередъ знай, что не всѣ Москали сносятъ спокойно обиды и что есть много Русскихъ, копорые, уважая храбраго иноземца, не попускаютъ никакому забіякѣ, хотя бы онъ былъ и Полякѣ,—ругаться надъ собою. А всего лучше: вспоминай почаще о жареномъ гусѣ. До забаченья, Ясновельможный Панъ!—

Г Л А В А V.

Упренная заря румянила снѣжную равнину; вдали, сквозь рѣдѣющій мракъ, забѣлѣлись верхи холмовъ, и звѣзды, одна послѣ другой, попухали на чистомъ небосклонѣ. Дорога, по которой ѣхалъ Юрій, въ провожаніи вѣрнаго слуги своего, извиваясь съ полвершны по берегу Волги, вдругъ круто повернула на лѣво, и прямо прошивъ ихъ дремучій боръ, какъ черная, безконечная полоса, абрисовался на пламенѣющемъ воспокъ. Провѣхавъ вершны двѣ, они очутились при въѣздѣ въ темный боръ; дорога шла опушкою лѣса; среди чистаго кустарника, подобно огромнымъ сѣдымъ привидѣніямъ, угрюмо возвышались вѣковыя сосны и вѣли-

висшыя ели; на ихъ исполинскихъ вершинахъ, покрытыхъ инеемъ, играли первые лучи восходящаго солнца и длинныя тѣни ихъ, успилая всю дорогу, далеко ложились въ чистомъ полѣ.

Алексѣй нѣсколько разъ начиналъ говорить съ своимъ господиномъ; но Юрїй не отвѣчалъ ни слова. Погруженный въ глубокую думу, онъ ѣхалъ медленно, опустивъ поводья своей лошади. Послѣднія слова незнакомаго проѣзжаго опозвались въ душѣ его; тысяча различныхъ мыслей и противоположныхъ желаній волновали его грудь. «Русскіе—рабы иноплеменныхъ!» Ахъ! эти слова, какъ похоронная пѣснь, какъ смертный приговоръ, обливали хладомъ его сердце, кипящее любовью къ вѣрѣ и опчизнѣ. —Нѣтъ! сказалъ онъ наконецъ, какъ будто опивчая на слова незнакомаца.—Нѣтъ! Господь не допуститъ насъ быти рабами иновѣрцовъ. Мы клялись повиноватися не Польскому

Королевичу, но благовѣрному Русскому Царю. Владиславъ опрѣчешся опъ своей ереси; онъ покинешь свой родной край; наша земля будешь его землею; наша вѣра православная — его вѣрою. Такъ! онъ будешь опцемъ нашимъ; онъ соединитъ все помышленія и сердца дѣшей своихъ; разсѣешь, какъ прахъ земной, коварные замыслы сопоспаповъ и шогда—какой иноплеменный дерзнетъ посягнуть на свяпую Русь?—

— Кой чортъ! вскричалъ Алексѣй, наѣхавъ на колоду, черезъ которую лошадь его съ шрудомъ перескочила. — Пора бы солнышку проглянуть; что эшо оно замѣнилось сегодня! всходитъ не всходитъ.—

— Мы ѣдемъ въ шѣни, опвѣчалъ Юрїй.— Вошь шамъ, кажешся, поворошъ, и намъ будешь ѣхашь свѣцлѣ.—

— И шеплѣ, Бояринъ! а здѣсь такъ въпромъ насквозь и прохватываешъ. Ну, Юрїй Дмитричъ! продолжалъ Алексѣй, радуясь, что господинъ его на-

чалъ съ нимъ разговаривать;—лихо же ты опдѣлалъ эшаго похвальбишку Поляка! Вошь чшо называешся: угоспишь по Русски! чай, ему недѣли двѣ ъспь не захочешся. Однакожь, Бояринь, какъ мы выѣзжали изъ деревни, шакъ въ уши мнѣ наносило чшо-шо неладное,—и не будь я Алексѣй Бурнашъ, если шеперь вся деревушка не набиша конными Поляками.—

—Ты слышалъ конской попопъ?—

—Да, Бояринь! а зимою шабуновъ не гоняюшь; чего добраго! Коспрома не далеко опсюда, а шамъ спояигъ Поляки: не диво имъ завернушь и въ здѣшнюю спорону.—

—Да! эшо бышь можешъ.—

—Ну, если эшошъ шрусъ, Копвичинскій имъ нажалуешся и они пущяпся за нами въ погоню? а за проводникомъ у нихъ дѣло не спанешъ: Кирша не даромъ оштался на досюяломъ дворѣ.—

—И, Алексѣй! побойся Бога! не ужели ты думаешъ, чшо шопъ, кто

по милости нашей глядишь на свѣшъ Божій, не посовѣшишься....

— Эхъ, Бояринъ! захопѣлъ ты совѣспи въ энихъ черняхъ Запорожцахъ; они на врьдъ и Бога-то знають, окаянные! Спанешъ Запорожской Козакъ помнишь добро! да онъ, просипи Господи, опца роднато продаешъ за чарку горѣлки.—Ну вопшь, кажешся, и просѣка. Ай, да лѣсокъ! Экая прущоба, эги Божьей не видно. То-по приволье, Бояринъ! есшь гдѣ поохопишься: чай, здѣсь медвѣдей и всякаго краснаго звѣря шьма шьмуцая.—

Наши путешественники вѣхали по узкой просѣкѣ въ средину лѣса. Съ каждымъ шагомъ темный боръ спановился непроходимѣе, и не смолѣри на то, что сильный вѣшеръ колебалъ вершины деревьевъ, внизу царствовала совершенная тишина. Олѣ времени до времени, прорываясь сквозь чащу лѣса, скользилъ вдоль просѣки яркой лучъ возходящаго солн-

ца; но по обѣимъ сторонамъ дороги густой мракъ покрывалъ всё предметы. Все было мертво вокругъ, и только изрѣдка чорный воронъ, пробудясь опть конскаго шопоша, перелепалъ съ одной сосны на другую, осыпая пушиспымъ инеемъ Юрія и Алексѣя, копорый при каждомъ разѣ, вздрогнувъ опть спрахъ, робко озирался на всѣ стороны. Не замѣчая охошы въ своемъ господинѣ продолжашъ разговоръ, онъ принялся насвистывать пѣсню. Нѣсколько минутъ ѣхали они молча, какъ вдругъ Алексѣй, осадивъ свою лошадь, сказалъ робкимъ голосомъ:—слышишь, Бояринъ?—

—Что такое? спросилъ Юрій, какъ будто пробудясь опть сна.

—Чу, слышишь? Кто-то скачетъ за нами!—

—Да! и очень шибко.... Это вѣрно Кирша.

—Нѣтъ, Юрій Дмишричь! я видѣлъ ключу, копорую продавалъ ему хозяинъ поспоялаго двора: на ней далеко

не ускачешь.—Глядь-ка сюда Бояринъ, видишь чернѣеся вдали? Какой эпо Кирша! Словно пшца лешпшъ.—

Всадникъ, который дѣйствительно съ необычайной быспрошою приближался къ нашимъ путешественникамъ, выскакалъ на небольшую поляну и солнечный лучъ опразился на лицъ его. Юрїй шопъ часъ узналъ въ немъ Запорожца, который, привавъ къ сѣдельной лукъ, вихремъ мчался по дорогѣ.—Ну, не говорилъ ли я тебѣ, что эпо Кирша? сказалъ онъ Алексю.—

—Вижу, Бояринъ, вижу! Теперь и я узнаю его космалую шапку и черную собаку. Да опкуда взялся у него гнѣдой конь? — Кажись, онъ покупалъ пѣгую лошадь.... Экъ его черши несуть!—Тише пы, пише, дьяволь!— Совсѣмъ было смялъ Боярина.—

— Не перяйше времени, сказалъ шоропливо Кирша, осадя съ шрудомъ свою лошадь — За вами погоня!—

— Ну, такъ! чуюло мое сердце! вскричалъ Алексѣй.— Въ деревнѣ Поляки?...

— Да! при Хоругви (*), и человекѣ двѣсше лагерной челяди.—

— Съ нами креспная сила! чпожѣ мы мѣшкаемъ, Бояринъ? по лоша-
дямъ—да унеси Господь!—

— Чегожѣ ты боишься? сказалъ Юрій.
Когда Поляки узнаюшѣ, кто я....

— Оно такъ, Юрій Дмитричъ! но пока ты будешь имъ полкованъ, чпо ѣдешь съ грамошой Пана Гонсѣвскаго; они успѣюшѣ подспрѣлишь насъ обоихъ: у Поляковъ расправа ко-
рошкая.—

— А особливо, прибавилъ Кириша, —
когда они увѣрены, чпо ты ихъ не-
приятель и везешь съ собою много
денегъ.—

— Да еще въ добавокъ, перервалъ
Алексѣй, чунъ, чунъ не заснавилъ По-
ляка подавишься жаренымъ гусемъ.—

(*) Конныя рогы.

— За пруса Копычинскаго, продолжалъ Кирша, — они бы не вступились, да онъ увѣрилъ ихъ, что ты врагъ Поляковъ и везешь казну въ Нижній Новъ-городъ. Я вмѣстѣ съ другими вперся на постоялый дворъ и все это слышалъ своими ушми. Пока Региментаръ (*) опряжалъ за вами погоню, я спалъ придумываешь, какъ бы васъ избавишь отъ бѣды неминуемой; вышелъ на дворъ, — глядь! у крыльца одинъ ширенговой держишь за поводъ этого коня; посмопрѣль — паренъ щедушной; я подошелъ поближе, изноровился, да — хванъ его по лбу кулакомъ! Не пикнулъ, сердечной! а я, прыгъ на коня! въ заднія ворошъ, просеякомъ, выскакалъ на большую дорогу, да и былъ шаковъ! Однакожь слышеше ли, какой гудъ идешь по лѣсу? Кой чоршь! да не уже ли они всѣ пуспились за вами въ погоню? —

Въ самомъ дѣлѣ, казалось весь лѣсъ

(*) Полковой Командиръ.

оживился: глухой шумъ, похожей на опдаленный ревъ воды, прорвавшей плошину; свистъ и пистолетные выстрѣлы пробудили снаи лицъ, копорья съ громкимъ крикомъ пронесли надъ головами нашихъ путешественниковъ.

— Живѣй, Бояринъ, живѣй! закричалъ Кириша, понуждая свою лошадь.— Эти сорванцы ближе, чѣмъ мы думаемъ. Посмотри, какъ оцепинился Зарѣзь! не даромъ онъ бросается во всѣ стороны.— Назадъ, Зарѣзь! назадъ! Ну шакъ и ешь! берегись, Бояринъ!—

Вдругъ раздался громкой выстрѣлъ и лошадь Юрія повалилась мертвая на землю. Шагахъ въ восьмидесяти передъ толпою конныхъ Поляковъ, дешѣль удалый наѣздникъ.— Спойте! закричалъ онъ, прицѣливаясь впорымъ пистолетомъ въ Киришу. Быстрѣе молніи соскочилъ Запорожець на землю.— Садись на моего коня, Бояринъ! сказалъ онъ, — а я перевѣдаюсь съ этимъ катѣномъ. Онъ схватилъ свою

винтовку, пуля засвистѣла—и почпи въ ту же самую минуцу, испуганная лошадь безъ сѣдока, пронеслась мимо нашихъ путешественниковъ.

—Ну, теперь съ Богомъ! сказалъ Кирша.

—А ты? спросилъ Юрій.

—Пѣшему вездѣ дорога!—

—Но если тебя убьютъ?...—

—Такъ чпожъ? долгъ плашежемъ красенъ. Съ Богомъ!—

—Ради Христа, Бояринъ! закричалъ Алексѣй, поспѣшимъ, вопъ они!—

Толпа конныхъ Поляковъ, съ громкимъ крикомъ быстро приближалась къ нашимъ путешественникамъ.

—Да, чпо шупъ расшбарывашъ? Не погнивайся, Бояринъ! сказалъ Кирша, ударивъ нагайкою лошадь, на копорой сидѣлъ Юрій. Лихой конь взвился на дыбы и, какъ изъ лука свистѣла, помчался вдоль дороги.—

—Ловите пѣшаго! подспрѣлите его! заревѣли изъ шолпы дикіе голоса и пули посыпались градомъ, но

Кирша былъ уже далеко: онъ пустился бѣгомъ по узенькой тропинкѣ, кривая, изгибающаяся между кустовъ, шла въ глубину лѣса. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, Кирша остановился; онъ приселъ наземь и сталъ прислушиваться: чуть, чуть слышался вдали конскій топотъ, отголосокъ не любовно-порялъ уже дикихъ криковъ буйной шайки всадниковъ; — вскорѣ все утихло, и уснувшая собака улеглась спокойно у ногъ его. Увѣряясь наконецъ, что онъ вне опасности, набожный Запорожецъ перекрестился, попомъ, вынувъ изъ-за пазухи рожекъ съ порокомъ и пулю, началъ заряжать свою винтовку. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ приколотить пулю; какъ вдругъ Зарѣзь поднялъ уши, заворчалъ, опростелю бросился назадъ по тропинкѣ и черезъ минушку, съ лаемъ, возвратился къ своему господину. — Что ты, что ты Зарѣзушка? сказалъ Кирша, погладивъ его ласково рукою, что съ тобой случилось

голубчикъ? ужъ не почувль ли шы
краснаго звѣря? Кой прахъ! да чпо
шы ко мнѣ шакъ прижимаешься?...
Не уже ли... да, нѣтъ! Я и нѣшей на-
силу сквозь эту дичь продирался....
Однакожь и мнѣ кажется.... ужъ не
медвѣдь ли?... Нѣтъ, чоршъ возьми!...
молчань, Зарѣзь!—

Вдругъ въ близкомъ распоянїи за-
хруспѣль валежникъ и шаги многихъ
людей, поспѣшно идущихъ, раздались
по лѣсу. Киршъ не трудно было до-
гадаться, чпо нѣсколько спѣшенныхъ
всадниковъ послано за нимъ въ пого-
ню, и чпо опасность еще не мино-
валась. Боясь залушанься въ семь
непроходимомъ лѣсу, онъ снова пу-
спился по пропинкѣ, которая часъ
онкъ часу становилась незамѣннѣ,
и наконецъ, при выходѣ на большую
поляну, совсѣмъ исчезла. Кирша оста-
новился въ недоумѣнїи; онъ чувспво-
валъ всю опасность выйдти на от-
крышное мѣсто; но на другой споро-
нѣ поляны, въ самой чащѣ лѣса, шон-

кой дымокъ, пробираясь сквозь густыхъ вѣшвей, обѣщала ему убѣжище, а можетъ быть и защиту. Межъ тѣмъ шумъ приближался, разсуждаясь было некогда, онъ рѣшился и вышелъ изъ лѣсу. »Вотъ онъ! держице его! схватице живаго!« загремѣли позади грубые голоса. Кирша оглянулся—человѣкъ-десять вооруженныхъ Поляковъ выбѣжали на поляну; нельзя было и помышлять объ оборонѣ: двое изъ нихъ, опередя своихъ товарищей, спали догонять его; еще нѣсколько шаговъ и Запорожець достигъ бы опушки лѣса,—какъ вдругъ, набѣжавъ на пенёкъ, онъ сполкнулся и упалъ.—Ага, лайдакъ! попался! закричалъ одинъ изъ Поляковъ, вырывая у него изъ рукъ винтовку.—Скрупи хорошемяко эшаго поганаго Москаля! заревѣлъ другой; но вѣрный Зарѣзь, какъ пигръ, кинулся на грудь къ Поляку, схватилъ его за горло и ударилъ о земь. Товарищъ бросился къ нему на помощь, а Кирша вско-

чилъ и, добѣжавъ до часпаго куспарника, почти безъ чувствъ повалился на снѣгъ. Онъ не могъ видѣть, что происходило на полянѣ; но слышалъ ясно крикъ и ругательства Поляковъ, громкой лай, попомъ опчаянный вой, и наконецъ послѣдней визгъ издыхающаго Зарѣза. Сердце его обливалось кровью; нѣсколько разъ брался онъ за рукоятку своего кинжала, силился встать; но, задыхаясь и въ совершенномъ изнеможеніи, падалъ опять на землю. Межъ тѣмъ, сколько могъ онъ разслушать, Поляки, собравшись въ кружокъ, разсуждали межъ собою: должны ли ворошиться, или продолжатъ его преслѣдовать? Къ счастью Кирши, прошло нѣсколько минутъ въ спорахъ и когда они рѣшились, повидимому, продолжатъ свои поиски, онъ успѣлъ уже опдохнуть и, поднявшись на ноги, пустился къ тому мѣсту, надъ копорымъ носилось прозрачное дымное облако.—

Г Л А В А VI.

Кирша, съ трудомъ пробираясь сквозь чащу, дошелъ наконецъ до высокаго плешня, обрышаго глубокою канавою; не теряя времени, онъ перелѣзъ чрезъ плешень, за которымъ дюжины двѣ ульсѣвъ, безъ всякаго порядка распавленныхъ, окружали небольшую избушку, до половины занесенную снѣгомъ. Дымъ, выходя изъ слуховаго окна, крушился надъ ея бооменною кровлею; а у самыхъ дверей огромная цѣнная собака, пригрѣтая солнышкомъ, лежала подлѣ своей конуры. Почуя незнакомаго, она громко замаяла; Кирша ошановился, ожидая, что кто нибудь выйдешъ изъ избы; но никто не появлялся; онъ вынулъ

изъ своей дорожной сумы кусокъ хлѣба, бросилъ его собакѣ и умилоспивленный церберъ, ворча, спряшался въ свою конуру.—Бѣдный Зарѣзь! сказалъ Кирша, входя въ избу; — ты также бывало спорожилъ мой домъ; да не такъ легко было тебя задобрить.—Съ перваго взгляда Запорожець увѣрился, что въ избѣ никого не было; но запоиженная пѣчь, покрытой ширинкою споль и почашой каравай хлѣба, подмъ копорато споялъ большой кувшинъ съ брагою—все доказывало, что хозяинъ оплучился на короткое время. Опъ пѣчи, вдоль избы, шла перегородка, за копорою спояли пустые ульи, кадки и нѣсколько боченковъ. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ осмотрѣться, какъ вдругъ послышались въ близкомъ распояннн голосъ; — не зная, кто подходитъ: другъ, или недругъ, онъ спряшался за перегородку, и прилегъ между двухъ ульевъ, за кошорыми нельзя было его никакъ примѣнить. Кто-то вошелъ въ из-

бу. Запорожець пришаилъ дыханіе и спалъ внимашельно прислушивашь.

— Входи смѣлѣй, Григорьевна! сказалъ грубый голосъ.— Небось! кшо приходишь ко мнѣ съ хлѣбомъ да солью, тому порчи бояшься нечего.—

— Вѣспимо, бапюшка, Архипъ Кудимовичъ, ошвѣчалъ женской голосъ, перерываемый частымъ кашлемъ.— Вѣспимо! ты человекъ добрый; да дѣло-шо мое непривычное.—

— Садись добро, лѣшка! да чшо эшо у тебя за пазухой?—

— Такъ! кой-чшо, родимой! просимъ покорно приняшь. Вошь въ эшомъ кулечкѣ пирогъ, а эшо шшофикъ вищневки съ боярскаго погреба.—

— Спасибо, Григорьевна! сласибо!—

— Кушай на здоровье, кормилецъ! эшо шлепъ шебѣ Аграфена Власьевна.—

— Нянюшка нашей молодой боярышни?—

— Да, бапюшка! Ей самой некогда перемолвишь съ побой словечко, такъ просила меня. . . . О, охъ! родимой!

Сокрушила ее дочька боярская, Ана-спасья Тимофѣевна. Богъ вѣспѣ, чпо съ ней подѣмалось: плачешъ, да горюешъ—совсѣмъ зачахла. Боярину прислали изъ Москвы какого-шо досужаго Поляка — рудомѣша, чполь? не знаю;—да и шопъ шолку не добьшся. И нашоппываль, и заморскаго зелья даваль, и мало ли чего другаго—все проку нѣшъ. Ужъ не съ дурнаго ли глазу ей шакая немочь приключилась? Какъ ты думаешь, Архипъ Кудимовичъ?—

— Не диво, Григорьевна, не диво! А давно ли она хвораетъ?—

— Власьевна сказывала, чпо о зимнемъ Николѣ, когда Бояринъ ѣздилъ съ ней въ Москву, она была здоровѣхонька; приѣхали назадъ въ опчину, спала призадумывашься; а какъ бапюшка просваталъ ее за какого-шо большаго Польскаго Пана, шакъ она съ шѣхъ поръ, какъ въ воду опущеная.—

— Вошъ чпо! а не въ примѣшу ли

Власьевнѣ, что въ Москвѣ кто ни есть приспально на ея барышню поглядываль?—

— Какъ же, мой родимой! Она съ Наспасей Тимофеевной каждый день слушала обѣдню у Спаса на Бору, и всякой разъ какой-то русой молодецъ глазъ съ нея не сводилъ.—

— Вошь что! А не знаешь ли она, кто эшошь дѣшина?—

— Нѣтъ, башюшка! однажды шолько Власьевна вслушалась, что слуга называль его Юрьемъ Дмишричемъ; а по плашью и обычью, кажись, онъ не изъ простыхъ.—

Сии послѣднія слова удвоили любопытство Кириши и принудили его оспашься въ чуланѣ, изъ котораго онъ хопѣлъ было уже выйдши.

— Ну, какъ ты мѣкаешь кормилецъ? продолжала Григорьевна, — болѣзнь чшоль у нея какая, или она сохнешь...

— Съ глазу, Григорьевна, съ глазу.—

— И нянюшка то же шростишь; чему и бышь другому? Да ты, ба-

пюшка, самъ на это дока, и если захочешь пособишь....

— Нѣтъ, Григорьевна! плохо дѣло! кто испоршилъ, тому ее и пользо-
вать надо. Однако я все-таки погово-
рю самъ съ Власьевной.—

— Поговори, родимой, поговори! умъ
хорошо, а два лучше. Ну, бапюшка,
шеперь и я шебъ челомъ! Не оспавь
меня, горемычную; вѣдь и у меня
есть до шебя просьба.—

— Что такое, Григорьевна?—

— Вымолвишь не смѣю.—

— Говори, небось!—

— Я пришла къ шебъ уму—разуму
поучишься, кормилецъ.—

— Какъ шакъ?—

— Ты знаешь: дѣло мое вдовье, ни
за мной, ни передо мною—вовсе голь-
ная сирота... подь часъ перекусишь
нечего.—

— Знаю, знаю.—

— Тебя умудрилъ Господь, Архигъ
Кудимовичъ. Ты всю подногошную
знаешь: лошадь ли сбѣжишь, корова

ли зачакнешь, червь ли нападетъ на скопину, задумаешь ли парень женишься, начнешь ли молодница выкликашь: все къ тебѣ, да къ тебѣ съ поклономъ. Да и самъ Бояринъ, нѣшь нѣшь, а скажешь тебѣ ласковое слово; гдѣбъ ни пировали, а Кудимовичъ шупъ, какъ шупъ; какъ, дескашь, не позовашь шакаго знахаря, бѣду наживешь.—

— Конечно шакъ, Григорьевна. Да о чемъ же ты хлопчешь?—

— А вошь о чемъ, кормилецъ: научи ты меня, глупую швоему досужеству: шакъ и меня чаркою никшо не обнесешь, и меня не хуже швоего чешвовашь будушь.—

— Экъ, съ чѣмъ подѣхала, старая хрѣновка! Смощри пожалуй! ужъ не хочешь ли со мной попягашься?

— И, что ты, кормилецъ! Выше лба уши не росшущь. Что велишь, шо и буду дѣлашь.—

— Ой ли?—

— Видишь Господь, Архипъ Куди-

мовичь! чшобъ со мной ни было, а изъ швоей воли не выпушлю.—

—Ну, ну, бышь шакъ! рожа-ша у шебя бредешъ: шебя и шакъ всъ величаютъ старою вѣдьмой.... Да, шочно ли ты не выпушишь изъ моей воли?—

—Въ кабалу къ шебъ пойду, родимой!—

—То шо же, смотри! Слушай, Григорьевна! ужъ шакъ и бышь, я бы подался—дѣло швое сиропское.... да у бабы волосъ длинень, а умъ коропкъ. Ну, если ты сболшишь?...—

—Кшо? я, бапюшка?... Да, засуши меня Господь шоньше аржаной соломенки! чшобъ мнѣ свѣшу Божьяго не видать! издохнушь безъ исповѣди!...

—Добро, добро, не божись!... Дай подумашъ.... Ну, слушай же, Григорьевна! продолжалъ мужской голосъ, послѣ минушнаго молчанія: — сегодня у насъ на селѣ свашьба; дочь нашего Волосшнаго Дьяка идетъ за прикащикова сына. Вотъ, какъ они повдущъ къ

вѣнцу, ты заберись въ женихову избу на полапи, прижмись къ углу, попупись и нашоппывай про себя....

— А что же, кормилецъ, шепшашь мнѣ велишь?—

— Да что на умъ всбредешь, и о чемъ бы тебя ни спали спрашиваешь: смопри, ни словечка! Бормочи себя подь носъ, да покачивайся изъ спорны въ спорону.—

— Слушаю, бапюшка!—

— Вошь, какъ поѣздъ ворошился изъ церкви, я взойду въ избу и лишь шолько пересшуню черезъ порогъ: ты въ шопъ же мигъ—ужь не пожалѣй себя для перваго раза!—швырккомъ съ полашей, шакъ и грянься о полъ!—

— О полъ? Ахъ, мой родимой! Да я эдакъ и коспочекъ не сберу!—

— Вошь еще боярыня какая! а шебъ бы, чай, хотѣлось, лежа на боку, сдѣлашься колдуньей? Ну, если успѣешь, подкинь соломки, да смопри! чпобъ никому не въ примѣну.—

— Слушаю, бапюшка, слушаю!—

— Чшобъ я ни говорилъ, кричи шолько: »виновата!» а шамъ ужъ не твое дѣло. Третьяго дня пропали боярскія красна; если тебя будущъ о нихъ спрашивають, возьми ковшъ воды, пошепчи надъ нимъ, взгляни на меня, и какъ я машу головою: то опвѣчай, что онъ на гумнѣ Федьки Хомяка, запряшаны въ овинѣ.—

— Ахъ, бапюшки—свѣшы! Не ужтпо въ самомъ дѣлѣ Федька Хомякъ....

— Ономнясь онъ грозился поколопшишь меня: такъ пусшь шеперь развѣдаешся съ Прикащикомъ.—

— Поспой-ка! да шы никакъ шоль опшуда, какъ я съ шобой повспрѣчалась?—

— Молчи, спарая корга! Ни гугу объ эшомъ! Слышишь ли! видѣмъ не видада, слыхѣмъ не слыхала!—

— Слышу, бапюшка, слышу!—

— Завпра приходи опяшь сюда: мнѣ кой-что надо съ шобой перемолвить, а шеперь убирайся проворнѣй! Да, смотри, обойди споронкою, чшобъ ни-

кто не подмышилъ, что ты была у меня. Понимаешь? —

— Разумѣю, кормилецъ, разумѣю! —

— Ну, по-то же! спупай! —

— Прощенья просимъ, бапюшка, Архипъ Кудимовичъ! —

— Поспой-ка! никакъ собака лаешь?... такъ и есть! Кого это нелегкая сюда несетъ?... Слушай, Григорьевна! если тебя здѣсь заспанушъ, такъ все дѣло испорчено. Спрячься скорѣй въ эпошъ чуланъ, закинь крючекъ и припаись, какъ мершвая. —

Григорьевна вошла за перегородку и, захлопнувъ дверь, прижалась къ улю, за кошорымъ лежалъ Кирша. Черезъ минушу нѣсколько человекъ, гремя саблями, съ шумомъ вошли въ избу.

— Гей, Моекаль! закричалъ одинъ голосъ; — нѣшь ли у тебя кого нибудь здѣсь? —

— Никого, бапюшка. —

— Ты врешь! у тебя спряпанъ мошенникъ, кошораго мы ищемъ. —

— Видишь Богъ, нышь!—

— Говори всю правду, а не то я съ одного маху вышибу изъ тебя душу. Гей, Будила! и шы, Сума! осмошрише чердакъ, а мы обшаримъ здѣсь всѣ уголки.— Чпо у тебя за эшой перегородкой?—

— Пуслые улы, да кой - какая старая посуда.—

— Лжешь, Москаль! Дверь приперза изнушри: шамъ кто нибудь да ешь. Ну-ка, поварищи! въ плечи его! такъ онъ заговоритъ.—

— Помилуйте, господа чеспные! Всю правду скажу! шамъ сидитъ женщина.—

— Женщина! Да на кой же чоршь шы ее шуда запряпаль?—

— Не погнивайся, кормилецъ; вы люди рапные: дальше опъ васъ, дальше опъ грѣха.—

— Давай ее сюда! закричали грубые голоса.—

— Да, къ спаштъ — воптъ, кажешся, шшофъ наливки, сказалъ шопъ, кошс-

рый допрашивалъ хозяина. — Мы его разопьемъ вмѣстѣ съ эпой зашворницей. Выходи, красавица! А не поведи вонь!... Экъ, она приперлась, прокляшая!... Ну-ка, шоварици, разомъ! —
— Спойше, ребяна! сказалъ кпо-по хриповашымъ голосомъ. — Шшурмовашь мое дѣло, шолько уговоръ лучше денегъ: кпо первый ворвешся, шого и добыча. — Поспороншесь!—

Ошъ сильнаго нашиска могучаго плеча, пробой вылетѣлъ и дверь рашворилась насшежь.

— Ай, да молодець, Нагиба! закричали Поляки. Ну, выводи скорѣе плѣнныхъ!—

— Полножь упирашья, лебѣдка! Выходи! сказалъ широкоплечей Нагиба, выпашивъ на средину избы Григорьевну.—Кой чоршъ! Да эшо спарая колдунья! закричалъ онъ, выпустивъ ее изъ рукъ.—

— Твоимъ бы ршомъ, да медь пишъ, родимой! ошвѣчала Григорьевна съ низкимъ поклономъ.

— Поздравляемъ, Панъ Нагиба! закричали съ громкимъ хохотомъ Поляки. — Подцѣпилъ красотку! —

— Ахъ, шы, беззубая! Ну, съ швоей ли харей припашься опть молодцовъ! сказалъ Нагиба, ударивъ кулакомъ Григорьевну. — Вонъ опсюда, спарал чершовка! — а шы, рыжая борода, спунай съ нами, да выпроводи насъ на большую дорогу. —

— Поспой, брань! сказалъ другой голосъ; — все ли мы осмонирѣли? Нытъ ли еще кого нибудь за эшой перегородкой? —

— Видишь Богъ, нытъ, кормилецъ! опвѣчалъ хозяинъ, посмапривая съ безпокойспвомъ на шемный уголъ чулана, въ которомъ спояли двѣ кадки съ медомъ. — Кромъ пусыхъ ульевъ и старой посуды, шамъ ничего нытъ. —

— И впрямь! сказалъ Нагиба. — Койчортъ велишь ему забишься въ эшу западню, когда за каждымъ кусномъ онъ можешъ опть насъ спряпашься! Пойдемъ-ше, шоварищи! — Э! да слушай

пы, хозяинъ! чай, у тебя денжки водятся?—

— Какъ Богъ свящъ, ни одного пула (*) нѣтъ, родимой.—

— Ну, ну! полно прижимашься! отдавай волею, а не по....

— Помилосердуй, кормилецъ! вопиѣте Хриспось, вчера послѣднiя деньжонки опнесъ Боярину моему, Тимофею Федоровичу, Шалонскому.—

— Слушай, Москаль! подавай сей часъ....

— Чшо пы, Нагиба! въ умѣ ли! сказаль одинъ изъ Поляковъ.— Иль забыль, чшо намъ наказываль Панъ Региментарь? Если эполъ спарикъ служилъ Боярину, Кручинѣ Шалонскому: шакъ мы и волосомъ не должны опъ него поживишься. —

— Панъ Региментарь! Панъ Региментарь!... Э, нехъ его вшисци дьябли!...

— Тсъ, пише! чшо пы орѣшь, дуралей! перерваль шопъ же Полякъ.—

(*) Самая мѣлкая мѣдная монета.

Иль ты думаешь, что отъ своего
 лаба пуля отскочишь! смотри! Ясно-
 вельможный шупишь не любишь.
 Пойдемъ-ше, ребяша! А ты, хозяинъ,
 спупай передомъ, да выведи насъ на
 большую дорогу.—

Черезъ нѣсколько минушь изба опу-
 спѣла и Кириша могъ вздохнуть сво-
 бодно. Онъ вышелъ попихоньку изъ
 чулана; шелесъ шаговъ едва былъ
 слышенъ вдали; вскорѣ все утихло.
 Вспревоженная собака снова улеглась
 спокойно на солнышкѣ и, верпя при-
 вѣшливо хвостомъ, пропустила мимо
 себя Киришу, какъ спараго знакомца.
 Запорожецъ не сомнѣвался, что про-
 пинка, идущая прямо отъ пчельника,
 выведетъ его въ опчину Боярина Ша-
 лонскаго, гдѣ — по словамъ Алексѣя, —
 онъ надѣялся увидѣшь Юрія, если ему
 удалось спастись отъ преслѣдованія
 Поляковъ. Онъ прошелъ версты че-
 шыре, не встрѣпивъ никого; но лѣсъ
 рѣдѣлъ примѣшнымъ образомъ и вда-
 ли цѣлыя облака дыма, доказывали

близость обширнаго селенія. Наконецъ шропинка привела его къ огородамъ. Пробираясь вдоль плетня, онъ подошелъ къ небольшой часовнѣ, прошивъ копорой, сквозь распворенныя воропа гумна, виднѣлся рядъ низкихъ, покрытыхъ соломой, хижинъ. Желая скорѣй добраться до жилья, онъ рѣшился пройти задами. Есть Русская пословица: пуганая ворона и куспа боишя; она сбывась надъ Киршею. Проходя мимо пуспаго овина, ему послышалось, что кто-то идетъ; первое движеніе Запорожца было спряшашься въ овинъ. Прежде чѣмъ Кирша могъ образумишья и вспомнишья, что его никто уже не преслѣдуешъ, онъ очутился на днѣ овинной ямы и, можешъ бышъ, заплашилъ бы дорого за свой опчаянный скачекъ, еслибъ не упалъ на что-то мягкое. Не смотря на темноту, онъ шощъ же часъ узналъ ошупью, что подъ нимъ лежишъ нѣсколько кусковъ тонкой холщпины.

Тупъ вспомнилъ онъ чудный разгово-
воръ, копорый слышалъ на пчельни-
кѣ.—Добро ты, поддѣльной колдунъ!
подумалъ Кирша.—Посмотримъ, шеп-
нешъ ли тебѣ чорпъ на ухо, что
Боярскія красна перешли, изъ овина
Федьки Хомяка, въ другое мѣсто.—
Эта мысль его развеселила, онъ вы-
тащилъ изъ ямы холщъ, вынесъ его
въ лѣсъ и, зарывъ въ снѣгъ, подлѣ
часовни, пошелъ по проложенной меж-
ду двухъ огородовъ, узенькой про-
пинкѣ.—

Кирша вышелъ на широкую улицу,
посреди копорой, на небольшой пло-
щадкѣ, полуразвалившаяся деревянная
церковь, опличалась опъ окружаю-
щихъ ее избъ однимъ крешомъ и
низкою, похожею на голубяшню, ко-
локольнею. Вся папершь и погоспъ
были усыпаны народомъ; священникъ,
въ полномъ облаченіи, споялъ у цер-
ковныхъ дверей; взоры его, шакже
какъ и всѣхъ присушешвуюющихъ, бы-
ли обращены на толпу, копорая мед-

ленно приближалась ко храму.—Оружіе и воинспвенный видъ Запорожца обрапили на себя общее вниманіе, и когда онъ подошелъ къ церковному погосту, шолпа съ почпениемъ разспуилась и всѣ передніе креспьяне, поглядывая съ робоспію на Киршу, приподняли поропливо свои шапки, кромѣ одного плечиспаго дѣшины, которій, взглянувъ довольно равнодушно на Запорожца, оборопился снова въ ту спорону, ошкуда приближались нѣсколько саней и человекъ двадцать конныхъ и пѣшихъ. Ошкрышой и смѣлой видъ креспьянина понравился Киршѣ, онъ подошелъ къ нему и спросилъ: — для чего православные шолпились вокругъ церкви?—

— Да, шакъ-спа, ошвѣчалъ креспьянинъ.—Народъ глушь: вишь везушь къ вѣнцу дочь Волосшнаго Дьяка, шакъ всѣ и пришли позевапъ на молодыхъ. Словно диво какое!—

— Она выходипъ за сына вашего Прикащика?—

— А почсму шы знаешь?

— Слухомъ земля полницца, шова-рищъ.—

— Да, шы вѣрно здѣшной?

— Нѣтъ; я сей часъ пришолъ въ вашу деревню и никого здѣсь незнаю.—

— Ой ли? —

— Право шакъ!—А скажи-ка мнѣ, вонъ шамъ, на лѣво—чьи хоромы?—

— Боярина нашего, Тимофѣя Федоровича, Шалонскаго.—

— Не приѣхалъ ли къ нему кто нибудь сегодня?—

— Богъ вѣспъ! — Мы къ боярскому двору близко и не подходимъ.—

— Чшо шакъ? развѣ онъ человекъ лихой?

— Не роди машъ на свѣспъ!—Намъ и ошъ холопей-шо его жишья нѣспъ.—

— Чшо шы, Федька Хомякъ, горла-нишь! перервалъ другой креспьянинъ съ сѣдой, осанистой бородою. Не слушай его, добрый человекъ!—Нашъ Бояринъ—дай Богъ ему долгиа_лѣпа! —

Господинъ милоспивой и мы живемъ за нимъ припѣваючи.—

— Да, брашъ! запоешь, какъ послѣднюю овцу попадаешь на барской дворъ.—

— Замолчишь ли ты, глупая башка! продолжалъ съдой спарикъ.— Эй, брашъ! не сносишь шебъ головы!— Не пошачь, господинъ чесной! Не вѣрь ему; онъ эшо шакъ съ дуру говоритъ.—

— Небось, дѣдушка, сказалъ Кирша, улыбаясь; — я челоувкъ заѣзжей и вашего Боярина не знаю. А естъ ли у него дѣпки?

— Одна дочька, родимой! Анаспасья Тимофѣевна—Ангель небесный!—

— Да! неча сказать, прибавилъ первый крещьянинъ,—вовсе не въ башюшку; шакая добрая, привѣпливая, а собой-шо! красное солнышко! Ну, всѣмъ бы взяла, еслибъ была подороднѣе; да здоровья-шо Богъ не даешъ.—

— Глядь-ка, Хомякъ! закричалъ спарикъ; вонъ ѣдетъ Дьякъ съ невѣстою

да еще и въ боярскихъ саняхъ. Шапки долой, ребята!—

Поѣздъ приближался къ церкви. Впереди въ свѣтло-голубыхъ кафшанахъ, съ бѣлыми ширинками черезъ плечо, ѣхали верхами двое дружекъ; позади ихъ въ небольшихъ санкахъ везъ икону малолѣтний братъ невѣсты, кошорая, вмѣстѣ съ опцемъ своимъ, ѣхала въ выкрашенныхъ малиновою краскою саняхъ, обитыхъ внутри кармазиною обьерью;—подъ ногами у нихъ подоспмана была шкура бѣлаго медвѣдя, а конская упряжь украшена множествомъ лисьихъ хвостовъ. Рядъ саней, со свахами и родственниками жениха и невѣсты, оканчивался полпою пѣшихъ и всадниковъ, среди кошорыхъ красовался женихъ на бѣломъ конѣ, коего сбруя обвѣшена была разноцвѣтными киспями, а узда замѣнялась мѣдною цѣпью,—роскошь, переняшая простолюдинами опъ значныхъ болръ, у кошорыхъ сн цѣпи бывали не только

изъ серебра; но даже не рѣдко изъ чиншаго золота.

Кирша, въ слѣдъ за женихомъ, кое-какъ продрался въ церковь, копорой до того была набита народомъ, что едва оставалось довольно мѣста для совершенія брачнаго обряда. Все шло чинъ—чиномъ и крещьяне, несмотря на шѣсношу, наблюдали почтительное молчаніе; но въ шу самую минушу, какъ молодой, по шогдашнему обычаю, бросилъ на земь и началъ топтать ногами спклянку съ виномъ, изъ копорой во время вѣчанья пилъ попеременно съ своей невѣсною,—народъ зашумѣлъ, глухой шопопъ раздался на церковной паперши. »Раздвиньшесь! пошпороньшесь! дайше пройди Архилу Кудимовичу!« повшоряли многіе голоса. — Толпа отхлынула опъ дверей и на порогъ показался, високаго росша, крещьянинъ съ рыжей окладистой бородою. Наружность его не общада ничего важнаго; но спрахъ, съ

кошорымъ смотрѣли на него всѣ окружающіе и имя, произносимое въ полголоса почти всѣми, шопъ часть надоумили Киришу, что онъ видишь, въ сей почтенной особѣ, хозяина пчельника, гдѣ жизнь его висѣла на волоскѣ. Кудимычъ оспановился въ дверяхъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ внутренность церкви и, замѣпя въ шолпѣ Федьку Хомяка, улыбнулся съ такимъ злобнымъ удовольствіемъ, что Кириша далъ себѣ честное слово спасти опъ напраслины невиннаго креспьянина и вывести на свѣжую воду подложнаго колдуна. Межъ шѣмъ обрядъ вѣнчанья кончился и молодые опправились, шѣмъ же порядкомъ, въ домъ Прикащика.— Кудимычъ, по приглашенію жениха, присоединился къ поѣзду, а Кириша вмѣшался въ шолпу пѣшихъ госпей и опправился шакже пировашъ у молодыхъ.—

На половинѣ дороги креспьянская дѣвушка, съ испуганнымъ лицомъ, подбѣжала къ санямъ Прикащика, ска-

зала ему что-то попохоньку; онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть; подозвалъ къ себѣ Кудимыча и вся процессія оспановилась. Они довольно долго говорили межъ собой шопопомъ, наконецъ Кудимычъ сказалъ громкимъ голосомъ: «пусти, я пойду передомъ; не бойся ничего, я знаю, что дѣлать». Всъ порядокъ шесшвія нарушился: одни вылѣзли изъ саней, другіе окружили колдуна и всѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобы разошлись по домамъ, пустились въ слѣдъ за молодыми; а Кудимычъ важно выступилъ впередъ и, ободряя Прикащика, повелъ за собою всю шолпу къ дому новобрачныхъ.—

Г Л А В А VII.

Мы оставили Юрія и слугу его, Алексѣя въ виду цѣлой толпы Поляковъ, копорые считали ихъ вѣрной добычею; но они скоро увидѣли, что ошиблись въ расчетъ. Въ нѣсколько минутъ, наши путешественники потеряли ихъ изъ виду. Безпрестанные изгибы и повороты дороги, копорая часто суживалась до того, что двумъ коннымъ нельзя было ѣхать рядомъ, способствовали имъ укрыться отъ преслѣдованія густой толпы всадниковъ, копорые, спѣшаясь въ узкихъ мѣстахъ, мѣшали другъ другу и должны были по неволѣ отставливались. Проскакавъ нѣсколько верстъ, наши путешественники спали придерживаясь своихъ лошадей и

вскорѣ совершенная тишина, ихъ окружающая, и едва слышный, опдаляющійся конской топотъ увѣрили ихъ, что Поляки ворошились и имъ нечего опасаться.

— Ну, Бояринъ! сказалъ Алексѣй;—помиловаль насъ Господь!—

— А бѣдной Кирша?—

— И, Юрій Дмитричъ! онъ дѣлина проворный, да и какъ поймать его въ такомъ дремучемъ лѣсу! —

— Но если онъ раненъ?—

— Богъ милосивъ! Онъ вѣрно уцѣлѣлъ.—

— Я дорого бы далъ, чшобъ увѣришься въ эпомъ. Ну, Алексѣй! не совѣстно ли тебѣ! ты подозрѣвалъ Киршу въ измѣнѣ....

— Каюсь, Бояринъ! грѣшилъ на него, да и шенерь думаю....

— Чшо такое?—

— Чшо онъ не Запорожець.—

— Вездѣ есть добрые люди, Алексѣй.—

— Да ты пожалуй, Бояринъ и Поляковъ называешь добрыми людьми.—

— Конечно; я знаю многихъ, на которыхъ хопѣлъ бы походить.—

— И также, какъ они, гнашься за проезжими, чпобъ ихъ ограбить?—

— Шайка Русскихъ разбойниковъ, или шолпа Польской лагерной челяди ничего не доказываютъ. Нытъ, Алексѣй! я уважаю храбрыхъ и бдагородныхъ Поляковъ. Придешъ время, вспомнятъ и они, чшо въ ихъ жилахъ течеть кровь нашихъ общихъ предковъ — Славянъ; бытъ можеть, внуки наши обнимутъ Поляковъ, какъ родныхъ братьевъ, и два сильнѣйшія поколѣнія древнихъ владыкъ всего сѣвера сольются въ одинъ великой и непобѣдимой народъ.

— Не погнѣвайся, Бояринъ! ты, живя съ этими Ляхами, черезъ чуръ мудренъ сталъ, и говоришь такъ красно, чшо я ни словечка не понимаю. Но воля твоя: чшо будешъ впередъ, то Богъ вѣспъ; а шеперь куда бы хоро-

шо, еслибъ эпи незваные госпи убрались во свояси. Покойный швой башюшка — дай Богъ ему царство небесное! — не шакъ изволилъ думашь. Ты послъ смерти Боярыни нашей, а швоей матери, оспался у него одинъ, какъ порохъ въ глазу; а онъ все-таки говариваль, чпо легче бы ему видъшь шебя, единороднаго своего сына, въ ранней могилъ; чъмъ слугою Короля Польскаго, или мужемъ невѣрной Полячки. —

— Мужемъ!... повпорилъ въ полголо-са Юрій, и глубокая печаль изобразилась на лицъ его — Нѣтъ, добрый Алексѣй! Господь не благословилъ меня бытъ мужемъ шой, копорая пришла мнѣ посердцу; шакъ видно суждено мнѣ цѣлой вѣкъ сиромой промайпъ-ся. —

— И, Бояринъ, Бояринъ! Не одна звѣзда на небѣ свѣшипъ, не одна красавица на свяшой Руси. Ты все еще думаешь объ этой черноглазой Боярышнѣ, копорую видѣль въ Москвѣ у

Спаса на Бору?... Вольножь шебѣ было не провѣдашь, кшо она шакова; опккладывалъ, да опккладывалъ, а она вдругъ згнула, да пропала. И шо сказашь — не ужели опгъ эпаго зачакнушь съ поски шакому молодцу, какъ шы, Бояринъ? Кликни полько кличь, чшо хочешь женишься: шакъ не оберешься невѣспъ, а можешь бышь.... почему знашь? суженаго конемъ не обѣдешь... и не ищешь, а найдешь свою черноглазую красавицу....

— Обвѣнчанную съ другимъ!... Нѣтъ! лучше вѣкъ ее не видать, чѣмъ видѣшь на ея пальцѣ обручальное кольцо, кшпорымъ она помѣнялась не со мною.—

— Чшо Богъ великъ, шо и будешь. А межъ шѣмъ, Бояринъ, по какой дороге намъ ѣхашь? Вошь ихъ двѣ: на право въ лѣсъ, на лѣво изъ лѣсу.... Да, кшпаши! вошь ѣдешь мужичекъ съ хвороспомъ. Ей! слушай-ка, дядя! По кшпорой дороге выѣдемъ мы въ опчину Боярина, Кручины Шалонскаго? —

При семь грозномъ имени креспьянинъ снялъ шапку, поклонился въ поясъ проѣзжимъ и, молча, показалъ на лѣво. Черезъ полчаса наши путешественники выѣхали изъ лѣсу и длинный рядъ низкихъ избъ, выстроенныхъ по берегу небольшой рѣчки, представилъ ихъ взорамъ. Широкая поперечная улица вела къ церкви, а по другой сторонѣ рѣки, на оплогомъ холмѣ, возвышались песовая кровля и красивый перемъ Боярскаго дома, обнесеннаго высокимъ пыномъ, похожимъ на крепостной налесады. Вокругъ господскаго двора разбросаны были жилия избы дворовыхъ людей, конюшня, псарня и огромный скопный дворъ. Всѣ сии строенія съ ихъ приспособками, кльшми и загородками, занимали шоль большое пространство, что съ перваго взгляда ихъ можно было почестъ въпорымъ селомъ, не менѣе перваго. Переѣхавъ черезъ мостъ, ушвержденной на полсныхъ сваяхъ, путешественники поднялись въ гору:

и выѣхали на обширной барской дворъ. Передней фасадъ главнаго зданія занималъ въ длину болѣе пятнадцати саженой; но вышина дома ни мало не соотвѣтствовала длинѣ онаго. Небольшія четверугольныя окна, съ красными рамами и разноцвѣтными ставнями, раздѣлялись широкими просѣнками. Съ лѣвой стороны домъ оканчивался крыльцомъ, съ огромнымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ деревянными столбами, коимъ дана была форма нынѣшнихъ шоченыхъ балясъ, употребляемыхъ иногда для украшенія наружности домовъ. Съ правой стороны домъ примыкалъ къ двухъ-этажному шерему, коего окна были почти вдвое болѣе оконъ основной части дома. По обѣимъ сторонамъ забора выстроены были длинныя зашольни, приспѣшная и погребъ съ высокой голубятнею, а посреди двора спояли висячія качели.—Мы должны замѣтить нашимъ читателямъ, что гордый Бояринъ, Кручина

славился своей роскошью и что его давно уже упрекали въ подражаніи иноземцамъ и въ явномъ презрѣніи къ проспымъ обычаямъ предковъ; а поему описаніе его дома не можешь дашь вѣрнаго понятія объ образѣ жизни погдашнихъ Русскихъ Бояръ. Ихъ дома не удивляли огромностью и великолѣпіемъ: большая комната, называемая свѣплицею, опдѣлялась опть черной избы проспорными и шеплыми сѣнями, въ кошорыхъ живали горничныя, получившія опть сего названіе *спныхъ двушекъ*. Иногда узкая и крутая лѣшница вела изъ сѣней въ перемъ; кругомъ дома спроились погреба, конюшни, клѣши и бани; — вопъ крапкое, но довольно вѣрное описаніе домовъ Бояръ и дворянъ того времени, кошорые крѣпко держались старинной Русской пословицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами.»

Проѣзжая дворомъ, Юрій замѣпилъ большія приготоовленія; слуги бѣгали

взадъ и впередъ; въ приспѣшной пы-
 лалъ яркой огонь; нѣсколько поваровъ
 еуешились вокругъ зарѣзаннаго быка—
 все доказывало, что Бояринъ, Кру-
 чина ожидаетъ къ себѣ госпей. Тѣ
 изъ челядинцевъ, съ коими встрѣ-
 чался Юрій, подъѣзжая къ крыльцу,
 смопрѣли на него съ удивленіемъ:
 измятый и поношенный охобень, ко-
 имъ съ ногъ до головы онъ былъ
 окупанъ, некрасивая одежда Алексѣя,
 однимъ словомъ: ничто не оправ-
 дывало дерзости незнакомаго го-
 спя, котораго, вопреки обычаю про-
 столудиновъ, не сошелъ съ лошади
 у ворошъ и въѣхалъ верхомъ на дворъ
 гордаго Боярина. Опдавъ своего ко-
 ня Алексѣю, Юрій взошелъ по оп-
 логой лѣспницѣ въ обширную перед-
 нюю комнапу. Вокругъ стѣнъ, на
 широкихъ скамьяхъ сидѣло человекъ
 двадцать холопей, одѣтыхъ въ цвѣт-
 ные кафшаны; развѣшенные въ по-
 рядкѣ панцыри, бердыши, киспени,
 сабли и ружья, служили единствен-

нымъ украшеніемъ голыхъ стѣнъ се-
го покоя. Одинъ изъ слугъ, не вспа-
вая съ мѣста, спросилъ грубымъ го-
лосомъ Юрія:—кого ему надобно?—

—Боярина Тимофея Федоровича, оп-
вѣчалъ Юрій.

—А опъ кого ты присланъ?—

Вмѣсто опвѣща, Юрій сбросилъ
свой охобень. Обшипой богатыми
галунами кафшанъ и дорогая сабля
подѣйспвовали сильнѣе на сихъ не-
вѣжъ, чѣмъ благородный видъ Юрія;
они вскочили проворно съ своихъ ла-
вокъ и шопъ, кошорый сдѣмалъ пер-
вый вопросъ, поклонясь вѣжливо, ска-
заль, чшо Бояринъ еще не вспаваль,
и если госпю угодно подождатьъ; шо
онъ просишь его въ другую комна-
ту. Юрій вошелъ въ слѣдъ за слу-
гою въ чешвероугольный обширный
покой, посреди кошораго спояли
длинные дубовые сполы, а вдоль стѣ-
ны покрышыя песпрыми коврами

лавки. Прошло болѣе часу, никто не показывался. Опъ нечего — дѣлать, Юрій спалъ разсмахривалъ развѣщенные по снѣнамъ поршпреты, довольно изрядной, по тогдашнему времени, живописи. Почти всѣ представляли Поляковъ, а одинъ, Короля Польскаго въ коронѣ и порфирѣ. Поршпретъ былъ поясной и Король былъ предспавленъ облокошившимся на споль, на кошоромъ лежалъ скипепръ съ двуглавымъ орломъ и священный для всѣхъ Русскихъ, вѣнецъ Мономаховъ. Юрій вздрогнулъ опъ негодованія, прочли надпись на Польскомъ языкѣ: «Сигизмундъ, Король Польскій и Царь Русскій.» Не помышляя о послѣдствіяхъ перваго необдуманнаго движенія, онъ прошинулъ руку, чшобъ сорвать поршпретъ со снѣны, какъ вдругъ двери изъ внутреннихъ покоевъ распворились, и человекъ, дѣшъ шридцати, окрытно одѣшый, вошелъ въ комнату. Поздравивъ Юрія съ приѣздомъ, и объявивъ себя

однимъ изъ *знаколицевъ* Боярина (*), онъ спросилъ, — какую надобность имѣешь привѣзжей до хозяина? —

— Я долженъ самъ говорить съ Тимофѣемъ Федоровичемъ, опивчалъ Юрій.

— Ему теперь некогда: онъ опправляетъ гонца въ Москву.—

— Я самъ изъ Москвы и привезъ ему грамошу опъ Пана Гонсѣвскаго. —

— Опъ Пана Гонсѣвскаго? А! это другое дѣло! Милоспи просимъ! я шопъ часъ доложу Боярину. Дозволь только спросить: при тебѣ чшоль получили извѣстїе въ Москвѣ о славной побѣдѣ Короля Польскаго?—

— О какой побѣдѣ?—

— Такъ ты не знаешь? Смоленскъ взялъ.—

— Возможно ли?—

(*) Знакомцами назывались тогда жившіе у Бояръ бѣдные дворяне; они вдали за Боярскимъ столомъ и соспавляли ихъ домашнюю бесѣду.

— Да, да! это гнездо бунповщи-
ковъ шеперь въ нашихъ рукахъ. Боя-
ринъ Тимофей Федоровичъ вчера по-
лучилъ грамошу отъ своего прияше-
ля, Смоленскаго урожденца, Андрея Де-
дешина, копорый помогъ Королю за-
владѣшь городомъ....

— И вѣрно не былъ награжденъ,
какъ слѣдуешь за такую услугу? ска-
залъ Юрій, съ шрудомъ скрывая свое
негодование.

— О, нѣшь! онъ шеперь въ большой
милосши у Короля Польскаго!—

— Не вѣрю. Сигизмундъ не пошер-
пишь при лицѣ своемъ измѣнника. —

— Чшо ны! Какой онъ измѣнникъ!
Когда городъ взяли, всѣ измѣнники и
буншовщики заперлись въ Соборѣ,
подъ копорымъ былъ пороховой по-
гребъ, подожгли сами себя — и всѣ
згибли до одинаго. Туда имъ и дорѣ-
га! Но не погнивайся! я пойду и до-
ложу о тебѣ Боярину.—

— Вѣрные Смольяне! сказалъ Юрій,
оставшись одинъ.— Для чего я не могъ

погибнуть вмѣстѣ съ вами? Вы положили головы за вашу родину, а я... я клялся въ вѣрности тому, чей опецъ, какъ люшый врагъ, раззоряеть землю Русскую! — Громкой крикъ, раздавшійся на дворъ, разсѣялъ на минуточку его мрачныя мысли; онъ подошелъ къ окну: посреди двора нѣскольکو слугъ обливали водою какого-то безобразнаго старика; несчастный дрожаль опъ холода, кривлялся и, дѣлая пресипранные прыжки, ревелъ нелѣпымъ голосомъ. Добрый, чувствительный Юрій никакъ не догадался бы, что значить эта жестокая шутика, еслибъ громкой хохотъ, въ соседнемъ покоѣ, не надоумилъ его, что это одна изъ потѣхъ Боярина Шалонскаго. Ошвращеніе, чувшвуемое имъ къ козянну дома, удвоилось при видѣ еей безчеловѣчной забавы, которая кончилась тѣмъ, что посинѣшаго опъ холода и едва живаго старика ошпацили въ заспольную. Вслѣдъ за симъ потышнымъ зрѣли-

щемъ, вошелъ опять поить же зна-
комца Воярина и пригласилъ Юрія
идти за собою. Пройдя одну неболь-
шую комнату, провожаемый его ош-
ерялъ, обитый краснымъ сукномъ,
двери и ввелъ его въ покой, коего
стѣны были обтянуты Голландскою
позолоченой кожей. Передъ боль-
шимъ столомъ, въ высокихъ рѣзныхъ
креслахъ, сидѣлъ человекъ, лѣтъ пя-
шидесяти. Блѣдное лице, носящее на
себѣ отпечатокъ сильныхъ, необуз-
данныхъ страстей; рѣдкая съ про-
свѣдью борода и сѣрые небольшіе гла-
за, которые, сверкая изъ-подъ насуп-
ленныхъ бровей, казалось, готовы
были отъ малѣйшаго прекословія за-
пылать бѣшенствомъ — все сіе вмѣ-
стѣ составляло наружность вовсе не
привлекательную. Подстриженные на Поль-
ской образецъ волосы, низко повязан-
ный кушакъ по длинному штофному
кафтану, придавали ему видъ богата-
го Польскаго Пана; но въ то же вре-
мя надѣвая на распашку, сверхъ каф-

пана, съ золошыми пеплицами фезъ напоминала пышную одѣжду Бояръ Русскихъ. Юрїю не спрудно было опгадашь, что онъ видить передъ собой Боярина, Кручину. Поклонясь вѣжливо, онъ подалъ ему, обернутое шелковымъ снуркомъ, письмо Пана Гонсѣвскаго.

— Давно ли ты изъ Москвы? спросилъ Бояринъ, развертывая письмо.

— Осьмой день! Тимофѣй Федоровичъ.—

— Осьмой день! Хорошаго же гонца выбралъ мой будущій зять! Ну, молодець, еслибъ ты служилъ мнѣ, а не Пану Гонсѣвскому....

— Я служу одному Царю Русскому, Владиславу, перервалъ хладнокровно Юрїй.

— Въ самомъ дѣлѣ! Да, кто же ты таковъ, вѣрный слуга Царя, Владислава? спросилъ насмѣшливо Кручина.

— Юрїй, сынъ Боярина, Димитрія Милославскаго.—

— Димитрія Милославскаго?... зако-
снѣлаго ненавистника Поляковъ?... И
ты сынъ его.... Но все равно! садись,
Юрій Димитричъ! Диво, что Панъ Гон-
сѣвскій не нашолъ никого прислать
ко мнѣ, кромѣ тебя.—

— Я изъ дружбы къ нему взялся
опшезни къ тебѣ эту грамоту.—

— Сынъ Боярина Милославскаго ве-
личаетъ Польскаго Королевича, Ца-
ремъ Русскимъ.... зовешъ Гонсѣвскаго
своимъ другомъ... диковинка! шакъ по
этому и швой ошець за умъ хва-
щился?—

— Его ужъ нѣтъ давно на свѣтѣ.—

— Вошь что! Не осуди, Юрій Димит-
ричъ! Я прочту, о чемъ ко мнѣ Панъ
Гонсѣвскій въ своемъ лислу пишешъ.—

Юрій замѣшилъ, что Бояринъ, чи-
тая письмо, становился часъ ошъ
часу пасмурнѣе, досада и непрерыв-
нѣе изображались на лицѣ его.—Нѣтъ!
сказалъ онъ, дочитавъ письмо;— съ ни-
ми добромъ не расдѣлаешся! по мнѣ
бы съ корнемъ вошь! Я бы вспахалъ

и засѣялъ мѣсто, на которомъ сполнѣ эшопъ разбойничей городишка!...
 Вопъ чшо въ своемъ листу пишешъ ко мнѣ Гонсѣвскій, продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію.—До него дошолъ слухъ, чшо неугомонные Нижегородцы набираюшъ изподпишка войско: шакъ онъ желаешъ, чшобъ я опсправилъ шебя въ Нижней поразвѣдашь, чшо шамъ дѣлаешся, и если можно, преклонишь главныхъ зачинщиковъ къ покорности, обѣщая имъ милоспъ Королевскую. Онъ-декашь, сынъ Боярина Московскаго, кошорый славился своею ненавистью къ Полякамъ, шакъ примѣръ его можешъ вразумишь сихъ малоумныхъ: «когда-де сынъ Димитрія Милославскаго цѣловалъ креспъ Королевичу Польскому, шакъ ужъ видно шакъ и бышь должно.»

— Я съ радоспью гошовъ исполнишь порученіе Гонсѣвскаго, опвѣчалъ Юрій; ибо увѣренъ въ душъ моей, чшо избраніе Владислава спасешъ опъ ко-
 нечной гибели наше опечество.—

— Да, да! перервадь Бояринь; — мир-вольше эшимь буншовщикамъ! уговаривайше ихъ! Дождешесь шого, чпо всь Низовые города къ нимъ приспашушъ, и шогда попышайшесь ихъ уняшъ. Нъшъ, господа Москвичи! Не словомъ ласковымъ усмиряюшъ непокорныхъ, а мечемъ и огнемъ. Гонсѣвской прислалъ сюда Пана Тишкевича съ регименшомъ; но эшимъ ихъ не запугаешъ; еслибъ онъ меня послушался и опправиль поболѣ войска: шю давнымъ бы давно не осшалось въ Нижнемъ бревна на бревнѣ, камня на камнѣ. —

— Не весело, Бояринь, правой рукой опсѣкашъ себѣ лѣвую; не радостно Русскому воспашать прошиву Русскаго. Мало ли и шакъ пролишо крови Хрисціанской! Не одна штысяча православныхъ легла подь Москвою! и не прошивны ли Господу Богу молитшвы шѣхъ, коихъ руки облипы кровію брашьевъ? —

Бояринь Кручина поглядѣлъ при-

спально на Юрія, и съ насмѣшливой улыбкою, спросилъ его:—на копоромъ году желаешь онъ сдѣлаться скимникомъ? и ради чего, вмѣсто чепокъ, прицѣпилъ саблю къ своему поясу?—

—Что я умѣю владѣть саблею, Бояринь! сказалъ Юрій, это знаютъ враги Россіи; а удостоюсь ли быть скимникомъ, про то вѣдаешь одинъ Господь.—

—Да, не думаешь ли ты, сердобольный посланникъ Гонсѣвскаго, продолжалъ Бояринь, что Нижегородцы будутъ къ тебѣ также милосерды и побояшся умертвить тебя, какъ предателя и слугу Короля Польскаго?—

—И дѣлобъ сдѣлали, еслибъ я, Юрій Милославскій, былъ слугою Короля Польскаго.—

—Ого, молодчикъ! да ты что-то крупно поговариваешь, сказалъ Кручина, нахмуривъ свои густыя брови.

—Да, Бояринь! продолжалъ Юрій,

я служу не Польскому Королю, а Царю Русскому, Владиславу.—

—Но Сигизмундъ развѣ не опецъ его?—

—Его; а не нашъ. Такъ думаешь вся Москва, шакъ думаютъ всѣ Русскіе.—

—Полегче, молодецъ! полегче! за всѣхъ не ручайся; шы еще молодецкѣ, не тебѣ учишь спариковъ; мы знаемъ лучше вашего, что пригоднѣе для земли Русской. Сегодня шы отдохнешь, Юрій Дмипричь, а завтра чѣмъ свѣшь опправишься въ дорогу; я дамъ тебѣ грамошу къ приятелю моему, Боярину, Испомѣ Туренину. Онъ живешъ въ Нижнемъ и я прошу тебя во всемъ совѣшоваться съ эшимъ испыпаннымъ въ дѣлахъ и прозорливымъ мужемъ. Пускай, на первой случай, Нижегородцы присягнушъ хопя Владиславу; а памъ что Богъ дастъ! опъ сына до опца недалеко....

— Нѣтъ, Бояринъ! пока Русскіе не переродились....

— Добро! мы поговоримъ объ эпозѣ послѣ. Знай только, Юрій Дмипричь, что въ сильную бурю на поврежденномъ кораблѣ правишь рулемъ не малое дѣло, а опытный кормчій. Но у меня есць нужныя дѣла.... и шакъ не взыщи.... прощай, покамѣшь!... Не съ ума ли сошелъ Гонсѣвскій! продолжалъ Бояринъ, провожая глазами выходящаго Юрія: прислапъ ко мнѣ эпозаго мальчишку, копорый безпрестанно швердитъ о Владиславѣ, да объ опечесшѣ! Видно у нихъ въ Москвѣ-шоумъ за разумъ зашелъ! Добро, молодчикъ! ты поѣдешь въ Нижній и чтообъ у себя на умѣ ни было, а меня не проведешь: или будешь плясать по моей дудкѣ, или.... Бояринъ свиснулъ и спросилъ вошедшаго слугу, приѣхалъ ли изъ города его спремянной, Омляшь?—

— Сей часъ слѣзь съ лошади, Государь! опвѣчалъ служишель.

— Скажи, чпобъ онъ никому не показывался, а пришелъ бы ко мнѣ пайкомъ, черезъ садовую калишку и былъ бы готовъ къ отъѣзду. Спупай!... да позови ко мнѣ Власьевну.—

Черезъ нѣсколько минушь вошла въ покой спарушка, лѣтъ шестидесяти, въ шелковомъ шушунѣ и малиновой, обложенной мѣхомъ, шапочкѣ. Помолясь иконамъ, она низко поклонилась Боярину и, сложивъ смиренно руки, ожидала въ почтительномъ молчаніи приказаній своего господина.

— Ну, чпо Власьевна? спросилъ Бояринъ. Порадуешь ли ты меня? Какова Насшенька? —

— Все такъ же, батюшка, Тимофѣй Федоровичъ! Ничего не кушаетъ, сна вовсе нѣтъ; всю ночь промѣталась изъ спороны въ спорону, все изволятъ посковать,—а о чемъ? сама не знаетъ! ужъ я ее спрашивала, спрашивала: — чпо ты мое дитяшко? чпо ты, моя радость? Чпо съ тобою дѣлается?... »Боляна, мамушка!«

вошь и весь опвѣшь, а что болишь? Богъ вѣсь!

Бояринъ призадумался. Дурной гражданинъ едва ли можешь бышь хорошимъ опцемъ; но и дикіе звѣри любяшь дѣшей своихъ, а сверхъ того честполубивый Бояринъ видѣль въ ней будущую супругу любимца Короля Польскаго; она была для него вѣрнѣйшимъ средспвомъ къ доспиченію почестей и могущеспва, соспавлявшихъ единспвенный предметъ всѣхъ шайныхъ думъ и неперпѣливыхъ его желаній. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ:—упощребляла ли больная снадобья, копорья оспавилъ ей Польской врачъ, передъ опѣздомъ своимъ въ Москву?—

—Э, эхъ, башюшка, Тимофѣй Федоровичъ! опвѣчала спарушка, покачавъ головою.—Съ эшихъ - шо снадобьевъ, никакъ ей хуже и сдѣмалось; воли швоя, Бояринъ, гнѣвайся на меня, если хочешь; а я спою въ шомъ, что Ана-

спасъ Тимофѣевнѣ попришчилось не даромъ. Нѣшъ, ошець мой! Неспрѣспа она хворашъ изволишъ.—

—Такъ ты думаешь, Власьевна, что она испорчена?—

—Испорчена, башюшка! видишь Богъ, испорчена!—

—Я плохо этому вѣрю; ну, да если ничшо не помогаешъ, шакъ дѣлашъ нечего! поговори съ Кудимычемъ.—

—Я ужъ и безъ швоего Боярскаго приказа хопѣла съ нимъ объ эшомъ словечко перемолвишъ; да говоряшъ, будшо бы здѣсь ешъ какой-шо прохожей, кошорый и Кудимыча за поясъ зашкнулъ. Такъ не прикажешъ ли, Тимофѣй Федоровичъ, ему поклонишъся? Онъ шеперь на селѣ у Прикащика Фомы, пируешъ съ молодыми.—

—Хорошо! пошли за нимъ; пусть посмошришъ Наспеньку. Да скажи ему: если онъ ей пособишъ, шо просиль бы у меня, чего хочешъ; но если ей сдѣлаешся хуже, шо даромъ что онъ колдунъ,—не опшворожишся....

запорю бапогами!... Ну, спупай! про-
должалъ Бояринь, вспавая. —Черезъ
часъ, а можешъ бышь и прежде, я при-
ду къ вамъ и взгляну самъ на больную. —

Межъ шѣмъ дворянинь, кошорому
поручено было угощашъ Юрія, прой-
дя черезъ всѣ комнашы, ввелъ его въ
одинъ боковой покой, въ кошоромъ
спояло нѣскольکو кровашей безъ по-
логовъ. — Вошъ здѣсь, сказалъ онъ, оп-
дыхаюшъ госпи Боярина. Не хочешъ
ли и пы успокоишься, или переку-
силь чего нибудь? Дорожному чело-
вѣку во всякое время ѣспъ хочешъ-
ся. —

— Благодарю! опвѣчалъ Юрій; я не
голодень, а желалъ бы опдохнуть. —

— Такъ не чинись, Бояринь! при-
лягъ и засни; нынчѣ же объдашь бу-
душъ поздно. Тимофѣй Федоровичъ
хочешъ порядкомъ угоспиль Пана
Тишкевича, кошорый сегодня прибылъ
сюда съ своимъ регименшомъ. Добра-
го сна, Юрій Дмитричь! А я межъ

шѣмъ пойду и взгляну, прибрали ли своихъ коней.—

Юрій, оставшись одинъ, подошелъ къ окну, изъ коего былъ видѣнъ садъ, или, по тогдашнему, огородъ, который и въ наше время не заслужилъ бы другаго названія. Полсотни полсшихъ липъ, двѣ или три куршины плодовыхъ деревьевъ, большой прудъ съ жирными карасями, множество кустовъ смородины и малины, и нѣсколько грядъ съ овощами: вопшъ что замѣняло тогда нѣнѣшнія красивыя аллеи, бесѣдки, каскады и сюрпризы. Юрію показалось, что кто-то идетъ по саду, вдоль забора между кустовъ; онъ не обратилъ бы на сіе никакого вниманія, еслибъ эшошъ человекъ не походилъ на вора, который хочешъ пробраться шакъ, чтобы его никто не замѣшилъ; онъ шелъ сугробомъ пошому, что проложенная по саду шропинка, была слишкомъ на виду и, какъ будто бы съ робосшію, оглядывался на всѣ стороны. По оп-

даленію, Юрій не могъ разсмотрѣвъ его въ лице; но замѣпилъ, что онъ высокаго роста и сложенъ богатыремъ. Желая хотя немного отдохнуть, Милославскій, не раздвываясь, прилегъ на одну изъ кроватей. Не смотря на усталость, онъ долго не могъ заснуть; какъ тяжелый свинецъ, неизъяснимая грусть лежала на его сердцѣ; всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, свобода, счастье опечесыва—все, что наполняло вошпоргомъ его душу, замѣнилось какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ. Слова Боярина Кручины, а болѣе всего взятіе Смоленска, доказывало ему, что съ избраніемъ Владислава не прекратились бѣдствія Россіи. Междоусобная война, шоржество враговъ и наконецъ поработеніе опечесыва, во всей ужасной истинѣ своей представились его воображенію. Часъ ошъ часу билось сильнѣе сердце пламеннаго юноши, кровь волновалась въ его жилахъ; но усталость взяла свое: гла-

за его сомкнулись, мечпы облеклись въ одежду испины и сновидѣніе перенесло Юрія въ первопрестольный градъ Царства Русскаго. Ему казалось, что все небо подернуто густымъ шуманомъ; что онъ, вмѣстѣ съ полною, покрытыхъ рубищемъ и горько плачущихъ, гражданъ Московскихъ, подходитъ къ Грановицкой Палатѣ; что на высокомъ Царскомъ перемѣ развѣвается красное знамя, съ изображеніемъ одноглаваго орла. Юрій съ ужасомъ ошвращаетъ свои взоры и вопъ передъ нимъ древній храмъ Спаса на Бору; церковныя двери распворены,... онъ входитъ.... и ктожъ спѣшилъ къ нему на встрѣчу?... Она! Тихой, едва слышной шопотъ долѣтаетъ до ушей его: »Я долго, долго дожидалась тебя, мой суженой! послѣшимъ!... Священникъ гошовъ, онъ ждетъ насъ у наюа. Пойдемъ!« Съ безмолвнымъ восшоргомъ, Юрій прижимаетъ къ сердцу ея руку.... и вопъ уже они споятъ рядомъ.... имъ подаюшъ брачныя свѣ-

чи.... Вдругъ буйные крики раздаются у дверей, шолпа Поляковъ врываеися во внутренность храма и съ неистовымъ хохотомъ окружаетъ невѣсту; Юрій ищетъ своей сабли — ее нѣтъ; хочетъ броситься на злодѣевъ, но онѣмѣвшіе члены ему не повинуются. Съ воплемъ опчаяннѣ, въ совершенномъ безсиліи, онъ повергается на хладный церковный помостъ, перлетъ чувства и снова, какъ будто пробудясь отъ сна, видитъ себя посреди Красной Площади; надъ нимъ ясныя небеса.... кругомъ шолпится народъ.... радостъ на всѣхъ лицахъ.... тихое очаровательное пѣніе раздается въ храмахъ Господнихъ; вдали, сквозь шонкой шуманъ, на сѣверо-воспокъ, изъ-за стѣнъ незнакомой ему свяшой обители, показывается восходящее солнце.... Она оляетъ возлѣ него; на правой рукѣ ея блискаетъ обручальный перстенъ.... Со взоромъ, исполненнымъ неизъяснимой нѣжности, она говоритъ ему:

«Радость дней моихъ! Ненаглядной мой! посмотри! видишь ли, какъ восходишь солнце Русское?... Скоро, скоро заблесташь въ яркихъ лучахъ его наша милая родина. Смотри! вопль гонимъ оно оспашки грозныхъ пучь, копорья вдали, какъ гробовой покровъ, чернѣюща на западъ....» Но вдругъ Юрій снова видитъ Польскихъ воиновъ, снова слышитъ вопли опчаянія.... Она опять исчезла и онъ одинъ, какъ горькой сирота, скипашь по опустѣлымъ улицамъ Московскимъ, или въ мучительной шоскъ сидитъ среди пирующихъ враговъ и слышитъ, съ ужасомъ, громкія восклицанія: «Да здравствуетъ Сигизмундъ, Король Польскій и Царь Русскій!»

Г Л А В А VIII.

Межь шѣмъ, пока Юрій спитъ и обманчивыя сновидѣнія попеременно то терзающъ, то услаждающъ его душу, мы должны возвратиться къ новобрачнымъ, которыхъ оставили посреди улицы. Чисапели вѣроятно не забыли, что Кирша вмѣшался въ толпу госпей, а Кудимычъ шелъ впереди всего поѣзда. Толпа народа, провожавшая молодыхъ, ежеминутно увеличивалась: шарики, женщины и дѣши выбѣгали изъ хижинъ; на всѣхъ лицахъ изображалось неперпѣливое ожиданіе; полуодѣшые босые ребяпишки, дрожа отъ страха и холода, забѣгали впередъ и робко поспрашивали на колдуна, который, приближаясь къ дому новобрачныхъ, оспа-

навливался на каждомъ шагу и сморчалъ внимательнѣе кругомъ себя, показывая примѣшное безпокойство. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до ворошъ избы, онъ вдругъ остановился, задрожалъ и, оборотясь назадъ, закричалъ дикимъ голосомъ: »Стойте, ребята! Никто ни съ мѣста!» Глухой шопотъ пробѣжалъ по толпѣ; передніе спали пѣшишься назадъ, задніе ползли впередъ; слѣдуя народной пословицѣ: на людяхъ и смерть красна;—каждый прижимался къ своему сосѣду, и не сморчалъ на ужасную шѣснопу, одинъ Кирша вышелъ впередъ.—

Межъ шѣмъ Кудимычъ дѣлалъ необычайныя усилія, чшобъ подойти къ ворошамъ; казалось, какая-то невидимая сила плнула его назадъ и каждой разъ, какъ онъ подымалъ ногу, чшобъ перешагнуть черезъ подворошню, его отбрасывало на нѣсколько шаговъ; пошъ градомъ капился съ его лица. Наконецъ, послѣ многихъ щепныхъ усилій, онъ, за-

дыхаясь, повалился на землю, и прохрипѣлъ едва вяпнымъ голосомъ: »Охъ, неловко!... Неладно, ребята!... Чуръ. меня, чуръ!... Никшо не могли прогашься съ мѣста!... Охъ, башюшки! недаровое! бышь бѣдь!« Опъ сихъ ужасныхъ словъ шарахнулась вся шолпа, у многихъ волосы спали дыбомъ, а молодая, почти безъ чувствъ, упала на руки къ своему опцу, кошорый самъ прясся и дрожалъ, какъ въ злой лихорадкѣ.—Чшо намъ дѣлашь? спросилъ Дьякъ, заикаясь опъ спрахъ. »Погоди! дай попышаюсь еще, опвѣчалъ Кудимычъ, приподнимаясь съ трудомъ на ноги.« Онъ пробормошалъ нѣсколько невнятныхъ словъ; дунулъ на всѣ чешыре спороны и вдругъ съ разбѣга перепрыгнулъ черезъ подворошню. »Ну, шеперь небойшесь ничего! закричалъ онъ. Наша взяла! Всѣ за мной!« Онъ нѣсколько разъ долженъ былъ повпорить сіе приглашеніе, прежде чѣмъ молодые, родня и гости рѣшились за нимъ слѣдовать; на-

конецъ примѣръ Кириши, который, по первому призыву, взошолъ на дворъ, подѣйствоваль надъ всѣми. Кудимычъ, подойдя къ дверямъ избы, остановился и, когда сѣни наполнились людьми, то онъ, оборотясь назадъ, сказалъ: «я взойду послѣдней, а вы спускайтесь впередъ и посмотрите, какъ раздѣляюсь при васъ съ этой шарою вѣдьмой.»

Тутъ снова начались церемоніи: Прикащикъ предлагаль Дьяку идти впередъ, Дьякъ уступаль эту честь Прикащику. — Помилуй, бабкашка, сказалъ наконецъ послѣдней, я здѣсь хозяинъ въ дому, а ты госпъ: такъ милости просимъ!—

— Ни, ни, Фома Кондрашъичъ! опвѣчалъ Дьякъ. Ты первый служебникъ боярской, и не пригоже мнѣ, какъ фальшеру и прокуралу, не отдавашъ подобающей тебѣ чести. —

— Ну, если такъ; пожалуй я взойду, сказалъ Прикащикъ, въ которомъ ушѣщенное самолюбіе побѣдило на

минушу весь спрахъ. Онъ перекре-
спился, шагнулъ черезъ порогъ и
вдругъ, ошкоча съ ужасомъ, закри-
чалъ:—чуръ меня, чуръ! Тамъ кпо-шо
нашопшываешъ.... иди кпо хочешъ, а
я ни за чпо не пойду.—

— Пустите меня, сказалъ Кирша; я
неробкаго десяшка и никакой кол-
дуньи не испугаюсь.—

— Спупай, молодецъ, спупай! за-
кричали многіе изъ госпей.

— Пускай идепъ, шепнулъ Прика-
щикъ Дьяку. Надъ нимъ бы и пряслось!
эшо какой-шо прохожей, такъ неве-
лика бѣда!—

Межъ шѣмъ Кирша взошелъ, и ра-
сположился преспокойно въ переднемъ
углу. Когда Прикащикъ, а за нимъ мо-
лодые и вся свадебная компанія пе-
ребралась по немногу въ избу: шо всѣ
взоры обратились на уродливую спа-
руху, кошорая, сидя на полапяхъ, по-
качивалась изъ спороны въ спорону
и шепшала какія-шо варварскія слова.
Кирша замѣшилъ на полу, подъ самы-

ми полами, нѣсколько сноповъ соломѣ, какъ будто безъ намѣренія брошенныхъ, которые пошъ часъ нацѣлили ему, чѣмъ должна кончиться вся комедія.

— Ну, теперь садись въ по лавкамъ, закричалъ изъ сѣней Кудимычъ. Да, сидишь смирно! никто не шевелится!—Едва приказъ его былъ исполненъ, какъ онъ съ одного скачка очутился посреди избы, и въ то же время шаруха, съ дикимъ воплемъ, спрямлявъ спину съ полатей и распянулась на соломѣ. Всѣ присущивующіе, выключая Кириши, вскрикнули опять удивленія и ужаса.

— Чшо, Григорьевна! будешь ли напредки со мною схватываться? сказалъ шоржественно Кудимычъ.

— Виновата, виновата! завизжала шаруха.

— Ага! покорилась, старая вѣдьма!—

— Виновата, опецъ мой! виновата.—

—То-шо виновапа! знай сверчокъ свой шеспокъ.

—Виновапа, Архинъ Кудимовичъ!—

—Ну, такъ и бышь! повинную голову и мечъ не сѣчешъ; яжъ человекъ незлой и лиха не помню;—добро! вспавай, Григорьевна! миръ, такъ миръ. Дайше-ка ей чарку вина!—Посади ее за столъ, да угоспи хорошенько, продолжалъ Кудимычъ въ полголоса, обращаясь къ Прикащику; не надо съ ней ссориться; не ровень часъ, меня не случится.... да, что грѣха шаипь! и я насилу съ ней справился — сильна, проклятая!—

—Милоспи просимъ, мапушка, Пелагея Григорьевна! сказалъ привѣпливо хозяинъ. Садись-ка вопъ здѣсь, возлѣ Кудимыча. Да, скажи пожалуйста, за что такая немилоспъ? мы, кажись, всегда въ ладу живали.—

—Нѣтъ, бапюшка! опвѣчала съ низкимъ поклономъ спаруха. Прошивъ тебя у меня никакого умысла не было; а правду сказапъ, хошѣлось по-

шагаешься съ Архипомъ Кудимовичемъ.—

— Да, видно не подь силу пришелъ! перерваль, усмѣхаясь, колдунъ. Впередь наука; не спросясь броду, не бросайся въ воду. Ну, да чшо объ эпомъ полковашь! кшо спарое вспомянешь, шому глазъ вонь! Теперь рѣчь не о шомъ,—пора за хозяйской хлѣбъ и соль принимашься.—

Въ одну минушу весь споль покрылся разными похлебками: сначала всѣ ѣли молча; но дружки шакъ усердно пошчивали госпей виномъ и брагою, чшо вскорѣ всѣ языки пришли въ движеніе и общій разговоръ шановидся часъ опъ часу шумнѣе. Одинъ Кирша молчалъ; многимъ изъ госпей и самому хозяину, казалось весьма чуднымъ поведеніе незнакомца, кошорый, не будучи приглашенъ на свашьбу, занялъ первое мѣсто, ѣлъ за двоихъ, и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова; но самое эшо равнодушіе, воиншвенный видъ, а болѣе всего смѣлосшь,

имъ оказанная, внушали къ нему во всёхъ присуществующихъ какое-то невольное уваженіе; всё посямшривали на него съ любопытствомъ; но никто не рѣшался съ нимъ заговорить.

Въ числѣ господей была одна пожилая сѣнная дѣвушка, которая, пощепшавъ съ хозяиномъ, обратилась къ Кудимычу и спросила его:—не можешъ ли онъ пособить ея горю?—

— Не равно горе, манушка, Тапьяна Ивановна! отвѣчалъ Кудимычъ, котораго нѣсколько чарокъ вина развеселили порядкомъ.— Если ты попрошишь, чшобъ я убавить тебѣ годковъ пяпокъ, шакъ—воля швоя—не могу.—

— Вошъ еще чшо вздумалъ! сказала сѣнная дѣвушка съ досадою. Развѣ я переспарокъ какой! Не о шомъ рѣчь, Кудимычъ! на боярскомъ дворѣ сдѣлалась пропажа.—

— Ужъ не коня ли свели?—

— Нѣшъ! красна пропали. Вчера я сама ихъ видѣла, они бѣлились на боярскомъ огородѣ; а сегодня сгнули,

да пропали; ночью была погода, шакъ и слѣду не оспалось; не знаемъ, на кого подумашь.—

— Чшо! видно безъ меня дѣло не обойдешся?

— То-шо и ешь, Архипъ Кудимовичъ! выкупи изъ бѣды, родимой! Вѣдь я за нихъ въ опвѣпѣ.—

— Пожалуй, я не прочь!... Иль нѣпѣ! пускай на мировой вся чеспѣ Григорьевнѣ. Ну-ка, родная! покажи свою удаль!—

— Смѣю ли я при тебѣ, Архипъ Кудимовичъ! опвѣчала смиренно Григорьевна.

— Полно ломашься-шо, голубушка! я ужь порабощаль, теперь очередь за тобою.—

— Ну, если ты велишь, родимой, шакъ дѣлашь нечего. Подайше мнѣ ковшѣ воды!—

При самомъ началѣ сего разговора, глубокая тишина распространилась по всей избѣ: говоруны замолкли, дружки унялись пошчивашь, голодные

переспали ѣспь; одинъ Кирша, не обращая ни малѣйшаго вниманія на колдуна и колдунью, ѣль и пиль по прежнему. Григорьевнѣ подали ковшикъ съ водой. Пошепшавъ надъ нимъ нѣсколько минушь, она начала приспально смопрѣшь на поверхность воды.—Ахъ, бапюшки—свѣпны! сказала она наконецъ, покачавъ головою. Кипо бы могъ подумашь?... мужикъ богатой, семейной, а пуспидея на шакое дѣло!...

—Когожъ пы видишь?.... спросилъ съ нешерпѣнїемъ Прикащикъ. Говори!

—Нѣпъ, бапюшка, не могу! жалъ вымолвишь; на вопъ, смопри самъ!—

—Я ничего не вижу, сказалъ Прикащикъ, посмопрѣвъ на воду.—

—А видишь ли пы, гдѣ болрскія красна? спросила стѣнная дѣвушка.—

—Вижу, опвѣчала Григорьевна, онѣ въ овинѣ, на гумнѣ у Федьки Хомяка.—

—Такъ это онѣ? вскричалъ Прикащикъ: шѣмъ лучше! Я ужъ давно до

него добираться; шерсть не могу
зашаго наина! Сущей разбойникъ, и пе-
редъ моимъ писаремъ шапки не до-
маеть!... Ей, ребята! сбѣгай кто ни-
будь на гумно къ Хомяку!—

Одинъ изъ дружекъ вышелъ поспѣш-
но изъ избы.—

— Ну, Григорьевна! я не ожидалъ
ошь себя шакой прыщи, сказалъ Ку-
димычь; кошъ бы мнѣ, шакъ въ пору.
Точно, шочно! прибавилъ онъ, по-
смопрѣвъ на ковшъ съ водою. Красна
укралъ Федька Хомякъ и они шеперь
у него запряшаны въ овинѣ.—

— Вы лжете оба! закричалъ гро-
мовымъ голосомъ Кирша. Кудимычь
вздрыгнулъ, Григорьевна поблѣднѣла
и всѣ взоры обрашались на Запорож-
ца.—Я васъ выучу колдовать, не год-
ные! продолжалъ Кирша.—Вы говори-
те, что красна въ овинѣ у Федьки
Хомяка?—

— Ну, да! сказалъ Кудимычь, опра-
влясь ошь перваго замѣшательства.

Чшо ты лучше моего чшоль эпо знаешь?—

—Видно, лучше. Ихъ шамъ нѣшь.—

—Какъ нѣшь? вскричала Григорьевна.

—Да, голубушка! опвѣчалъ спокойно Кирша.—Не за свое ремесло ты принялась, да и за вывучку больно дешево плапишь. Нѣшь, шѣшка, однимъ шпофомъ наливки и пирогомъ не опдѣлаешься.—

Опъ сихъ неожиданныхъ словъ, Кудимычъ и Григорьевна едва усидѣли на лавкѣ; ихъ страхъ удвоился, когда вошедшій дружка объявилъ, чшо не нашель красенъ въ показанномъ мѣспѣ.

—Да гдѣжь онѣ? спросила шоропливо сѣнная дѣвушка.

—Небось, найдушся, сказалъ Кирша. Пошлише кого нибудь разрышь снѣгъ на задахъ, подлѣ самой часовни.—

Нѣсколько госпей, не ожидая приказанія хозяина, побѣжали вонъ изъ избы.—

— Послушай, господинъ Прикащикъ! продолжалъ Кирша; не грѣши на Федьку Хомяка, онъ ни въ чемъ не виноватъ; не правда ли, Кудимычъ?... Ну, чтожъ ты молчишь? Ты знаешь, что не онъ укралъ красна.—

Несчастный колдунъ сидѣлъ неподвижно, какъ испуканъ, поглядывалъ съ ужасомъ на Киршу и не могъ выговорить ни слова.

— Еге, братъ! шакъ ты вздумалъ опмалчиваться! закричалъ Запорожецъ. Да, вопъ посшой, любезный! я тебѣ язычекъ развяжу! подайше-ка мнѣ рѣшепо, да кочанъ капусты: у меня и самъ воръ заговорить!—

Кудимычъ запряся, какъ осиновою листвѣ. — Помилуй! прошепталъ онъ пренеющимъ голосомъ.—Твой верхъ! покаряюсь!—

— Что, братъ! жушко пришло!

— Не губи меня, окаяннаго!—

— А ты развѣ не хотѣлъ погубить Федьку Хомяка! Нѣтъ, нѣтъ!... давайте рѣшепо!—

— Пустни душу на покаяніе! продолжалъ Кудимычъ, повалясь въ ноги къ Запорожцу.... Не зарѣжь безъ ножа!— Да, кланяйся, дура! шепнулъ онъ Григорьевнѣ, кошорая также упала на колѣна передъ Киршею.

— И слушаешь не хочу! отвѣчалъ Запорожець. Нѣтъ вамъ милосши, негодные!.. Ну, чтожь спали! подавайте кочанъ капусташъ!—

— Помилуй! завопилъ Кудимычъ. Зарокъ тебѣ даю, родимой! въкъ не спану колдовашь.—

— Полно не будешь ли?—

— Видишь Богъ, не буду!—

— И другихъ не спанешь учишь?—

— Не спану, бапюшка!—

— Ну, шакъ и бышь! пусшь на сватьбѣ никто не горюешь. Богъ тебѣ проспишь! шолько впередъ не за свое дѣло не берись и знай, кошъ меня здѣсь и не будетъ,—но если я провѣдаю, что ты опяшь ворожишь: шо у тебѣ шопъ же часъ языкъ опшмешся.—

Въ продолженіи сей спранный сце-

ны удивленіе присушествующихъ дошло до высочайшей степени: они видѣли ужасъ Кудимыча, но никакъ не понималъ наспоющей причины онаго. — Что это значитъ? спросилъ наконецъ Дьякъ Прикащика.

— Какъ что! развѣ не видишь? дока на доку нашель.—

— Вошь что! Ну, Фома Кондрашничъ! мудренъ эшомъ прохожей. Смопри-ка, смопри! вонъ и холспъ несупъ.—

Свинная дѣвушка съ радостнымъ крикомъ схватила холспъ, который внесли въ избу.— Слава тебѣ, Господи! сказала она, осмопрѣвъ всѣ куски.— Цѣлехонекъ!... побѣгу къ Власьевнѣ и обрадую ее; а шо мы не знали, какъ и доложипъ объ эшомъ Боярину.—

— Чегожъ вы дожидаетесь? спросилъ Кирша Кудимыча и Григорьевну. Я васъ просилъ, шакъ убирайтесь вонъ! Чшобъ и духу вашего здѣсь не пахло!—

Приспѣженный колдунъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ вонъ изъ избы; но Григорьевна, наклонясь къ

Киршѣ , сказала въ полголоса: — не погнѣвайся, отецъ мой! я вижу, Кудимычъ ꙗкохой знахарь: вошь елибѣ швоя милоспѣ взялъ меня на выучку....

— Молчи, старая дура! закричалъ Кирша. Пошла вонъ! а не то у меня опять полешпишь съ полашей, да шолько солому-то я велю прибрашь. —

Григорьевна, не смѣя продолжашъ разговора съ грознымъ незнакомцемъ, опшвѣсила низкой поклонъ всей компаніи и побрела въ слѣдъ за Кудимычемъ.

— А позволъ спросишь швоей милоспи — имени и опчеспва не знаю, сказалъ Прикащикъ Запорожцу: опкуда изволишь идпи и куда? —

— Издалека , доброй человекъ ; а иду шуда, куда Богъ приведетъ. —

— По всему видно , что ты пушемъ пошашался на бѣломъ свѣпѣ. —

— Да! и шакъ пошашался , что по-ра бы на покой. —

— А что, господинъ честной, вѣрно ты за моремъ набрался шакой премудрости? —

— Бывалъ и за моремъ; всего на-шерпѣлся и у бесурмановъ былъ въ полону. —

— Ой ли? гдѣжь эпо? Чай, далеко опсюда? —

— Далеконько.. за Хвалынскимъ моремъ. —

— Гдѣжь эпо? за Казанью чполь? —

— Нѣшъ, по далѣе; за Астраханью. —

— Что, ваша милость, какова шамъ земля? не ужъ ли-шо Господь Богъ также благодать свою посылаетъ и на эпошъ поганой народъ, какъ и на насъ православныхъ? —

— Видно что такъ; знашная земля! всего довольно: и серебра, и золопа, и самоцвѣшныхъ камней, и всякаго съшснаго. Зимой шолько Богъ ихъ обидѣлъ. —

— Какъ шакъ? да не ужъ ли-шо у нихъ вовсе зимы нѣшъ? —

— Ни снѣгу нейдесть, ни вода не мерзнетъ.—

— Ахъ, бапюшки—свѣпы! вскричалъ Прикащикъ, всплеснувъ руками.— Эка диковинка! Вовсе нѣтъ зимы! Подлинно Божье наказанье! Да, по дѣломъ имъ, бесурманамъ!—

— Эхъ, Фома Кандрапъичъ! шепнулъ Дьякъ Прикащику.— Да развѣ не видишь, что онъ издѣвается надъ нами!—

— Поразскажи-ка намъ, добрый чело-вѣкъ, сказалъ одинъ изъ госней, что шамъ еще диковиннаго естъ?—

— Пожалуй! да вошь, еслибъ здѣсь нашлась чарка другая романей, шакъ веселѣй бы рассказывашъ.—

— Для дорогаго госпя какъ не най-дши, сказалъ Прикащикъ. Ей, Марфа! вынь-ка шамъ изъ поставца, съ вер-хней полки, спклянку съ романею.— Да, смолри, прибавилъ онъ по шихоньку, подай шу, что сполшъ на право: она ужъ почаша.—

Романею подали, госпи придвину-лись поближе къ Запорожцу; кошо

рый, выпивъ за здоровье молодыхъ, принялся рассказывать всякую всячину: о бесурманской вѣрѣ Персіанъ, объ Араратской горѣ, о сшепяхъ непроходимыхъ, о золопомъ пескѣ, о медовыхъ рѣкахъ, о слонахъ и верблюдахъ; мешалъ правду съ небылицами, и до того занялъ хозяина и госпѣй своими разсказами, что никшо не замѣнилъ вошедшаго слугу, который, перетоворя съ работницею, Марфою, подошелъ къ Киршѣ, и поклонясь ему ласково, объявилъ, что его шребуютъ на боярской дворѣ.—

Г Л А В А IX.

Мы попросимъ шеперь чинапелей послѣдовашь за нами во внушренность перема Боярской дочери, Анастасьи Тимофеевны. Занимаемая ею половина состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ. Вокругъ ничѣмъ не обитыхъ стѣнъ первой, на широкихъ лавкахъ, сидѣли за пряжею дворовыя дѣвушки; глубокая тишина, наблюдаемая въ семь покоѣ, прерывалась только изрѣдка шихимъ шопшомъ двухъ сосѣдокъ, или спухомъ верешена, падающаго на полъ. Вторая комната была вся обита краснымъ сукномъ; въ правомъ углу стоялъ раззолоченной кивотъ съ иконами, въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ; нѣ-

сколько огромныхъ, обильныхъ жемчужно сундуковъ, съ приданнымъ и нарядами Боярышши, занимали всю лѣвую сторону покоя; въ одномъ простѣнкѣ висѣло четверугольное зеркало въ узорчатыхъ рамкахъ и шипое золотою и шелками долопенцо. Прямо противъ дверей спояла высокая кровать съ шпофнымъ пологомъ; кругомъ ея на небольшихъ скамейкахъ сидѣла Власьева и нѣсколько ближнихъ сѣнныхъ дѣвушекъ; однѣ перенизывали дорогія монисты (*) изъ крупныхъ бурмишскихъ зеренъ, другія разноцвѣтными шелками и золотомъ вышивали въ пальцахъ. На ихъ румяныхъ лицахъ цвѣла молодость, краса и здоровье; но веселость не оживляла ясныхъ очей ихъ. Упирая украдкою слезы, онѣ посмащивали печально на молодую госпожу свою, копорая, облокотясь правой рукой на изголовье, была погружена въ глубо-

---

(*) Ожерелья.

кую задумчивость. Краса садовъ, пышная роза, и увядая, прекраснѣе свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ; такъ точно, несмотря на изнурительную болѣзнь, дочь Боярская казалась прекраснѣе всѣхъ ея окружающихъ дѣвицъ. Изрѣдка грустная улыбка, напоминающая прелестное сравненіе одного Русскаго стихотворца:

Улыбка горести подобна

На гробѣ положеннымъ цвѣтамъ—

появлялась на розовыхъ устахъ ея. Воспочный жемчугъ, коимъ украшены были ея блестящія зарукавья, и бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало не прерывающими бѣлизною ея блѣднаго лица, на которомъ ясно изображались слѣды непрерывныхъ душевныхъ страданій. Казалось, въ ея попухшихъ, неподвижныхъ взорахъ можно было сосчитать все ночи, проведенныя безъ сна въ терзаніяхъ мучительной пощени, понятной только для тѣхъ, кои, подобно ей, страдали, не разделяя ни съ кѣмъ своей горести. Богачій

парчевый онашенъ (*), небрежно накинутый сверхъ легкой объяринной фериази (*); широкая золопая лента съ жемчужной подвязью, большія изумрудныя серги, драгоцѣнныя зарукавья—однимъ словомъ: весь пышный нарядъ ея представлялъ разительную прошивуположность съ видомъ глубокаго унынія, которое изображалось во всѣхъ чертахъ лица ея.

—Ну, чпожь ты молчишь, Терентъичъ! сказала Власьевна, оборотясь къ дверямъ, подлѣ копорыхъ стоялъ слѣпой спарикъ, въ поношенномъ синемъ кафтанѣ.—Видишь, Боярышня призадумалась; начини другую сказку, да, смопри! повеселѣ.—

—Слушаю, машушка, Аграфена Власьевна; опвѣчалъ слѣпой съ низкимъ

(*) Женское верхнее платье, съ длинными висящими до земли рукавами и большимъ капшономъ —

(**) Женская фериазь, платье одинаковаго пошиба покроя съ пышными сарафанами.

поклономъ.—Да, кажись, и ша, что я рассказывалъ....

—И полно, башюшка! что въ ней хорошаго! »Царевна полюбила добраго молодца, злые люди ихъ разлучили.... а шамь змѣй Горыничъ унесъ ее за шридевяшь земель, въ шридесятое государство, и она, бѣдная сиротинка, безъ милаго дружка и безъ кровныхъ, зачахла съ шоски и кручины...« ну, что шущь веселаго! —

—Изъ сказки слова не выкинешь, машушка, Аграфена Власьевна. —

—Вошь шо-шо и ешь; расскажи другую.—

—Въ угоду ли вамъ будешь повѣсть о славномъ Князѣ, Владимірѣ—Кіевскомъ Солнышкѣ, Всеславѣ и о сильномъ его могучемъ богатырѣ, Добрынѣ Никишичѣ? —

—Ну, ну! рассказывай! мы послушаемъ.—

Слѣпой рассказчикъ, разгладилъ свою бороду, выправилъ усы и началъ:

—Не вихри, не вѣтры въ поляхъ

поднимающся, не буйные крупящъ
 пыль черную: выѣзжаешъ по силь-
 ный могучей богатырь, Добрыня Ни-
 кишичь, на своемъ конѣ богатыр-
 скомъ, съ однимъ Торопомъ слугой;
 на немъ доспѣхи рашные, какъ сол-
 нышко, горящъ; на серебряной цѣпи
 виситъ мечъ-кладенецъ въ полпора-
 спа пудъ; во правой рукѣ копые бу-
 лашное, на конѣ збруя красна золо-
 ша. Онъ подѣзжаешъ ко святому гра-
 ду, Кіеву — глядишь: въ заповѣдныхъ
 дугахъ Княженецкихъ раскинушы
 шапры бесурманскіе, несмѣшно вой-
 ско облегаешъ спѣны Кіевскія. Завидя
 силу поганую, могучей Добрыня вскри-
 киваешъ богатырскимъ голосомъ, за-
 свисываешъ молодецкимъ посви-
 стомъ. Онъ пого ли посвиспу сырѣ-
 боръ преклоняешся и листъ съ де-
 ревьевъ осыпаешся; онъ бѣешъ коня
 по крупымъ ребрамъ, богатырской
 конь разъяраешся, мечешъ изъ-подъ
 копыщъ по сѣнной копнѣ; бѣжитъ въ
 поля, земля дрожитъ; изъ рша пламя

пыщешъ, изъ ноздрей дымъ сполбомъ. Богашыръ гонишь силу поганую: гдѣ конемъ вернешъ, тамо улица; гдѣ копьемъ махнешъ—съ переулками; гдѣ мечемъ рубнешъ, нѣшу тысячи....

—Довольно! будетъ, Тереншъичъ! перервала шихимъ голосомъ прекрасная Анастасья.—Ты ужъ успалъ. Мамушка! Вели дашь ему чарку водки!—

—Да, выслушай, родная! сказала Власьевна. Моженъ спашься, онъ и поразвеселишь тебѣ.—

—Нѣшь, мамушка! меня ничпо не развеселишь.—

—Ну, власшь пшоя, сударыня! Спшупай, Тереншъичъ! Ей, вы, красныя дѣвицы! сведише его внизъ! вѣдь онъ пожалуй съ слѣпу-ша разшибеися. Ну, мамушка, Анастасья Тимофѣевна! продолжала она; ужъ я право и не придумаю, чпо съ шобою дѣлашь! Не позовашь ли Афоньку, дурака?—

—Ахъ, нѣшь! не надобно!—

—Семъ—кликнешъ, родная! да позовемъ дуру, Мапрешку; они поболша-

юпъ, побраняшся межъ собой; а чшобъ распошѣшить шебя, шакъ пожалуй и подерупся, мамушка.—

—За чѣмъ шы меня сегодня нарядила, мамушка? сказала со вздохомъ Анаспасья.—Миѣ и безъ нарядовъ шакъ шяжело!... шакъ пошно!...

—И, свѣшникъ мой! да, какъ же шебѣ сегодня не бышь нарядною! Авось Богъ поможешъ намъ внизъ сойдши. Вѣдь у башюшки швоего сегодня пиръ горой: какой-шо большой Польской Панъ будешъ.—

—Какой Панъ?... опкуда? вскричала Анаспасья.

—Чегожъ шы испугалась, родимая? Ну, шакъ и ешъ! шы вѣрно подумала.... вопшь шо-шо и бѣда! Панъ, да не пошь.—

—Слава Богу!—

—Охъ, вы дѣвушки, дѣвушки! Всѣшо вы на одну спашъ! Не онъ, шакъ слава Богу! а ешлибъ онъ: шакъ и нарядовъ бы у насъ не доспало! Нѣшъ, мамушка! сегодня будешъ какой-шо

Панъ Тишкевичъ; а опъ жениха швоего, Пана Гонсѣвскаго, присланъ изъ Москвы гонецъ. Ужъ не сюда ли онъ собираешся, чпобъ обвѣнчашся съ шобою? Нечего сказашь: пора бы чеспнымъ диркомъ, да за свадебку... Чпо пы, чпо пы, родная! Хриспосъ съ шобой! Чпо съ шобой сдѣлалось? На тебѣ вовсе лица нѣшь!—

—Ничего, мамушка! пройдетъ!... Все пройдетъ!... прошепшала Анастасья едва слышнымъ голосомъ. — Только, Бога ради! не говори мнѣ о Панѣ Гонсѣвскомъ.—

— Не говоришь о швоемъ суженомъ? Охъ, дидяшко, не хорошо! Я ужъ давно замѣчаю, чпо пы эшаго не жалуешь.... Не ужъ ли-шо въ самомъ дѣлѣ.... да, нѣшь! гдѣ слыхано идши пропивъ опцевской воли! Да и дѣвичье ли дѣло браковашъ жениховъ! Нѣшь, родимая! у насъ, благодаря Бога, не шакъ, какъ за моремъ: невѣспы сами жениховъ не выбираюшъ; за кого благословяшъ родишели, за того и спу-

пай! поживешь, Боярышня, за мужем, шакъ самой слобисся. —

— Нѣтъ, мамушка! Не жилица я на эпомъ свѣпъ.—

— И, полно, мамушка! шеперь-шо тебѣ и пожипъ. Женихъ швой знашнаго рода, въ славѣ и чеспи; не нашей вѣры—шакъ чшожъ! Прежней Папріархъ, Гермогенъ не хопѣлъ васъ благословишь; но за шо шеперешней, свяшѣйшій Игнашій и грамошу написалъ къ швоему бапюшкѣ, что онъ разрѣшаешъ тебѣ идпи съ нимъ подъ вѣнецъ. Такъ о чемъ же тебѣ груспишь? —

— А развѣ шы знаешъ, что онъ пришелъ мнѣ посердцу?... что я люблю его? —

— И, что шы, родимая! Какъ не любишь! мало ли онъ дарилъ тебя и жемчугомъ и золопомъ и дорогими парчами! и меня спаруху вспомнилъ. Легколь, подумаешъ! опсыпалъ мнѣ, голубчикъ, пшпъдесяпъ золопыхъ ко- рабленниковъ (5), да на шри шѣло-

грѣи заморскаго шпофа подарилъ. И
эпаконъ суженой шебѣ не любь! Эхъ,
машушка, Анастасья Тимофѣевна! не
гнѣви Господа Бога! И что въ немъ
охаишь можно? Собою молодець: ша-
кой дородный, осанисшой! Ну, право,
сродясь лучше не видала, развѣ шоль-
ко.... и шо на врьдѣ—вошь шонъ мо-
лодой баринъ, что къ Спасу на Бору къ
обѣднѣ ходилъ—помнишь?... шакой еще
богомольный; всегда бывало придетъ
прежде насъ и спанешъ у лѣваго
клироса.... Что, Боярышня, повеселѣй
спала! шѣ-шо же! слушайся насъ спа-
рухъ! Самой будешъ радосшно, какъ на
твоего муженька спанушь всѣ засман-
ривашься.... Ну, вошь опяшь нахму-
рилась! О, охъ, родимая! Обошеть шебя
дурной человекъ!.. Да, вошь посмоп-
римъ, что-шо Богъ дастъ сегодня!—

— Анюша! сказала Анастасья одной
молодой и прекрасной дѣвушкѣ, ко-
шорая ближе всѣхъ къ ней сидѣла.
— Спой эту пѣсню, ... ты знаешь....
ту, что я шакъ люблю.—

Анюша, не переставая вышиваясь
въ пальцахъ, запѣла пихимъ, но весь-
ма приащнымъ голосомъ:

— Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ!
Ты не жги свѣчи воска яраго...
Ты не жди меня до полуночи!

* * *

Ахъ! прошли, прошли
Наши красны дни;
Наши радости
Буйной встрѣчь унесъ!—
Мнѣ отецъ родной
И родная мать
Подъ вѣнецъ идши
Не съ тобой велятъ.—
Не горятъ въ небесахъ
По два солнышка—
Не любить двухъ разовъ
Добру молодцу!...
Я послушаюсь
Опца, матерь;
Подъ вѣнецъ пойду
Не съ тобой, душа!...
Обвѣчаюсь
Я съ иной женой,
Я съ иной женой—
Съ смертью раннею!...

* * *

Не ручей журчишь,
 Не рѣка шумишь;
 Льются слезы
 Красной дѣвицы.
 Во слезахъ она
 Слово молвила:
 Ахъ ты, милой мой!
 Ты сердечной другъ!
 Не жилища я
 На блѣдомъ свѣту!...
 Нытъ у горлянки
 Двухъ голубчиковъ—
 Нытъ у дѣвицы
 Милыхъ двухъ дружковъ!...

* * *

Не сидишь она поздно вечеромъ,
 А горишь свѣча коску яраго;
 На сномъ стоишь новъ, тесовой гробъ—
 Во гробу лежишь красна дѣвица!

— Переспань, Аннушка! сказала Власьевна. Ты и на здороваго человѣка шоску нагонишь. Чшо это! Прости Господи! словно панихиду поешь!—

Тупъ взошла одна пожилая женщина и шепнула ей чшо-шо на ухо.—Хорошо, хорошо! отвѣчала Власьевна. Скажи ему, чшобъ онъ подождать. Ана-

спасья Тимофѣевна! продолжала она; знаешь ли что, мамушка! у насъ на селѣ шеперь естъ прохожей, про котораго и нивѣсшь что разеказываюшь. Ужь Кудимычь ли нашъ не мудренъ, да и шощъ передъ нимъ язычекъ прикусиль.—Позволь ему, сударыня, словечка два съ шобою перемолвишь! да, полно же, родная, головкою мошашь! Прикажи ему взойдши.—

—За чѣмъ, мамушка! на что!—

—А на шо, моя радость, что если онъ подлинно человекъ досужей, шо и швоей болѣзни поможешь.—

—Моей болѣзни!... нѣшь, мамушка! мнѣ поможешь одна смершь.—

—И, полно, Боярышня! спозаранкамъ умирашь собираешься! Ну, что, родная! не кликнушь ли его?—

—Не надобно.—

—Послушай, Анаспасья Тимофѣевна! Вѣдь государь швой бапюшка извоилъ приказашь: шакъ—власшь швоя сударыня, ослушашься не смѣю.—

— О! если бапюшкѣ угодно... шаяъ позови!—

Двери отворились и нашъ знакомецъ, Кириша вошелъ въ комнату. Поклонясь на всѣ чешыре стороны, онъ остановился у порога.

— Милоспи просимъ! сказала Власъевна. Въ доброй часъ! Милоспи просимъ!... Вошь наша больная!—

— Вижу, бабушка, отвѣчалъ Кириша, бросивъ быспрый взглядъ на Анаспасью.— Вижу. Гмъ, гмъ!—

— Ну, что ты скажешь, ошець мой?—

— Что, я скажу?... Гмъ, гмъ!—

— Ахни! что это, бапюшка, ты мычашь изволишь? ужъ къ добру ли?—

— А вошь, посмошримъ. Мнѣ надобно съ вашей Боярышней словца два перемолвишь; да шакъ, чшобъ никшо не слыхаль.—

— Какъ! чшобъ никшо не слыхаль?—

— Да, да! Ворожбъ шакъ надобно. Спаньше-ка всѣ поодаль.—

— Не лъзя ли хопъ мнѣ?...—

— Нѣтъ, бабушка, ни кому.—

— Ну, ну! бышь по своему. Вспавайте, дѣвушки! опойдемъ-ше къ дверямъ.—

Кирша подошелъ къ Анастасьи и попросилъ ея показать ему правую руку. Нѣхотя и съ примѣтнымъ отвращеніемъ она исполнила его желаніе. Кирша, посмопрѣвъ приспально на ладонь, сказалъ въ полголоса:— Анастасья Тимофѣевна! я долженъ объявить правду: шебя сглазили.—

Больная взглянула съ презрѣніемъ на Запорожца и отворошила.

— Да, да, Боярышня! повторишь важно Кирша. Тебя точно сглазили, голубые глаза одного русоволосаго молодца. Болѣзнь швоя, вошь пушь! въ сердць.—

Блѣдныя щеки больной вспыхнули; она взглянула недовѣрчиво на Киршу, хотѣла что-то сказать; но слова замерли на устахъ ея.

— Ты нынѣшней зимой, продолжалъ Запорожець, въ первый разъ встрѣтилась съ нимъ въ Москвѣ.—

Анастасья вздрогнула, кинула робкой взглядъ вокругъ себя и успремила удивленные взоры на Киршу, кошорый послѣ минушнаго молчанія прибавилъ весьма шихо:— ты видала его почти каждый день въ Соборной церкви.... кажешся.... шочно шакъ! у Спаса на Бору.—

Больная, опдернувъ шоропливо свою руку, вскрикнула ошъ ужаса.

— Чшо ты, Анастасья Тимофѣевна! спросила Власьевна, подбѣжавъ къ кровати. Чшо съ шобою дѣлается? —

— Ничего, опшвѣчала Анастасья. Опшойди, мамушка, опшойди! —

— Если ты еще хопь разъ подойдешь, спаруха: шо испорнишь все дѣло, сказалъ сердито Кирша.— Спошй вонъ шамъ, да гляди издали! пожалуй-ка мнѣ опяшь свою ручку, Боярышня! продолжалъ онъ, когда Власьевна опошла прочь. Вошъ шакъ!... гмъ, гмъ! Ну, Анастасья Тимофѣевна, тебѣ жаловашся нечего; если онъ тебѣ сглазиль, шо и ты его испор-

шила: ты крушишься о немъ, а онъ поскуеешь по тебѣ.—

— Смотрише-ка, смотрише! шеннула Власьевна дѣвушкамъ;—что эшо съ Боярышней дѣлаешся? лицо какъ жаръ горитъ! Ни дашь ни взяшь, какъ бывало прежде! слава тебѣ Господи!—

— Поспой-ка, Боярышня! продолжалъ послѣ небольшой оспановки Запорожець.—Да у тебя еще другая кручина, какъ шуманъ осенней, на сердцѣ лежишь.... Я вижу, тебя хопяшь выдашь за мужъ.... за одного большаго Польскаго Пана.... Не горюй, Анаспасья Тимофѣевна! эшой свапъбы не бываешь! я скажу слѣвца два швоему бапюшкѣ: ипакъ онъ не повезетъ тебя въ Москву, а швой женихъ сюда не приѣдетъ — ему скоро будетъ не до эшаго.—

— Ахъ, дай-шо Богъ! вскричала Анаспасья, сложивъ набожно свои руки.

— Да, да, Боярышня! Нынче времена шапкія, кшо сегодня вверху, шопъ завтра внизу.—

— Глядише-ка! сказала Анюта.— Анаспасья Тимофеевна плачешъ, а лице такое веселое! чпо за диво!—

— Нишши, Анюта, не мѣдай! шепнула Власьева, спарзаясь вслушаться въ разговоръ, который, по видимому, спановилея часъ опъ часу занимаельнѣе.

— Однакожъ, Боярышня, продолжалъ Запорожець,— ты до шѣхъ поръ совсѣмъ не оправилъ, пока не увидишь опять шого, кпо тебѣ сглазилъ и не обойдешъ вмѣстѣ съ нимъ вокругъ церковнаго наоя.—

— Съ нимъ!... повторила Анаспасья, препещущимъ голосомъ.

— Да, да! съ нимъ! и я вижу, прибавилъ Кирша, чпо это рано, или поздно, а будешъ.—

Больная не могла выговорить ни слова: внезапная радость оковала уша ея; въ нѣмомъ восторгѣ, она усипремела къ небесамъ свои взоры. Но вдругъ на лицѣ ея изобразилось глубокое уныніе, глаза померкли и преж-

няя, безжизненная блѣдность покрыла снова ея увядшія ланины.—Нѣтъ! сказала она, општалкивая руку Запорожца.—Нѣтъ!... покойная машь моя завѣщали мнѣ возлагать всю надежду на Господа, а ты колдунъ; языкомъ твоимъ говоришь врагъ Божій, врагъ истины. Опойди, оспавь меня, соблазнишь! я не вѣрю тебѣ! А еслибъ и вѣрила: то что мнѣ въ этой радости, за которую не могу и не должна благодарить Спасителя и мать Его, Пресвятую Богородицу!—

—О, если такъ, Боярышня, сказалъ Кирша: такъ знай же — я не колдунъ и ты безъ грѣха можешь вѣрить словамъ моимъ.—

—Ты не колдунъ?... Но кто же ты?—

—Для другихъ пока останусь колдуномъ—безъ этаго я не могъ бы говорить съ тобою; но вошь тебѣ Господь Богъ порукою и пусть меня, какъ шруса, выгоняшь изъ Незамановскаго куреня; или, какъ убійцу своего брата, Козака, живаго зарюешь

въ землю (6): если я не такой же православной, какъ и ты. —

— Но какимъ чудомъ ты могъ опгадать то, что знала я одна и вѣдалъ одинъ Господь? —

— Долго рассказывать, Боярышня; да повѣрь ужъ моей совѣсти! право я не колдунъ! а все таки знаю, что Юрій Дмиричъ, Милославскій тебя любишь; что, можешь спасться, вы скоро увидите другъ друга.... Молись Богу и надѣйся! А что ты не будешь за Паномъ Гонсевскимъ, за эпомъ тебѣ ручаешься Кириша, Запорожець, которой знаешь навѣрное, что его мости и всѣмъ эшимъ инувѣрцамъ скоро придетъ такъ жупко въ Москвѣ, какъ злomu Кошевому Ашаману на Радѣ (*), когда начнушь его уличать въ неправдѣ. Гдѣ ему о свашьбѣ думаешь! о своей головѣ призадумается... Ну, что, Боярышня! полегче ли тебѣ? —

(*) Такъ назывались общія собранія Запорожскихъ Козаковъ.

— Ахъ! да! опвѣчала Анастасья, приложивъ къ сердцу свою руку.

— Теперь вы можете всѣ подойти, сказалъ Кирша, оборотясь къ дверямъ.

— Ну, что, дитяшко мое?... спросила поропливо Власьевна, подбѣжавъ къ больной.

— Ахъ, мамушка, мамушка! опвѣчала, всхлипывая, Анастасья. — Боже мой!... Миѣ шакъ легко... шакъ весело!... поздравь меня, родная!... продолжала она, кинувшись къ ней на шею. — Анюша!... вы всѣ!... подише ко мнѣ, ... дайше разцѣловать себя! Боже мой!... Боже мой! Не сонъ ли это?... Нѣшь, нѣшь! я чувствую.... мое сердце.... Ахъ! я дышу свободно!...

Слезы градомъ капились изъ прелестныхъ очей ея, усипремленныхъ на свящныя иконы. — Подише, подише! сказала она наконецъ тихимъ голосомъ. — Я хочу оспашься одна.... миѣ надобно.... я должна.... Спупайше, милья! оспавыше меня одну!—

Всѣ вышли въ другую комнату.—Ну, батюшка! тебѣ честь и слава! сказала Власьевна Запорожцу.—На роду моемъ шакого дива не видывала! Съ одного разу, какъ рукой снялъ!... Теперь смѣло проси у Боярина, чего хочешь.—

—Я за многимъ не гонюсь, отвѣчалъ Кирша; и если Бояринъ пожелаетъ мнѣ добраго коня....

—За прехъ не поспойшь! да не нужно ли будетъ тебѣ еще поговорить съ Анастасьей Тимофѣевной?—

—Нѣтъ, не надобно! Съ Бояриномъ мнѣ нужно словцо перемолвить, а для нея.... поспой-ка на часокъ.... На вошь тебѣ!—

—Что это, батюшка?... Сухарь?—

—Да, да! сухарь. Смопри! семь дней сряду давай своей Боярышнѣ пить съ эпаго сухаря, что ей самой вздумается: воды, квасу, меду ли — все равно.—

—Слушаю, батюшка,—

— Кружку наливай вровень съ краями и подноси лѣвой рукой.—

— Слушаю, бапюшка.—

— Всю недѣлю сама не пей ничего, кромѣ воды; а объ наливкѣ забудь и думашь!—

— Какъ, отецъ мой! и передъ обѣдомъ?

— И передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Слышишь ли! ни капельки!—

— Слышу, бапюшка, слышу! Вѣдь я еще не оглохла! шесць дней не пишь ничего, кромѣ воды!...

— Не шесць, а ровно семь, бабушка.—

— Да, бишь! да! цѣлую недѣлю.... дѣлашь нечего! Недаромъ говоряшь, прибавила Власьевна сквозь зубы, что всѣ эти колдуны съ причудами. Семь дней!... легко вымолвишь!

Тупъ двое слугъ, взожда поспѣшно, распворили наспешъ дверь и Бояринъ Кручина вошелъ въ комнапу. Всѣ присутствующіе выпянулись въ нипку и ошвѣсили молча по низкому по-

кноу; одна Власьева, забывъ должное къ нему уваженіе, закричала громкимъ голосомъ: «милоспи просимъ, государь, Тимофѣй Федоровичъ! милоспи просимъ!... чшо пожалуешь за радостную вѣшпочку?—

— Чшо ты, старуха! въ умъ ли! сказала Бояринъ.

— Безъ ума, родимой! безъ ума! Вѣдь Боярышня совсѣмъ выздоровѣла.—

— Возможно ли?—

— Да, башюшка! изволь самъ на нее взглянуть.

Бояринъ вошелъ къ своей дочери и, поговоря съ нею нѣсколько минутъ, возвратился назадъ. Радость, удивленіе и вмѣстѣ какая-то недовѣрчивость изображались на лицѣ его; онъ успремилъ пронцапельный взглядъ на Киршу, копорый весьма равнодушно, хопя и почшипельно смощрѣлъ на Боярина.

— Какъ тебя зовушь? спросилъ наконецъ Кручина.—

— Киршею, опивчалъ Запорожець.

— Давно ли ты здѣсь? —

— Съ сегодняшняго ушра. —

— Куда идешь?

— На мою родину, въ Царицынъ. —

— Когда ты проходилъ дворомъ, шо повспрѣчался съ слугою Боярина Милославскаго и говорилъ съ нимъ. Ты его знаешь? —

— Вчера мы ночевали вмѣстѣ на поспояломъ дворѣ. —

— Онъ объявилъ, что ты Запорожець. —

— Да! я Запорожской Козакъ; но въ Царицынъ у меня ошець и машь.

— Не желаешь ли оспашься здѣсь и служишь мнѣ?

— Нѣшъ, Тимофѣй Федоровичъ! я хочу пожить дома. —

Высокой лобъ Боярина покрылся морщинами; онъ взглянулъ угрюмо на Запорожца и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

— Ты облегчилъ болѣзнь моей дочери: чѣмъ могу наградить тебя? —

— Я сгубилъ моего коня, Бояринъ; а пѣшкомъ ходишь не привыкъ.—

— Выбѣрай любого на моей конюшнѣ. Я не спрашиваю тебя, какъ ты умудрился помочь Анастасьи; колдунъ ли ты, или обманщикъ—для меня все равно; но кто будетъ мнѣ порукою, что болѣзнь ея не возвратится? Ты долженъ остаться здѣсь, пока я не увѣрюсь въ совершенномъ ея выздоровленіи.—

— Нельзя, Бояринъ; я сиѣшу домой.—

— Вздоръ! ты останешься.—

— Нѣтъ, Тимофѣй Федоровичъ! не могу.—

Бояринъ взглянулъ съ удивленіемъ на Киришу. Привыкнувъ къ безусловному повиновенію всѣхъ его окружающихъ, онъ не могъ надивиться дерзости простаго Козака, который, находясь совершенно въ его власти, осмѣливался ему проповорѣчить. — Посмотримъ! сказалъ онъ съ презрительной улыбкою. Посмотримъ, удаст-

ся ли бродягъ переупрямишь Боярина Шалонскаго!—

— Власнѣ швоя, Тимофѣй Федоровичъ! продолжалъ спокойно Кирша.— Ты воленъ насильно меня оставишь; но, смолри! чшобъ послѣ не пенятъ.—

Глаза Боярина Кручины засверкали, какъ у шигра.— Молчи, холопъ! заревѣль онъ громовымъ голосомъ. Ты смѣешь грозить мнѣ!... знаешь ли ты, брадыга, чшо я могу всякаго колдуна, какъ бѣшеную собаку, повѣсиль на первой оснѣ!—

— А развѣ олъ эшаго тебѣ будешь легче, отвѣчалъ Кирша, устремивъ смѣлой взоръ на Боярина, — когда единородная дочь швоя зачахнетъ и умреть прежде, чѣмъ ты назовешь знаменишаго Пана Гонсѣвскаго своимъ зятемъ?—

Бояринъ поблѣднѣлъ, какъ смерть; онъ пожиралъ глазами Запорожца. Нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе, похожее на ту мер-

явную пищину, которая предшествовала ужасному громовому удару. Наконецъ спрахъ, пошерявъ единственную дочь, а вмѣстѣ съ ней и всѣ надежды на блестящую будущность, побѣдилъ въ немъ желаніе наказати дерзкаго незнакомца. »Топъ, кто ильчилъ въ нѣсколько минутъ, такимъ чудеснымъ образомъ, дочь его, вѣроятно могъ споль же легко сдѣлать пропивное:« эта мысль спасла Киришу. Лице Боярина, обезображенное судорожными движеніями гнѣва, доведеннаго до высочайшей степени, начало мало по малу принимати свой обыкновенный мрачный, но спокойный видъ. Онъ бросилъ грозной взглядъ на всѣхъ предстоящихъ, какъ будто бы желая напомнить имъ, что дерзость Кириши не должна служить для нихъ примѣромъ; потомъ, взглянувъ довольно ласково на Запорожца, сказалъ:—ну, голубчикъ! ты не робкаго десятка! Добро, добро! если ты не

хочешь оспаться, шакъ спупай съ Богомъ! я не спану тебя держашь.—

— Такъ - по лучше, Бояринь! сказалъ Кирша. — Неволею изъ меня ничего не сдѣлаешь; а за швою ласку я скажу тебѣ по, чего силою пы вѣкъ бы изъ меня не выпышалъ. Анаспасью Тимофѣевну испорпили въ Москвѣ: и если она, прежде шести мѣсяцевъ и шести дней, опяшь шуда приѣдетъ: по съ нею сдѣлается еще хуже и тогда—прошу не погнивашься! никшо въ цѣломъ свѣшъ ей не поможешь.—

— Шеснь мѣсяцовъ! вскричалъ Бояринь. — Но въ будущемъ мѣсяцѣ я долженъ непременно ѣхашь съ нею въ Москву.—

— Не ѣзди, Тимофѣй Федоровичь!—

— Не могу; я дамъ слово Пану Гонсѣвскому.—

— Возьми его назадъ.—

— Нѣшъ! я не измѣнялъ никогда моему обѣщанію.—

— Ну, воля твоя! Было бы сказано, а шамъ дѣлай что хочешь.—

— Но не знаешь ли ты какого способа?...

— Никакого, Бояринъ. Если ты прежде шести мѣсяцевъ и шести дней привезешь Боярышню въ Москву, хоть напрямъръ въ понедѣльникъ: то на той же недѣль въ пятницу будешь ее оппѣвать.—

— Ты лжешь, бездѣльникъ! —

— А изъ чего мнѣ лгать, Бояринъ? гнѣвишь меня прибыли мало; и что мнѣ до эшаго, поѣдешь ли ты въ Москву, или останешься здѣсь?... Я и знать объ эпомъ не буду.—

Бояринъ призадумался, а Кириша продолжалъ: — я кончилъ свое дѣло, Тимофѣй Федоровичъ! теперь позволь мнѣ идти!—

— Андрюшка! сказалъ Кручина одному изъ слугъ.— Опведи его на село къ Прикащику; скажи, чтобъ онъ угоспилъ его порядкомъ, оставилъ завтра ошобѣдать, а потомъ далъ бы

ему любаго коня изъ моей конюшни и при золотыхъ корабленника. Да крѣпко накрѣпко накажи ему, прибавилъ Бояринъ въ полголоса,—чтобъ онъ не спускалъ его со двора и не давалъ никому, а особливо приѣзжимъ, говоришь съ нимъ наединѣ. Этошь колдунъ мнѣ что-то очень подозрительнень!—

Кирша вышелъ вмѣстѣ съ слугою, и почти въ то же время на боярской дворъ въѣхали верхами человекъ пяшь Поляковъ, въ богатыхъ одеждахъ; а за ними сполько же Польскихъ гусаръ, вооруженіе которыхъ, несмотря на свое великолѣпіе, показалось бы въ наше время довольно чуднымъ маскараднымъ нарядомъ. Всѣ гусары были въ лапсахъ и шишакахъ; къ лапамъ сзади приделаны были огромныя крылья; по обѣимъ сторонамъ шишака шочно такія же, но гораздо менѣе; а за плечьями, вмѣсто плащей, развѣвались леопардовыя кожи. Каждый гусаръ былъ вооруженъ

палашомъ и длиннымъ дропикомъ,
украшеннымъ цвѣннымъ флаугеромъ!

— Вошь и Панъ Тишкевичъ съ сво-
ими поварищами! сказалъ Бояринъ
Кручина, взглянувъ въ окно.—Но кто
ѣдетъ по лѣвую его сторону?... Мнѣ
помнился, я эпой красной рожи ни-
когда не видывалъ.—

Сказавъ сіи слова, Шалонской оп-
равился на вспрѣчу къ своимъ го-
спямъ, а Власъевна и сѣнныя дѣвуш-
ки вошли опять въ комнату къ своей
Боярышнѣ.—

Г Л А В А X.

Дворецкой и нѣсколько слугъ встрѣ-
щили госшею на крыльцѣ; неуклюжей
и толстый Полякъ, который ѣхалъ
возлѣ Пана Тишкевича, не доѣзжая
до крыльца, спрыгнулъ — или лучше
сказашь, свалился съ своей лошади — и
успѣлъ прежде всѣхъ помочь Реги-
ментарю сойдши съ коня. Вѣроятно,
каждой изъ чипашелей нашихъ зна-
ешь хотя по слуху извѣстнаго Санхо-
Пансу; но если въ эту минушу услуж-
ливой Полякъ весьма походилъ на сего
знаменинаго конюшаго: по Панъ Тиш-
кевичъ ни мало не напоминалъ собою
рыцаря Плачевнаго Образа. Онъ былъ
средняго роста, плечистъ и сидѣлъ
молодцемъ на конѣ. Быстрыя дви-

женія, смѣлый взглядъ, смуглое опокровенное лице—все доказывало, что Панъ Тишкевичъ провелъ большую часть своей жизни въ кругу безспрашныхъ воиновъ, живаль пѣдъ открытымъ небомъ и также беззаботно ходилъ на смертную драку, какъ на шумный и веселый пиръ своихъ товарищей. Трое другихъ молодцеватыхъ Поляковъ отличались огромными усами и надмѣннымъ видомъ, совершенно противоположнымъ добродушію, которое изображалось на открытомъ и благородномъ лицѣ ихъ начальника. Бояринъ Кручина вспрѣшилъ гостей въ споловой комнати. При видѣ поршпрета Польскаго Короля, съ известной надшешью, Поляки взглянули съ гордой улыбкой другъ на друга; Панъ Тишкевичъ также улыбнулся, но когда взоры его вспрѣшились со взорами хозяина: то что-то весьма похожее на презрѣніе изобразилось въ глазахъ его; казалось, онъ съ трудомъ побѣдиль это чувство и не очень по-

ропился пожать, пропянутую къ нему, руку Боярина Кручины. Послѣ первыхъ привѣтствій, Тишкевичъ представилъ хозяину, сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ толстаго Поляка, который исправлялъ при немъ съ такимъ усердіемъ должность конюшаго. — Эпошъ краснощекій весельчакъ, сказалъ онъ, — Панъ Копычинскій, который, и безъ меня, былъ бы своимъ госпемъ попому, что отправленъ къ тебѣ гонцемъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что Царикъ (*) убитъ. —

— Какъ! вскричалъ Кручина. Тушинскій воръ? —

— Да! Его убили въ Калугѣ, куда онъ всякой разъ прятался, какъ медвѣдь въ свою берлогу. —

— Насилу-то Калужане за умъ взялись! —

— Не Калужане, Бояринъ! сказалъ съ важнымъ видомъ Копычинскій; —

(*) Такъ называли Польшку впрочемъ самозванца. —

спроси меня, я это дѣло знаю: его убили перекрещенный Ташаринъ, Пётръ Урусовъ; а Калужскіе граждане, опомщая за него, перѣрезали всѣхъ Ташаръ и провозгласили новорожденнаго его сына, подѣ именемъ Іоанна Дмипріевича, Царемъ Русскимъ.—

— Безумные! вскричалъ Бояринъ.— Да не ужели для нихъ честише служилъ внуку Сандомирскаго Воеводы, чѣмъ Державному Королю Польскому? Я увѣренъ, что Панъ Гонсѣвскій безъ труда усмирилъ этихъ крамольниковъ; теперь Сапѣга и Лисовскій не стануть имъ помогать.... Но, милости просимъ, дорогіе госпи! Не угодно ли выпить и закусить чегонибудь?—

Бояринъ ввелъ своихъ госпей въ другую комнату, въ которой большой круглой столъ уставленъ былъ блюдами съ холоднымъ кушаньемъ и различными водками. Когда госпи закусили, разговоръ снова возобновился.—Знаешь ли, Бояринъ, сказалъ Панъ

Тишкевичъ, обпирая свои усы, — что сего дня поуспру мы охопились въ швоихъ дачахъ. —

— Милоспи просимъ! отвѣчалъ Бояринь. — Забавляйшесь, сколько душъ вашей угодно. —

— И чуть чуть, продолжалъ Тишкевичъ, не заполевали краснаго звѣря. —

— Такъ вамъ не удалось? —

— Вопшь по-по и досадно! а шакие звѣрки не часпо попадаюшся. —

— Такъ чпожъ, Панъ? Если хочешь, завѣра мы поохопимся вмѣспѣ, и я ручаюсь тебѣ....

— Не ручайся, Бояринь! шеперь эпошъ звѣрь далеко. Мы ловили сего дня одного молодца, кошпорый пробираешся съ казноу въ Нижней—Новъ-Городъ. —

— Въ Нижней?... воскричалъ Кручина.

— Да, въ Нижней; повшоримъ. Тишкевичъ. Вопшь Панъ Колычинскій, лунише эпо расскажешъ: онъ совсѣмъ было подшенепилъ его. —

— Да! сказамъ Колычинскій, въшя-

нувь чарку водки.—Онъ у меня сквозь пальцовъ проскользнулъ. Я заспалъ его съ двумя провожаемыми на пошояломъ дворѣ, верспахъ въ десяти ошсюда; съ перваго взгляда онъ показался мнѣ подозрительнымъ; вошь, я и принялся допрашивать его порядкомъ; онъ забормошалъ, сбился въ рѣчахъ и занесъ шакую околесную, что я пошь же часъ его и за ворошь. Мой парень сначала было расхрабрился, заговорилъ и то и сѣ, да, я не кто другой! прижалъ его къ спѣнѣ, приспавилъ къ рожъ писто-летъ, крикнулъ!—прусиска испугался и покаялся мнѣ во всемъ.—

— Да, какъ же шы ихъ упустилъ? спросилъ съ исперпѣніемъ Бояринъ.—

— А вошь какъ: я велѣлъ ихъ запереть въ холодную избу, поспавилъ караулъ, а самъ легъ соснушь; Козаки мои—нѣхъ ихъ вшисци дьябли везмо! шакже вздремнули: шакъ, видно, они выльзли въ окно; сѣли на своихъ ко-ней, да и до дѣсу.... Чпожь шы, Бо-

Яринь, качаешь головой! продолжай Копычинскій, ни мало не смущаясь.— Иль не вѣришь? дали буквъ, такъ! спроси хоть Пана Региментаря.—

— На меня не ссылайся, Панъ! сказалъ Тишкевичъ; я столько же знаю объ этомъ, какъ и Бояринь; такъ въ свидѣтели не гожусь; а только, мнѣ помнится, ты рассказывалъ, что заперъ ихъ не въ избу, а въ сѣни.

— Ну, да! не все ли это равно! перервалъ Копычинскій. Дѣло въ томъ, что они ушли, а откуда: изъ сѣней, или изъ избы, отъ этого намъ не легче. Какъ ты прибылъ съ своимъ региментомъ, то они не могли бытъ еще далеко, и не моя вина, если твои молодцы ихъ не изловили.—

— У одного изъ нихъ убили коня, сказалъ Тишкевичъ; но за то и у меня лучшей налеть въ региментъ лежать шеперь съ прострѣленнымъ плечомъ.—

— Вылезли въ окно.... и съ оружіемъ! прошепталъ Бояринь.— А не въ

примѣшу ли тебѣ, каковы они собою?—

— Одинъ изъ провожаемыхъ, молодой дородной, плотной.—

— И такъ же вылезъ въ окно?...

— У страха очи велики, Бояринъ! и въ щелку пролѣзешь, какъ смерть на носу. Другой похожъ на Козака; а самой-шо главной—дѣтина молодой, русоволосой, высокаго роста, лицомъ бѣлъ... или, можешь спашься, такъ мнѣ показалось: онъ больно испугался и поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда я припугнулъ его пистолетомъ; одѣлъ очень чисто, въ малиновомъ суконномъ кафтанѣ....

— Однимъ словомъ, перерывъ Бояринъ, шочь въ шочь, какъ эпощъ молодецъ, что спощъ позади себя.—

Копычинскій обернулся и, ошпырыгнувъ назадъ, закричалъ съ ужасомъ:— Вошь онъ!... держите! схватите его!.. у него за пазухою пистолетъ!—

— Не правда, Панъ! сказалъ съ улыбкою Юрій. Теперь со мною нѣтъ ни-

сполеша; я чужимъ добромъ никого не угощаю.—

— Чшо все это значить? спросилъ Панъ Тишкевичъ; располкуйпе мнѣ!...

— Прежде всего прошу познакомисься, сказалъ Кручина. Это Юрій Дмиричь, Милославской; онъ присланъ ко мнѣ изъ Москвы, съ шайнымъ порученіемъ отъ Пана Гонсѣвскаго.—

Поляки ошвѣчали довольно вѣжливо на поклонъ Милославскаго; а Панъ Тишкевичъ, оборотясь къ Копычинскому, спросилъ сердитымъ голосомъ: »Какъ онъ смѣлъ сочинить ему такую сказку?« Копычинскій не ошвѣчалъ ни слова; устремля свои бездушные глаза на Юрія, онъ споялъ какъ вкопанный и только одна лихорадочная дрожь доказывала, что несчастный хваспунъ не совсѣмъ еще преиворился въ испугана.— Я вижу, отъ него шолку не добьешься, продолжалъ Тишкевичъ; пошрудись, Панъ Милославскій, рассказать намъ, какъ онъ допышался отъ себя,

что ты везешь казну въ Нижней Новъ-Городъ, какъ заперъ тебя и служителей твоихъ въ холодную избу, и какъ вы всё шрое выскочили изъ окна, въ кошорое, чай, и курица не прользеть?—

Юрій разсказалъ имъ всё подробно-спи своей встрѣчи съ Копычинскимъ; разумѣется, угощеніе и жареный гусь не были забыты; Панъ Тишкевичъ хохопалъ отъ добраго сердца; но другіе Поляки, казалось, не очень забавлялись разсказомъ Юрія, особливо одинъ, кошорый, закручивая свои безконечные усы, поглядывалъ изподлобья вовсе не ласково на Милославскаго.—Чоршъ возьми! вскричалъ онъ наконецъ; я не вѣрю, чтобы какой ни ешь Полякъ допустилъ надъ собою такъ ругаться.—

— И, Панъ Роммиспръ! сказалъ Тишкевичъ. Не всё Поляки походящъ другъ на друга.—

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ эшаго мерзавца — продолжалъ серднишой

Ропмиспръ, бросивъ презришельный взглядъ на Копычинскаго, который пробирался попихоньку къ дверямъ комнашы:—шо, клянусь моими усами....

— Скорѣй далъ бы себѣ раздробить черепъ, перервалъ Регименшаръ, чѣмъ съѣлъ бы гуся! я въ эшомъ увѣренъ, шакъ же какъ и въ шомъ, что всякой правдивый Полякъ порадуется, когда удалый Москаль проучишь хваспунишку и пруса, хошя бы онъ носилъ куншушь и назывался Полякомъ. Давай руку, Панъ Милославской! будемъ друзьями! Ты не врагъ Поляковъ, но еслибъ былъ и врагомъ нашимъ, я сказалъ бы шо же самое: мы молодець любимъ: съ ними и драпсья-шо веселье! а шы, храбрый Панъ Копычинскій!... ага! да онъ ужъ далъ лягу!... Тѣмъ лучше! Надѣюсь, Бояринъ, шы не заспавишь насъ сидѣшь за однимъ споломъ съ эшимъ негодяемъ; онъ, я думаю, сысехонекъ, а если на бѣду опяшь проголодался: шо прикажи его накормишь въ заспольной.

Да, пошѣшь, Тимофѣй Федорычъ, вели его попопчивашь жаренымъ гусемъ! Кспаши, Панъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Юрію. Мы, кажешся, помѣнялись съ побою конями? поль-ко на швоемъ не далеко уѣдешь: онъ и теперь еще лежишь въ лѣсу, на большой дорогѣ... Нѣшь, нѣшь! продолжалъ онъ, не давая отвѣчашь Юрію;—дѣло кончено; я плохой барышникъ—вотъ и все тушь! Владѣй на здоровье моимъ конемъ. Не ты виновашь, что я повѣрилъ этому хвастуну Копычинскому, кошорый долженъ благодарить Бога за то, что не висить теперь между небомъ и землею; а не миновашь бы ему эшихъ качелей, еслибъ мои молодцы подспрѣблили самаго тебя, а не швою лошадь.—

— Позволь спросить, Панъ Региментарь, сказалъ Юрій,—что сдѣлалось съ однимъ изъ моихъ провожашыхъ, кошорый оспался пѣшимъ въ лѣсу?—

— Онъ, я думаю, и теперь еще разгуливаетъ по лѣсу.—

— Такъ онъ уцѣлѣлъ?—слава Богу!—

— Да, уцѣлѣлъ. Эпошъ мошенникъ подбилъ глазъ моему слугѣ, увелъ моего коня и подспрѣмилъ лучшаго моего налета; но я не сержусь на него. Еслибъ ему нечѣмъ было замѣнить швоей убишой лошади: по врьдъ ли бы я теперь съ тобою познакомился. —

Межъ шѣмъ число госпей значительно умножилось приѣздомъ сосѣдей Шалонскаго: большая часть изъ нихъ были помѣстные Дѣши Боярскіе, человекъ пять Жильцовъ и только двое родословныхъ Дворянъ: Лесуша-Храпуновъ и Замятня-Опалевъ. Первый занималъ некогда при Дворѣ Царя Федора Иоанновича значительный постъ Сиряпчаго съ ключемъ (7). Наружность его не имѣла ничего замѣчательнаго: онъ былъ небольшого роста, худощавъ и, несмотря на осанистую свою бороду и величавую

поспуть, не походилъ ни мало на важнаго царедворца; онъ говорилъ безпрестанно о покойномъ Царѣ, Феодорѣ Иоанновичѣ для того, чтобъ повсюду какъ можно чаще, что любимымъ его Спряпчимъ съ ключемъ, былъ Лесуша - Храпуновъ. Впорый, Замяшня-Опалевъ, бывшій при семъ Царѣ Думнымъ Дворяниномъ, общалъ съ перваго взгляда гораздо болѣе, чѣмъ опспавный придворный: онъ былъ роспа високаго, чрезвычайно дородень; огромная окладистая борода, покрывая дебелую грудь его, опускалась до самаго пояса; всѣ движенія его были медленны, онъ говорилъ пропжно и съ разспановкою. Служивъ при одномъ изъ самыхъ набожныхъ Царей Русскихъ, Замяшня-Опалевъ привыкъ употреблять въ разговорахъ кспаши и не кспаши изрѣченія, почерпнушья изъ церковныхъ книгъ, буквальное изученіе копорыхъ было, въ шогдашнее время, признакомъ опличнаго воспитанія и не рѣдко за

мѣняло умъ и даже природныя способности, необходимыя для Государственнаго чловѣка. Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, умѣя цѣнить людей по ихъ достоинствамъ, вскорѣ по возшествіи своемъ на престолъ, уволилъ ихъ обоихъ отъ службы; съ тѣхъ поръ изъ уклончивыхъ придворныхъ, они превратились въ величайшихъ, хотя и вовсе не опасныхъ, враговъ правительсва. Все, что ни дѣлалось при Дворѣ, становилось предметомъ ихъ всегдашнихъ порицаній: признаніе Лже-Димитрія Царемъ Русскимъ, междуцарствіе, вшорженіе враговъ въ сердце Россіи — однимъ словомъ: всѣ бѣдствія опечесва были, по ихъ мнѣнію, слѣдствіемъ оказанной имъ несправедливости. »Когдабъ блаженной памяти, Царь Феодоръ Иоанновичъ здравствовалъ и Лесуша - Храпуновъ былъ на своемъ мѣстѣ, говаривалъ опешавной Спряпчій: по Гришка Опрельевъ не смѣлъ бы и подумашъ назвашься Димитріемъ.« Еслибъ Дворянинъ Опа-

левъ заѣдалъ по прежнему въ Царской Думѣ, повпорялъ безпресшанно Замятня: по не Поляки были бы въ Москвѣ, а Русскіе въ Краковѣ. »Но, прибавлялъ онъ всегда съ горькой улыбкою, блаженъ мужъ, иже не иде на совѣпъ нечеспивыхъ!« Въ царспвова-
ніе Лже-Димитрія, а потомъ Шуйскаго, оба зашпахные чиновники спарались опяшь попастъ ко Двору; но попышки ихъ не имѣли успѣха и они рѣшились приспастъ къ паршнн Боярина Шалонскаго, кошорый обнадежилъ Лесушу, что съ присоединеніемъ Россіи къ Польской коронѣ, число сзновниковъ при Дворѣ Короля Сигизмунда неминуемо удвоится и онъ, не только займешъ при ономъ мѣсто, равное прежней его спепени; но даже, въ награду усердной службы, получишъ званіе одного изъ Дворцевыхъ Маршаловъ Его Польскаго Величеспва. А Замятню - Опалева увѣрилъ, что онъ непременно будетъ заѣдашъ въ Польскомъ Сенапѣ, въ кошоромъ, по уни-

чпоженіи Думы, учредяпся мѣспа Сенашоровъ, по дѣламъ, касающимся до Россіи.—

Когда хозяинъ познакомилъ сихъ двухъ опспавныхъ сановниковъ съ Поляками, Замяшня, послѣ нѣкопорыхъ привѣспвій, произнесенныхъ со всею важноспью будущаго Сенашора, спросилъ Пана Тишкевича:—Не изъ Москвы ли онъ идешъ съ региментомъ?

— Изъ Москвы, — опвѣчалъ опривиспо Полякъ, которому надупой видъ Опалева съ перваго взгляда не понравился.

— И такъ справедливо, спросилъ въ свою очередь Лесуша-Храпуновъ, что въ Москвѣ цѣловали креспъ, не Свѣшлѣйшему Королю, Сигизмунду; а юному сыну его, Владиславу? —

— Справедливо. —

— Хороши же шамъ сидяптъ головы! воскликнулъ Замяшня. «Горе шебъ, граде, въ немъ же Царь спвой юнъ!» вѣщашъ премудрый Соломонъ; да и

чего ждаль опть Боярь, копорые за-
сѣдали въ Думѣ при злодѣѣ Годуно-
вѣ?—

— Для чего же ты не ѣдешь самъ
въ Москву? сказалъ насмѣшливо Пана-
Тишкевичъ.—Ты бы ихъ наславилъ на
пушь истинный.—

— Чпобъ я спалъ якшапсья съ
эпими малоумными! сохрани Господи!
Не даромъ говоришь Сирахъ: «касаясь
смоль очернишь, а приобщаясь без-
зумнымъ, почень имъ будешь.»

— Вошь по-шо и еспь! подхватилъ
Лесупа.—При блаженной памяти, Царь,
Феодоръ Иоанновичъ были голова,
а нынче.... да, чшо тушь говоришь!
Когда я служилъ при свѣшломъ лицѣ
Его, въ санѣ Спрянчаго съ ключемъ
по однажды Его Царское Величество,
идя опть зашпрени, изволилъ мнѣ ска-
зашь....

— Ты расскажешь намъ эшо за сшо-
домъ, перервалъ хозяйнѣ. Милоспши
просимъ, дорогіе госпи! чѣмъ Богъ
послалъ!—

Всѣ вышліи снова въ споловую, въ которой, накрышый цвѣшною скапершью, споль уставленъ былъ множесвомъ различныхъ кушаньевъ. Всѣ блюда, тарелки и чаши были оловяныя; но на прошивъ спола, въ опскрыпомъ поставцѣ разспавлены были весьма красиво серебряныя ковши, кубки, спопы, чары и брашины. Прошивъ каждыхъ двухъ приборовъ спояли также серебряныя сосуды: одинъ съ солью, другой съ перцемъ, а прешій спеклянный, съ уксусомъ. Лучшимъ и роскошнѣйшимъ блюдомъ былъ жареной павлинь—имъ и начался обѣдъ; потомъ спали подавать лапшу съ курицею, лѣнныя щи, разныя похлебки, пирогъ съ бараниной, курникъ, подсыпанный яйцами, сырники и различныя жаркія. Множесво блюдъ соспавляло все великолѣпіе споловъ погдашняго времени; впрочемъ предки наши были не прихотливы и за споломъ любили только одно: нивдаться досына, и напиваться до-

упаду. Обѣдъ оканчивался обыкновенно закусками, между коими занимали первое мѣсто: морципаны, цукады, инбирь въ пашакъ, шеншала и леденцы; пряники и коврижки, шакъ же какъ и нынѣ, подавались послѣ обѣда у однихъ просполоудиновъ и бѣдныхъ Дворянъ.—

Когда всѣ наѣлись, началась попойка. Сколько Юрій, сидѣвшій подлѣ Пана Тишкевича, ни отпказывался; но принужденъ бы былъ пить не менѣе другихъ, еслибъ, къ счастью, не могъ сослаться на примѣръ своего сосѣда, который рѣшишельно отпказался пить изъ большихъ кубковъ,—и хопя хозяинъ начиналъ нѣсколько разъ хмуриться; но изъ уваженія къ Региментарю, оставилъ ихъ обоихъ въ покоѣ, и вмѣстѣ съ собою свою досаду на другихъ. Одинъ съдой Жилецъ не допилъ своего кубка—Бояринъ принудилъ его самага вылить себѣ оспапокъ меда на голову; Боярскому сыну, который отпказался выпить

кружку наливки, велѣлъ насильно
влишь въ ротъ большой стаканъ по-
льиной водки и хохоталъ во все гор-
ло, когда несчастный госпъ, задыха-
ясь и почти безъ чувствъ, повалился
на полъ. Межъ шѣмъ и Панъ Тишке-
вичъ, несмотря на свою умѣрен-
ность, спалъ поговаривашъ веселѣе.
—Бояринъ! сказалъ онъ. Еслибъ супру-
га швоя здравспвовала: то вѣрно бы
не опказалась поднести намъ по чар-
кѣ вина и допустила бы взглянуть
на свѣшлыя свои очи; шакъ не лзя
ли намъ удоспоишься присупспивя
швсей прекрасной дочери? У васъ,
можешъ бышь, не въ обычаѣ, чшобъ
дѣвицы показывались госпямъ; но
вѣдь шы, Бояринъ, почти нашъ братъ
Полякъ—дозволь полюбовашъся невѣ-
стою Пана Гонсѣвскаго.—

—И выпишь изъ башмачка ея, при-
бавилъ усаспый Ротмиспръ,—за здра-
вѣе знаменишатаго жениха и счастли-
вое окончаніе веселья.—

— Она не очень здорова, опшвчалъ Кручина.

— Мы всѣ тебя объ эшомъ просимъ! закричали Поляки.—

— Бышь по вашему! сказалъ хозяинъ, подозвавъ къ себѣ одного служителя, кошорый, выслушавъ приказаніе своего господина, вышелъ поспѣшно вонъ изъ комнаты.

— А скоро ли, Бояринъ, веселье? спросилъ Регименшаръ.

— Я хопѣлъ было въ будущемъ мѣсяцѣ ѣхать въ Москву.—

— Не совѣшую! шамъ чшо-шо все не ладится; шого и гляди, начнешся такая попойка, чшо и у шрезвыхъ въ головѣ зашумишь.—

— Какъ такъ! сказалъ Лесуша - Храпуновъ. Да, развѣ не вы господа въ Москвѣ?—

— Да! покамѣспъ! опшвчалъ Тишкевичъ. Взойдши-шо въ нее мы взошли....

— »Въ граде крѣпкій вниде премудрый, перерваль заикаясь Опалевъ,—и

разруши утверждение, на не же надеяшася нечестивии!»

— Вошь шо-шо и худо, что не вовсе разрушили, продолжалъ Тишкевичъ. Ну, да что объ эпомъ говоришь! Наше дѣло рубишься, а объ оспальномъ знаютъ лучше насъ спаршіе.—

— И вѣдомо шакъ, сказалъ Лесуша. Когда я былъ Спряпчимъ съ ключемъ, шо однажды блаженной памяти Царь, Феодоръ Иоанновичъ, идя къ обѣднѣ, изволилъ сказаць мнѣ: »ты, Лесуша, малой доброй, знаешь свою спряпню; а въ чужія дѣла не мѣшаешься.« Въ другое время, какъ онъ изволилъ опслушать часы и я спалъ ему докладываешь, что любимую его шапку попоршила моль....

— Не о шапкѣ рѣчь, перервалъ хозяинъ; изволь допиваешь свой кубокъ!— Да, и ты, любезный сосѣдъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Замятинъ, прошу отъ другихъ не опспаваешь. Допивай.—Вошь шакъ! люблю за обы-

чай! Теперь просимъ покорно вошь
эшаго!...

— Ни, ни, Бояринь! опшвѣчалъ За-
мяшня, съ шрудомъ пошевеливая уса-
ми;—сказано бо еспь: »не упивайшеса
виномъ...«

— Да эшо не вино, а наливка!

— Ой ли! Ну, если шакъ, пожалуй!
Наливку пишъ законъ не препишъ.—

— Вѣспимо, нѣшъ! примолвилъ Ле-
суша.—Покойный Государь, Феодоръ
Юанновичъ всегда, отслушавъ вечер-
ню, изволилъ выкушивать чарку виш-
невки, копорую, однажды поднося ему
на золопомъ поднось, я сказалъ....

— Мой хощъ и не на золопомъ под-
нось, перервалъ хозяйнъ, а прошу
прикушашъ!... Ну, чшо? какова?—

— »Не красна похваля во устахъ
грѣшника,« глаголетъ премудрый Си-
рахъ,—сказалъ Замяшня, осуша свой
кубокъ; — а нельзя доспойно не вос-
хвалишъ: наливка, ей же ей, през-
рядная!—

Когда къ концу обѣда всѣ госши,

порядкомъ подгуляли, Бояринъ Кручина велѣлъ снова наполнить серебряныя снопы и сказалъ громкимъ голосомъ:—кто любитъ Кручину Шалонскаго, топъ за мною! за здравіе побѣдителей Смоленска!—

— Виватъ! закричали Поляки.

— Да здравствуютъ всѣ неуспрашиваемые войны! примолвилъ Тишкевичъ, поднявъ кверху свой кубокъ.

Всѣ гости, кромѣ Юрія, осушили свои снопы.

— Пей, Юрій Дмитричъ! закричалъ Бояринъ.

— Я пью на погибель враговъ; а Смольяне — Русскіе и братья наши; ошвѣчалъ спокойно Юрій.

— Твой, а не мой, возразилъ Кручина, бросивъ презрительный взглядъ на Юрія.— Бунповщики и кромольники никогда не будутъ братьями Шалонскаго.—

— Жаль, молодець, сказалъ Тишкевичъ, пожавъ руку Юрія,— жаль, что ты не нашъ братъ Полякъ!—

Угрюмое чело Боярина Кручины часть ошъ часу спановилось мрачнѣе; нѣсколько минушь продолжалось общее молчаніе; всѣ глядѣли съ удивленіемъ на дерзкаго юношу, который осмѣливался споль явно прошиворѣчь и не повиновашься грозному хозяину.—Посмотримъ, какъ ты не выпьешь шеперь! прошепсаль наконецъ сквозь зубы Бояринъ. Онъ спросилъ позолоченной кубокъ и, выливъ въ него полбушылки мальвуазіи, вспаль съ своего мѣспа; всѣ послѣдовали его примѣру.—Ну, дорогіе госпи! сказали онъ.—Эшопъ кубокъ долженъ всѣхъ обойдши. Кто пьеть изъ него, прибавилъ онъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія, шопъ другъ нашъ; кто не пьеть, шопъ врагъ и супоспашъ! За здравіе Свѣшлѣйшаго, Державнѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Царя Русскаго! Да здравспвуешъ!—

— Вивашъ! воскликнули Поляки.

— Да здравспвуешъ! повшорили всѣ Русскіе, кромѣ Юрія.

— «И да распочашся врази его!» заревѣль басомъ Замяпня-Опалевъ. »Да прейдешъ живоше ихъ, яко слѣдь облака, и яко мгла разрушишся оше лучь солнечныхъ!»

— Аминь! возгласилъ хозяинъ, опрокинувъ осушенный кубокъ надъ своей головою.

Юрій едва могъ скрывать свое негодование: кровь кипѣла въ его жилахъ, онъ мѣнялся безпрестанно въ лицѣ; правая рука его невольно искала рукоятку сабли, а лѣвая, крѣпко прижатая къ груди, казалось, хотѣла удержавъ сердце, готовое вырваться наружу. Когда очередь дошла до него, глаза благороднаго юноши заблещали необыкновеннымъ огнемъ; онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ пирующихъ и сказалъ швердымъ голосомъ:—Бояринъ! ты предлагаешь намъ пише за здравіе Царя Русскаго, и шакъ—да здравствувешъ Владиславъ, законный Царь Русской, и да погиб-

нупъ всѣ измѣнники и враги опечесства!—

— Спой, Милославской! закричалъ хозяинъ. Или пей, какъ указано; или кубокъ мимо!—

— Подавай другимъ! сказалъ Юрій, отдавая кубокъ дворецкому.

— Слушай, Юрій Дмитричъ! продолжалъ Бояринъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ.—Мнѣ ужъ надоѣло свое упрямство; съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не заглядывай! пей, какъ всѣ пьютъ!—

— Я свой гость, а не рабъ, отвѣчалъ Юрій; приказывай тому, кто не можетъ себя послушаться.—

— Ты будешь пить, дерзкой мальчишка! прошипѣлъ какъ змѣй, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ, Кручина. Да! клянусь честью! ты выпьешь, или захлебнешся! подайше кубокъ! гей, Томила! Удалой! сюда!—

Двое огромнаго роста слугъ, съ звѣрскими лицами подошли къ Юрію.

— Бояринъ! сказалъ Милославской,

взглянувъ презрительно на служишелей, которые, казалось, не слишкомъ охотно повиновались своему господину.— Я безъ оружія, въ своемъ домѣ.... и если ты хочешь прослышь разбойникомъ, то можешь легко меня обидѣть; но не забудь, Бояринъ! обидѣвъ Милославскаго, берегись оставишь его живаго!—

— Въ послѣдней разѣ спрашиваю тебя, продолжалъ едва слышимымъ голосомъ Шалонской: хочешь ли ты волею или за здравіе Сигизмунда, шакъ какъ пьемъ мы всѣ?—

— Пьемъ!—

— Пей, говорю я тебѣ! повторилъ Кручина, усpreмивъ на Юрія, какъ раскаленной уголь, сверкающіе глаза.

— Милославскіе не измѣняли никогда ни присягѣ, ни опечеству, ни слову своему. Не пью!—

— Такъ вылейше же ему весь кубокъ въ горло! заревѣлъ исповымъ голосомъ хозяинъ.—

— Спокойше! вскричалъ Панъ Тишке-

вичь. — Стыдись, Бояринь! Онъ пшвой; гость, дворянинь; если ты позабылъ это; то я не допущу его обидьшь. Прочь, негодяи! прибавилъ онъ, схватясь за свою саблю; или.... клянусь честью Польскаго солдата! ваши дурацкія башки сей же часъ вылетятъ въ окно!—

Оробѣвшіе слуги опіспутили назадъ, а Бояринь, задыхаясь опть злобы, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ вымолвить ни слова. Наконецъ, оборотясь къ Поляку, сказалъ прерывающимся голосомъ: — напгнѣйся, Панъ Тишкевичъ, если я напомню тебѣ, что ты здѣсь не у себя въ региментѣ; а въ моемъ дому, гдѣ кромѣ меня никто не воленъ хозяйничать.—

— Не взыщи, Бояринь! я привыкъ хозяйничать всадѣ, гдѣ настоящей хозяинъ не помнитъ, что дѣлаеть. Мы Поляки можемъ и должны желать, чшобъ нашъ Король былъ Царемъ Русскимъ—мы присягали Сиги-

змунду; но Милославской цѣловаль крестъ не Ему, а Владиславу. Что будешь, по Богъ вѣсть; а теперь онъ дѣлаешь по, что сдѣлакъ бы и я на его мѣспѣ.—

Казалось, Бояринъ Кручина успѣлъ нѣсколько поразмыслишь и догадашь-ся, что зашелъ слишкомъ далеко; помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ довольно спокойно Тишкевичу: — Дивлюсь, Панъ, какъ горячо ты защищаешь недруга своего Государя.—

— Да, Бояринъ! я грудью спану за друга и недруга, если онъ молодець и смѣло идешь на неровной бой; а не заспуплюсь за пруса и подмца, каковъ Панъ Копычинскій, хопябъ онъ былъ роднымъ моимъ брапомъ.—

— Но не уже ли ты повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь обидѣшь моего госпя? И, Панъ Тишкевичъ! Я хопѣлъ шолько полугашъ его, а по мнѣ, пожалуй пусть льешъ хопъ за здравіе Тамарскаго Хана: ошь его

словъ никого не убудешь. Подайте ему кубокъ!—

Юрій взялъ кубокъ и, оборотясь къ хозяину, повторилъ снова:—да здравствуетъ законный Царь Русской, и да погибнуть всѣ враги и предатели ошечешва!—

— Аминь! раздался громкой голосъ за дверьми столовой.

— Чшо это значить? закричалъ Кручина. Кшо осмѣлился?... подайте его сюда!—

Двери отворились и человекъ среднихъ лѣтъ, босикомъ, въ рубищѣ, подпоясанной веревкою, съ распрепанными волосами и всклокоченной бородою, въ два прыжка очутился посреди комнаты. Несмотря на нищенскую его одежду и спранные ухватки, сей часъ можно было догадаться, что онъ не сумасшедшей: глаза его блипали умомъ, а на благообразномъ лицѣ выражалась необыкновенная кротость и спокойствіе души.—

— Ба, ба, ба! Мишя! вскричалъ Замяшня-Опалевъ, который вмѣстѣ съ Лесушой-Храпуновымъ, во все продолженіе предъидущей сцены, наблюдали оспорожное молчаніе.—Какъ это Богъ тебя принесъ? Я думалъ, что ты въ Москвѣ.—

— Нѣтъ, Гаврилычъ! отвѣчалъ юродивый;—шамъ душно, а Мишя любитъ проспоръ. То ли дѣло въ чистомъ полѣ! молись на всѣ чешыре спороны, никто не помѣшаетъ.—

— За чѣмъ впустили этого дурака! сказалъ Кручина.

— Кто онъ таковъ? спросилъ Тишкевичъ.

— Тунеядецъ, міроѣдъ, который, Богъ знаетъ — почему, прослылъ юродивымъ.—

— Не выгоняй его, Бояринъ! я никогда не видывалъ вашихъ юродивыхъ: послушаемъ, что онъ будетъ говорить.—

— Пожалуй; только у меня есть дураки гораздо его забавнѣе. Ей ты,

блаженной! за чѣмъ ко мнѣ пожаловать?—

— Соскучился по тебѣ, Федорычъ, опивчалъ Мипя. Эхъ! жаль мнѣ тебя! видишь Богъ, жаль!... Худо, Федорычъ, худо!... Мипя шелъ селомъ, да плакалъ; мужички испишые, церковь на боку... а ты себѣ на умъ! попиваешь, да бражничаешь съ приятелями. А вопъ какъ все приѣшь, да выпьешь; чѣмъ-то спанешь угощать неожиданую гостью?... Хватай, хватай! анъ въ погребъ и вина нѣтъ! худо, Федорычъ, худо!—

— Чшо ты врешь, дуракъ!

— Такъ, Федорычъ! Мипя болтаетъ, что ему вздумается; а смерть придетъ, какъ ей Богъ велитъ... Ты думаешь со двора, а голубушка на дворъ—не успеешь сполна накрытъ... Здравствуй, Дмитричъ! продолжай онъ, подойдя къ Юрію. И ты здѣсь попиваешь?... ай, да молодець!... Смотри, не охмѣль!—

— Миѣ помнился, Мипя, я видалъ

тебя у покойнаго бапюшки, сказаъ ласково Юрій.

— Да, да, Дмишричь! жаль тебску! раненько умеръ; при немъ не залеташь бы къ коршунамъ ясному соколу. Жаль мнѣ тебя, голубчикъ, жаль! связалъ себя по рукамъ, по ногамъ!... да, Богъ милоспивъ! не вѣкъ въ кандалахъ ходишь.... побывай у Сергія! легче будешь!

— Ей, ты, Мишя! сказаъ Тишкевичъ, — полно говоришь съ другими! поговори со мной!—

— А что мнѣ говоришь съ побою? вишь ты какой усаспой! боюсь!—

— Не бойся! на-ка вошь тебѣ! продолжалъ Полякъ, подавая ему серебряную монету.

— Спасибо!... на что мнѣ!... я вѣдь на своей споронѣ, съ голоду не умру; побереги для себя, ты человекъ заѣзжей.—

— Возьми! у меня и безъ епой много.—

— Ой ли? смотри, чѣтобъ достало!... погоспишь, погоспишь, да надо же въ дорогу... Не близко мѣсто, не скоро до дому дойдешь.... да еще неравно и проводы будущъ.... береги денежку на черной день!—

— Я черныхъ дней не боюсь, Миша.—

— И я, брашъ, въ тебя! Не боюсь ничего; пришелъ незваный, да и все шушь!... а какъ хозяинъ погонитъ, такъ давай Богъ ноги!—

— И давно пора! сказала Кручина, копорому весьма не нравились двусмысленныя слова юродиваго. — Убирайся-ка вонъ, покуда цѣль!—

— Пойду, пойду, Федорычъ! я не въ другихъ—не спану дожидаться, чѣтобъ меня въ шею прошолкали. А жаль мнѣ себя, голубчикъ, право жаль! шо-шо вдове дѣло!... некому тебя ни прибратъ, ни прихолить!... Смотри-ка, сердечной, какъ ны замаранъ!... чернехонекъ!... мѣсечка бѣленькато не осшалось!... Эхъ, Федорычъ, Федо-

рычь!... Не вѣкъ живишь немойкою, цора прибравься!... захвапнишь госпья немываго, плохо будешь!—

— Я не хочу понимать дерзкихъ рѣчей твоихъ, безумной! пошелъ вонъ!

— Послушай-ка, Гаврилычъ! продолжалъ юродивый, обращаясь къ Замятнинъ.— Ты книжной человекъ, гдѣ бишь это говоришься: «сѣявый злая, пожнешь злая?»

— Въ припчяхъ Соломоновыхъ, опвѣчалъ важно Замятнинъ;— онъ же, премудрый Соломонъ, глаголетъ: «не сѣй на браздахъ неправды, не имаша пожаши ю съ седмицею.»

— Слышишь ли, Федорычъ, что говорятъ умные люди? а мы съ побой дураки— не понимаемъ, какъ не понимаемъ.—

— Вонъ опсюда, бродяга! или я размозжу тебѣ голову!—

— Бей, Федорычъ, бей! А Миша все-таки свое будешь говорить.... бѣдненькой охъ! а за бѣдненькимъ Богъ;

А какъ Федорычу придется охашь, по-
то худо будетъ!... онъ заохаетъ, а му-
жички его вдвое... Онъ закричитъ:
»Господи, помилуй!..« а въ тысячу го-
лосовъ завопятъ: »онъ самъ никого не
миловалъ...« Такъ знаешь ли что, Фе-
дорычъ! изъ-за другихъ-то тебя во-
все не слышно будетъ... жаль мнѣ
тебя, жаль!—

—Молчи, змѣя! вскричалъ Бояринъ,
вскочивъ изъ-за стола. Онъ замахнул-
ся на юродиваго, копорый, сложа кре-
сломъ руки, смотрѣлъ на него съ ви-
домъ величайшей крошосни и душев-
наго соболѣзнованія; вдругъ двери во
внутренніе покои распворились и
кпо-шо громко вскрикнулъ. Бояринъ
вздогнулъ, съ испуганнымъ видомъ
поспѣшилъ въ другую комнату, слу-
ги начали суешиться и всѣ госпи
повскакали съ своихъ мѣсць. Юрій
сидѣлъ прошивъ самыхъ дверей; онъ
видѣлъ, что пышно одѣшая дѣвица,
покрышая съ головы до ногъ богашой
шапою, унала безъ чувствъ на руки

къ старухѣ, которая шла позади ея. Въ минуту общаго смятенія, юродивой подбѣжалъ къ Юрію. — Смотри, Дмишричь! сказалъ онъ; крѣпись!... Терпи! спернишся, слюбишся! ты постоишь за правду, а пѣска-ша, вонъ шамъ! и за говоришь: «ай, да сынокъ! ушѣшилъ мою душеньку!...» Прощай, покамѣсьшь!... Мишя будешь молишься Богу, молись и ты!... Онъ не въ насъ! хопъ и высоко, а все слышишь!... А у Троицы-шо, Дмишричь, у Троицы... раздолье!—если гдѣ помолишься... Не забудь!... Сказавъ сіи слова, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнашы.

Юрій едва слышалъ, что говорилъ ему юродивой; онъ не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось: голосъ унавшей въ обморокъ дѣвицы, вѣроятно, дочери Боярина Кручины, проникъ до глубины его сердца; что-то знакомое, близкое душѣ его, опоздалось въ семь крикъ, кошорый, казалось Юрію, походилъ болѣе на радостное восклицаніе, чѣмъ на вопль горести.

Онъ не смѣлъ мыслишь, не смѣлъ надѣяться; но прошивъ воли Москва, Кремль, Спасъ на Вору и прекрасная незнакомка предспавились его воображенію. Больше получаса Бояринъ не показывался и когда онъ вошелъ обратно въ споловую комнату: но, несмотря на то, что весьма скоро припворилъ дверь въ сосѣдственной покой, Юрій усиль разглядѣшь, что въ ономъ никого не было, кромѣ одного высокаго ростомъ служителя, спѣшившаго уйдти въ прошивуположныя двери. Милославскому показалось, что сей служитель походитъ на человека, замѣченнаго имъ поущру въ боярскомъ саду.—

— Дочь моя, сказала Шалонской Пану Тишкевичу,—весьма жалѣеть, что не можешь меня видѣшь: она не совсемъ еще здорова и очень слаба; но надѣюсь, что скоро....

— Заалѣеть оный, какъ маковъ цвѣтъ! перервалъ Лесуша-Храпуновъ. — Нечего сказать, всякой позавидуетъ Па-

ну Гонсѣвскому, когда Анаспасья Тимофѣевна будетъ его супругою.—

— «Жена доблія веселишь мужа своего, примолвилъ Замяшня,—и дѣша его исполнишь миромъ.»

— Да будетъ по глаголу ивоному, сосѣдъ! сказалъ съ улыбкою Кручина.— Юрій Дмитричъ! продолжалъ онъ, подойдя къ Милославскому;—пы что-шо призадумался; помиримся! Я и самъ виню себя, что не кспати погорячился; пы цѣловаль крестъ сыну, и гошовъ присягнуть опцу—оба мы желаемъ блага нашему сллчеспиву: шакъ ссоринься намъ не за что, а чему бытъ, тому не миновать.—

Юрій въ знакъ примиренія подалъ ему руку.—Ну, дорогіе госпи! продолжалъ Бояринъ, шеперь милосши просимъ повеселиться. Гей, наливайше кубки! подносише взварецъ (*)! да, шѣсельниковъ! живо!—

(*) Горлчей наливочкѣ, родъ пуща, въ составѣ котораго входили: пиво, медъ, вино и пріише ко-

Толпа дворовыхъ, одѣтыхъ по большой часни въ охотничьи плашья, Польскаго покроя, взошли въ комнату. Инструментальную часть хора составляли: гудокъ, балалайка, рожокъ, мѣдные пазы и сковороды. По знаку хозяина, раздались удалыя Волжскія пѣсни и, черезъ нѣсколько минутокъ, столовая комната превратилась въ настоящей цыганекы шабарь. Всѣ приличія были забыты: пьяные господа, обнимали пьяныхъ слугъ; нѣкоторые изъ госпей ревѣли на разладъ вмѣстѣ съ пѣсельниками; другіе, у которыхъ ноги были шверже языка, приплясывали и кривлялись, какъ армарочные скоморохи, и даже важный Замяшня-Опалевъ нѣсколько разъ приподнимался, чнобъ проплясать голубца; но видя, что всѣ его усилія напрасны, пробормошалъ: «сердце мое смясеея и оспави мя сила моя!» Панъ

релья. Въ Малороссіи и до сихъ поръ еще въ употребленіи сей національной пуншь, по.ъ имеемъ варсунхи.—

Тишкевичъ, хотя не принималъ уча-
 стія въ сихъ отвратительныхъ за-
 бавахъ; но, казалось, не скучалъ и смѣ-
 ялся ошъ добраго сердца, смотря на
 безумныя пошѣхи другихъ. Напро-
 шивъ Юрій, привыкшій съ младенче-
 ства къ благочестію въ домѣ отца
 своего, ожидалъ только удобной ми-
 нуты, чшобы уйдти въ свою комна-
 ту; онъ желалъ эшаго шѣмъ болѣе,
 чшо день клонился уже къ вечеру, а
 ему должно было отправишься чѣмъ
 свѣшъ въ дорогу.—

Межъ шѣмъ громкія восклицанія
 возвѣспили появленіе плясунновъ и
 плясуньевъ. Безстыдство и развратъ,
 во всей безобразной наготѣ своей,
 предспавились тогда изумленнымъ
 взорамъ Юрія. Онъ не смѣлъ никогда
 и помыслишь, чшобъ человекъ, со-
 зданный по образу и подобію Божию,
 могъ унизишься до такой степени.
 Всѣ гости походили на бѣснующихся;
 ихъ буйное веселье, неистовые вопли,
 обезображенныя виномъ лица, все со-

гласовалось съ опврашипельнымъ крикомъ полупьянаго хора и гнуснымъ содержаніемъ развратныхъ пѣсень, Боярину Кручинѣ показалось, что одинъ изъ плясуновъ прыгаетъ хуже обыкновеннаго.—Еге, Андриушка! закричалъ онъ;—да ты никакъ спалъ умничать! погоди, голубчикъ! у меня прибавишь провору! Гей, Томила! Удалой! въ плечи его!—Приказаніе въ шужь минушу было исполнено.—Что, братъ! сказалъ съ громкимъ хохотомъ Кручина несчастному плясуну, котораго жалобный крикъ сливался съ веселыми восклицаніями пирующихъ. — Никакъ подъ эту пѣсенку ты живѣе поплясываешь! Капрай его!—Юрій хопъль было умилоспи-вишь Боярина; но онъ не спалъ его слушаешь, а Замяшня-Опалевъ закричалъ:—не мѣшайся, молодець, не въ свои дѣла! писано естъ: »непокоривому рабу сокруши ребра«—и Сирахъ глаголетъ: »пища и жезліе и бремя ослу; хлѣбъ и наказаніе и дѣло рабу.«

Лесута, радуясь, что можетъ также похвастаться своей ученостью: «не буди излишенъ надъ всякою плошю, и безъ суда не сошвори ни чесо же.» Это часно изволилъ мнѣ говаривать блаженной памяти Царь, Феодоръ Иоанновичъ; какъ шеперь помню, однажды, ошпоявъ всенощную, Его Царское Величештво....

— Вѣрно пошелъ спать, перервалъ Тишкевичъ; кажешся и намъ пора. Прощай, Бояринъ! пущь мои шоварици веселяшся у тебѣ хощь всю ночь; а я привыкъ вспавать рано, шакъ мнѣ пора на покой!—

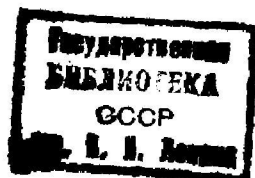
Хозяинъ не спалъ удерживать Регименшаря и Милославскаго, копорый также съ нимъ распрощался. Комната, гдѣ до обѣда опдыхалъ Юрій, назначена была Полякамъ; а ему ошвели покой въ опдаленномъ домикѣ, на другомъ концѣ двора; онъ нашель въ немъ своего слугу, копорый, по видимому, угощенъ былъ не

хуже своего господина и едва сползалъ на ногахъ. Милославской, помолясь Богу, раздѣлся безъ помощи Алексѣя и прилежъ на мягкую пери-ну; но сонъ бѣжалъ опъ глазъ его; впечатлѣніе, произведенное на Юрія появленіемъ Боярской дочери, не совсѣмъ еще изгладилось; мысль, что, можешъ бышь, онъ провелъ весь день подъ одной кровлею съ своею прекра-сной незнакомкой, наполняла его ду-шу какимъ-то грустнымъ, не изъяснимымъ чувствомъ. Но вскорѣ са-мая проспая мысль уничтожила всѣ его догадки: онъ много разъ видалъ свою незнакомку, но ни когда не слышалъ ея голоса, слѣдовательно еслибъ она была и дочерью Боярина Кручи-ны: то, не увидавъ ее въ лице, онъ не могъ узнатьъ ее по одному поль-ко голосу; а сверхъ того ему ушъи-пельнѣе было думать, что онъ ошиб-ся, чѣмъ узнатьъ, что его незнакомка дочь Боярина Кручины и невѣста Пана Гонсѣвскаго. Мало по малу успо-

коилось волненіе въ крови его, во-
ображеніе охладѣло, и Юрій нако-
нецъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ
сномъ.

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

5219-63